

Russian Studies in Culture and Society

Российские исследования. Культура и общество

Volume 10, Number 2
2026

ISSN 2998-8292 (online)

ISSN 2576-9782 (print)

ISSN 2998-8292 (online)

ISSN 2576-9782 (print)

Russian Studies in Culture and Society

Российские исследования. Культура и общество

Volume 10, Number 2
2026

Научно-инновационный центр
Красноярск, 2026

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (регистрационный номер от 06.05.2025 серии ЭЛ № ФС 77 - 89428) и Международным центром ISSN (ISSN 2576-9782 (Print), ISSN 2998-8292 (Online)).

Журнал выходит четыре раза в год. Основан в 2017 г.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.

**Russian Studies in Culture and Society /
Российские исследования. Культура и общество,
Volume 10, Number 2, 2026**

Главный редактор:

Широкалова Галина Сергеевна, доктор социологических наук, кандидат философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Приволжский филиал (Нижний Новгород, Российская Федерация)

Члены редакционной коллегии:

Г.Д. Гриценко, д-р филос. наук (Ростов-на-Дону, Российская Федерация), **К.А. Долгополов**, д-р соц. наук (Ставрополь, Российская Федерация), **В.Б. Малышев**, д-р филос. наук (Самара, Российская Федерация), **Т.П. Минченко**, д-р филос. наук (Томск, Российская Федерация), **П.Ю. Наумов**, канд. пед. наук (Москва, Российская Федерация), **С.П. Парамонова** (Пермь, Российская Федерация), **Р.Б. Салморбекова**, д-р соц. наук (Бишкек, Кыргызстан), **Н.В. Серов**, д-р культурологии (Санкт-Петербург, Российская Федерация), **Е.В. Хлышева**, д-р филос. наук (Астрахань, Российская Федерация), **А.Р. Ахметова**, канд. ист. наук (Казань, Российская Федерация), **М.Х. Ахметова**, канд. соц. наук (Набережные Челны, Российская Федерация), **В.М. Большакова**, канд. юр. наук (Нижний Новгород, Российская Федерация), **Т.А. Магсумов**, д-р. ист. наук (Набережные Челны, Российская Федерация), **Г.В. Малашин**, руководитель отдела по взаимодействию Церкви с обществом и СМИ Красноярской епархии РПЦ (Красноярск, Российская Федерация)

Журнал включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов ВАК Минобрнауки РФ, РИНЦ, РЦНИ, ЕГПНИ-Белый список, КиберЛенинка, DOAJ.

Учредитель и издатель:

Научно-инновационный центр

Представитель в США:

3556, S. Jefferson Str, Saint Louis, Missouri, 63118, USA

Представитель в России:

ул. 9Мая, 5/192, Красноярск, Красноярский край, 660127, Российская Федерация

E-mail: editor@csjournal.ru

www.csjournal.ru | +7 (995) 080-90-42

Подписано в печать 30.06.2026. Дата выхода в свет 30.06.2026. Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 19,38. Тираж 50 экз. Свободная цена. Заказ RSCS102/2026. Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «Издательство «Авторская Мастерская» (ИП Давгуненко А.А. ИНН 344210747590). Адрес типографии: ул. Проезд Добролюбова 3 стр. 2, г. Москва, 127254, Россия

The edition is registered (certificate of registry EL № FS 77 - 89428, 06.05.2025) by the Federal Service of Intercommunication and Mass Media Control and by the International center ISSN (ISSN 2576-9782 (Print), ISSN 2998-8292 (Online)).

The journal is published 4 times per year. Founded in 2017.

All manuscripts submitted are subject to double-blind review.

Russian Studies in Culture and Society, Volume 10, Number 2, 2026

Editor-in-Chief:

Galina S. Shirokalova, Doctor of Sociology, Candidate of Philosophy (Ph.D.), Professor, Leading Researcher, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Nizhny Novgorod, Russian Federation)

Editorial Board Members:

Galina D. Gritsenko, Doctor of Philosophy (Rostov-on-Don, Russian Federation), **Kirill A. Dolgoplov**, Doctor of Sociology (Stavropol, Russian Federation), **Vladislav B. Malyshev**, Doctor of Philosophy (Samara, Russian Federation), **Tatyana P. Minchenko**, Doctor of Philosophy (Tomsk, Russian Federation), **Petr Yu. Naumov** Ph.D. in Education (Moscow, Russian Federation), **Svetlana P. Paramonova**, Doctor of Philosophy (Perm, Russian Federation), **Rita B. Salmorbekova**, Doctor of Sociology (Bishkek, Kyrgyzstan), **Nikolay V. Serov**, Doctor of Culturology (St. Petersburg, Russian Federation), **Elena V. Khlyshcheva**, Doctor of Philosophy (Astrakhan, Russian Federation), **Albina R. Akhmetova**, Ph.D. in History (Kazan, Russian Federation), **Milausha Kh. Akhmetova**, Ph.D. in Sociology (Naberezhnye Chelny, Russian Federation), **Valentina M. Bolshakova**, Ph.D. in Law (Nizhny Novgorod, Russian Federation), **Timur A. Magsumov**, Doctor of History (Naberezhnye Chelny, Russian Federation), **Gennady V. Malashin**, Head of the Department for Interaction of the Church with the Society and Mass Media of the Krasnoyarsk Diocese of the Russian Orthodox Church (Krasnoyarsk, Russian Federation)

The journal is included in the List of Russian peer-reviewed scientific journals of the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, RISC, RCSI, White List, CyberLeninka, DOAJ.

Founder and Publisher:

Science and Innovation Center Publishing House

Representative in the U.S.:

3556, S. Jefferson Str, Saint Louis, Missouri, 63118, USA

Representative in Russia:

9 Maya St., 5/192, Krasnoyarsk, 660127, Russian Federation

E-mail: editor@csjournal.ru

www.csjournal.ru | +7 (995) 080-90-42

Approved for printing 30.06.2026. Format 60x84/16. Order RSCS102/2026. The Printing House. 3/2, Proezd Dobrolyubova Str., Moscow, 127254 Russia

Социология культуры / Sociology of Culture

Научная статья

DOI: [10.12731/2576-9782-2026-10-2-321](https://doi.org/10.12731/2576-9782-2026-10-2-321)

EDN: [OUKUKY](https://www.edn.ru/OUKUKY)

УДК 316.2:316.7:316.42

Original article

Созидательная личность в условиях социокультурной неопределенности

С.Н. Панкова

*Уральский федеральный университет, Екатеринбург,
Российская Федерация*

Аннотация

Обоснование. В статье рассматривается проблема формирования личности в условиях социокультурной неопределенности современного общества и трансформации форм социальной коммуникации.

Цель. Целью исследования является раскрытие концепции созидательной личности как социального типа личности, формирующегося в процессе самоформирования через создание форм повседневной жизнедеятельности.

Методология. Методологическую основу исследования составляют интерпретативный социологический подход, феноменологическая социология и социология повседневности.

Результаты. В статье показано, что формирование личности в современном обществе происходит через процессы самоформирования, связанные с конструированием форм повседневной жизнедеятельности. Обосновано понятие созидательной личности как социального типа личности, ориентированного на конструирование будущего социальной реальности.

Практические рекомендации, вытекающие из результатов исследования, могут быть связаны с развитием образовательных и социальных практик, направленных на формирование способности личности к самоформированию и проектированию образа будущего. В частности, перспективным является использование методов, ориентированных на развитие рефлексии, смыслообразования и проектной активности личности в условиях социокультурной неопределенности.

Ключевые слова: самоформирование личности; повседневная жизнедеятельность; социокультурная неопределенность; созидательная личность; образ будущего; формы повседневности; коллективная субъектность; повседневные практики

Для цитирования. Панкова, С. Н. (2026). Созидательная личность в условиях социокультурной неопределенности. *Russian Studies in Culture and Society / Российские исследования. Культура и общество*, 10(2), 4-27. <https://doi.org/10.12731/2576-9782-2026-10-2-321>

Creative personality under sociocultural uncertainty

S.N. Pankova

Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation

Abstract

Background. The article examines the problem of personality formation under conditions of sociocultural uncertainty and transformation of social communication in contemporary society.

Purpose. The aim of the study is to develop the concept of the creative personality as a social type formed through the process of self-formation by creating forms of everyday life.

Methodology. The methodological basis of the study includes the interpretative sociological approach, phenomenological sociology and sociology of everyday life.

Results. The article demonstrates that personality formation in contemporary society increasingly occurs through processes of self-formation associated with the construction of forms of everyday life. The concept of the creative personality is substantiated as a social type oriented toward the construction of the future social reality.

Practical implications. The results of the study can be applied in research within sociology of culture, sociology of everyday life and theories of personality formation.

Keywords: creative personality; self-formation; everyday life; sociocultural uncertainty; image of the future; collective subjectivity; everyday practices

For citation. Pankova, S. N. (2026). Creative personality under sociocultural uncertainty. *Russian Studies in Culture and Society*, 10(2), 4-27. <https://doi.org/10.12731/2576-9782-2026-10-2-321>

Введение

Проблема неопределенности занимает важное место в современных социальных науках и рассматривается как одна из ключевых характеристик позднего модерна. Ускорение социальных изменений и развитие технологий усиливают неопределенность в различных сферах общественной жизни. Под социокультурной неопределенностью в данном исследовании понимается состояние социальной реальности, характеризующееся нестабильностью нормативных

ориентиров, множественностью жизненных сценариев, а также необходимостью самостоятельного выбора и интерпретации жизненных стратегий.

Одним из наиболее известных подходов к анализу современной социальной реальности является концепция «общества риска», разработанная У. Бемом [26]. Согласно данному подходу, современное общество характеризуется производством рисков, которые становятся важным фактором социальной организации и принятия решений. При этом будущие угрозы и неопределенности начинают играть более значимую роль, чем прошлый опыт, что изменяет логику социального действия.

Другим направлением анализа неопределенности является концепция «текущей современности» З. Баумана [1], описывающая современное общество как пространство высокой мобильности и нестабильности социальных структур. В условиях «текущей современности» традиционные формы социальной организации утрачивают устойчивость, а индивид сталкивается с необходимостью самостоятельно выстраивать жизненные стратегии и формы социальной активности [2]. Это сопровождается кризисом идентификационных структур личности и переходом к более процессуальным и незавершенным формам идентичности [3].

Технологизация и цифровизация усиливают данные процессы. Развитие цифровых технологий трансформирует социальные практики и формы коммуникации, усиливая неопределенность социальной среды [7; 16]. В условиях ускорения социальных изменений проявляются психологические ограничения и эффекты адаптации человека к высокой динамике социальных процессов [8].

Особое значение в анализе данных трансформаций имеет изучение влияния цифровых технологий на социальные структуры и формы взаимодействия. М. Кастельс показывает, что современное общество все в большей степени организуется как сеть взаимосвязанных коммуникационных структур, в которых социальные процессы разворачиваются в пространстве глобальных информационных потоков [28]. В этих условиях формируются новые формы коллективных действий, идентичностей и социальных движений.

Цифровая среда изменяет способы существования личности, превращая адаптацию и самоконструирование в непрерывный процесс. Технологии становятся важным элементом социальной и психологической жизни человека, влияя на его самовосприятие и взаимодействие с окружающим миром. По мнению Э. Гидденса, современность характеризуется усилением рефлексивности личности, которая вынуждена постоянно переосмысливать собственную идентичность и жизненные стратегии в условиях высокой неопределенности социальной среды [30].

Меняются механизмы адаптации человека к неопределенности и риску [10]. Нестабильность социальных институтов и амбивалентность моральных норм усиливают неопределенность социальных стратегий современного человека [11; 12]. Все это приводит к необходимости поиска новых способов включенности личности в социальную реальность.

В классических социологических концепциях становление личности преимущественно объяснялось через процессы социализации, интериоризации социальных норм и воспроизводства культурных образцов. Личность рассматривалась как результат усвоения существующих социальных моделей поведения [13; 20], в ходе которого внешняя социальная реальность постепенно интериоризируется индивидом [5].

Однако в условиях усложнения социальной структуры и расширения пространства возможностей социальная реальность все в большей степени становится пространством интерпретации, выбора и создания новых форм взаимодействия. В этих условиях возрастает значение повседневной жизнедеятельности как особого социального пространства, в котором личность не только осваивает существующие культурные образцы, но и преобразует их, формируя собственные формы социальной активности.

Обращение к феноменологической социологии и социологии повседневности позволяет рассматривать повседневный жизненный мир как пространство конструирования социальной реальности. В данном подходе личность выступает не только объектом социали-

зации, но и активным субъектом интерпретации и преобразования социального опыта.

В условиях социокультурной неопределенности особую роль начинает играть ориентация личности на будущее. Будущее выступает не как предопределенный результат социальных процессов, а как проект, формируемый в системе коллективных и индивидуальных практик интерпретации социальной реальности. В этом контексте возрастает значение созидательной активности личности, направленной на создание новых форм социальной жизни.

Целью настоящего исследования является раскрытие концепции созидательной личности как социального типа личности, формирующегося в процессе самоформирования через создание форм повседневной жизнедеятельности, ориентированных на конструирование будущего социальной реальности.

Для достижения поставленной цели в статье решаются следующие задачи:

1. раскрыть социокультурную неопределенность как характеристику современной социальной реальности;
2. проанализировать формирование личности в условиях трансформации повседневной жизнедеятельности;
3. обосновать понятие самоформирования личности;
4. раскрыть роль образа будущего в процессе самоформирования;
5. определить специфику созидательной личности как социального типа.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

1. Формирование личности рассматривается через призму процессов самоформирования, происходящих в системе повседневной жизнедеятельности, что позволяет переосмыслить роль повседневных практик в развитии субъектности личности.

2. Предложена трактовка образа будущего как проекта повседневной жизнедеятельности, который выступает смысловым ориентиром социальной активности личности и формируется в процессе коллективного конструирования социальной реальности.

3. Обосновано понятие созидательной личности как социального типа личности, реализующего свой потенциал через создание новых форм повседневной жизнедеятельности и использование неопределенности социальной среды как ресурса развития.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов при разработке образовательных программ, направленных на развитие субъектности и способности к самоформированию личности, а также в проектировании социальных и молодежных программ, ориентированных на поддержку активности и инициативности в условиях социокультурной неопределенности.

Полученные результаты могут быть применены в психологических и образовательных практиках, направленных на развитие рефлексии, смыслообразования и способности к проектированию образа будущего.

Методологическая основа исследования

Методологическую основу исследования составляет интерпретативный социологический подход, ориентированный на анализ процессов формирования личности в контексте повседневной жизнедеятельности и социального взаимодействия. В рамках данного подхода социальная реальность рассматривается как результат интересубъективного конструирования.

Теоретическим основанием исследования выступают положения феноменологической социологии и социологии повседневности, рассматривающих повседневный жизненный мир как пространство формирования и воспроизводства социальных смыслов. В данной традиции особое значение имеют идеи о жизненном мире, интересубъективности и типизациях повседневного опыта, позволяющие рассматривать формирование личности и ее социального действия в пространстве жизнедеятельности.

Для разработки методологической основы сопоставлены различные социологические подходы и осуществлено концептуальное моделирование процессов самоформирования личности в условиях социокультурной неопределенности современного общества.

Результаты и обсуждение

Самоформирование личности как конструирование повседневной жизнедеятельности

В современных условиях возрастает значение способности личности к самоформированию. Это означает актуализацию возможностей к самостоятельному выстраиванию повседневной жизнедеятельности и проектированию собственных перспектив развития. Однако данный процесс не является ни исключительно субъективным, ни сугубо индивидуальным. Повседневное жизненное пространство представляет собой интерсубъективную реальность, «жизненный мир», структурированный типизациями и «запасами наличного знания», которые формируются в процессе социального взаимодействия и служат основой ориентации человека в социальной среде. Осваивая эти структуры повседневного опыта, индивид не только воспроизводит существующие социальные практики, но и интерпретирует их в соответствии с собственной биографической ситуацией и системой значимостей [36].

Такое понимание повседневности позволяет рассматривать становление личности не только как результат усвоения социальных норм, но и как процесс активной интерпретации социальной реальности. В этом контексте самоформирование личности может быть интерпретировано как процесс преобразования повседневного опыта и создания новых форм жизнедеятельности.

Самоформирование личности может быть рассмотрено как процесс создания и преобразования форм повседневной жизнедеятельности, в которых проявляется отношение человека к социальной среде, другим людям и самому себе. Повседневность в этой связи выступает не только пространством воспроизводства социальных норм, но и сферой формирования новых способов взаимодействия и социальной активности.

Социальная реальность обладает для личности характеристиками предзаданности и объективности: человек включается в уже существующую систему социальных отношений, норм и культурных практик. Однако в процессе освоения социальной реальности она

воспринимается через призму индивидуального опыта. Горизонт повседневности определяет возможность осмысления социальной реальности, ее интерпретации и преобразования.

Таким образом, самоформирование личности представляет собой процесс создания форм повседневности, в котором человек осваивает и изменяет социальную реальность.

Проектирование образа будущего в повседневной жизнедеятельности

В условиях социокультурной неопределенности особое значение в процессах самоформирования личности приобретает ориентация на будущее. В данном исследования образ будущего понимается как социально и культурно обусловленный проект повседневной жизнедеятельности личности, задающий ориентиры ее активности. Если в традиционных моделях социального развития определяющую роль играл прошлый опыт, то в современном обществе возрастает значение будущего как смыслового ориентира.

Будущее все чаще выступает не как predetermined результат развития общества, а как пространство возможных проектов и альтернатив. Социокультурная неопределенность проявляется в нестабильности нормативных ориентиров, множественности жизненных сценариев и необходимости самостоятельного выбора и интерпретации жизненных стратегий.

Идея будущего как социального проекта связана с конструктивистским пониманием социальной реальности. П. Бергер и Т. Лукман показали, что социальная реальность формируется в процессе коллективного производства и интерпретации смыслов. Согласно их подходу, общество одновременно выступает результатом человеческой деятельности и объективной реальностью, которая затем вновь интериоризируется индивидами [5]. В этом контексте образ будущего можно рассматривать как проект повседневной жизнедеятельности личности. Такой проект формируется в процессе интерпретации социального опыта и взаимодействия с окружающей средой и определяет направленность деятельности человека, его ценностные ориентиры и формы социального участия. Образ буду-

щего является не исключительно индивидуальным представлением, поскольку он формируется в системе культурных и коммуникативных практик и отражает коллективные представления о возможных путях развития общества.

Исследования образа будущего показывают его влияние на текущее поведение социальных акторов [4]. Данная методологическая перспектива обладает прогностической ценностью и позволяет рассматривать образ будущего как фактор, определяющий направления жизнедеятельности личности.

В рамках социологического подхода продуктивным является использование проективных методов, направленных на выявление образных и смысловых представлений личности. В частности, в ранее проведенном исследовании (N = 418) применялись открытые вопросы, позволяющие реконструировать образы повседневных практик (например, образ здорового образа жизни и питания) [35]. Полученные результаты показали зависимость формируемых образов от социальных условий и ресурсов жизнедеятельности.

Данный подход может быть использован и для анализа образа будущего, поскольку он также представляет собой социально конструируемую систему представлений, отражающую возможности и ограничения жизнедеятельности личности. На начальном этапе настоящего исследования были получены эмпирические данные, отражающие особенности представлений личности о собственном будущем. Исследование носит разведывательный характер (N = 66) и основано на анализе открытых ответов респондентов. Дополнительно учитывались данные об образовательных практиках, использовании цифровых ресурсов и субъективном благополучии. Несмотря на ограниченный объем выборки, полученные данные позволяют выявить предварительные тенденции и задать направление для дальнейших исследований.

Анализ показал различия в степени сформированности образа будущего: от достаточно четких и конкретных представлений (ориентация на профессиональную реализацию, успех, самореализацию) до неопределенных или отсутствующих формулировок. Так, часть респондентов описывает свое будущее через категории

профессиональной состоятельности и самореализации: «Я вижу себя успешным и реализованным специалистом».

В то же время в ответах фиксируются и более неопределенные, размытые представления о будущем, отражающие переживание нестабильности социальной среды: «Я его не вижу. Все слишком быстро меняется».

Можно говорить о неоднородности образа будущего, связанной с различиями в уровне субъектной активности личности и ее способности к проектированию собственной жизненной траектории. В данном контексте образ будущего выступает не только как когнитивная конструкция, но и как показатель включенности личности в процессы самоформирования.

Дополнительно выявлено, что формирование образа будущего связано с активным использованием цифровых образовательных ресурсов и практик самообразования. При этом цифровая среда выступает как амбивалентный фактор: наряду с расширением возможностей обучения фиксируются признаки информационной перегрузки и трудности концентрации. Это подтверждается тем, что в ответах респондентов одновременно присутствуют установки на развитие и самореализацию, а также переживание неопределенности и нестабильности будущего.

Формирование образа будущего связано с несколькими взаимосвязанными компонентами. Смысловой компонент выражается в определении направленности жизненного пути и интерпретации социальной реальности. Знаниевый компонент связан с производством и освоением знаний, необходимых для ориентации в сложной социальной среде и использовании новых технологических возможностей. Ценностный компонент проявляется в формировании представлений о желаемых формах социальной жизни, благополучии и ответственности личности по отношению к другим людям. В ряде высказываний он выражается через стремление к гармонизации различных сфер жизни, например: «Найти баланс между личной жизнью и личным бизнесом». Это указывает на интеграцию индивидуальных и социальных ориентиров в структуре образа будущего.

Соединение ценностного и смыслового компонентов проявляется в том, каким образом социальные акторы выстраивают представления о будущем в контексте текущей повседневности. В этом процессе формируется система приоритетов и ориентиров, определяющих направленность социальной активности. Образ будущего проявляется в ценностной и смысловой интерпретации происходящих событий и действий, которая направляет активность как индивидуальных, так и коллективных субъектов [6]. В этом процессе формируются смысловые связи не только между настоящим и будущим, но и между людьми, создавая пространство коллективной интерсубъективности.

Формирование образа будущего связано не только с когнитивной, но и с моральной работой субъекта [18]. Образ будущего может быть интерпретирован как ценностный проект, воплощающий аксиологические детерминанты жизнедеятельности человека.

В условиях развития технологий и расширения коммуникативных возможностей формирование образа будущего все в большей степени осуществляется в процессе коллективного взаимодействия [17]. Современные средства коммуникации создают новые пространства обмена идеями, знаниями и социальными практиками [14; 19], что способствует появлению различных проектов социального развития и формированию новых моделей социальной активности.

Таким образом, образ будущего выступает важным элементом процессов самоформирования личности, поскольку он задает направленность повседневной жизнедеятельности и определяет способы взаимодействия человека с социальной реальностью. Ориентация на будущее открывает возможности для создания новых форм социальной активности и становится основой формирования личности, способной к созидательной деятельности и преобразованию социальной среды.

Созидательная личность как социальный тип

Рассмотрение процессов самоформирования личности в условиях социокультурной неопределенности позволяет выделить особый социальный тип личности, ориентированный на активное участие в конструировании социальной реальности. Такой тип личности можно определить как созидательную личность.

Значительное влияние на процессы формирования личности в современном обществе оказывают технологические изменения и развитие средств коммуникации. В работах М. Маклюэна показано, что новые коммуникационные технологии изменяют не только формы передачи информации, но и способы восприятия социальной реальности, структуры взаимодействия и характер общественных отношений [15]. В этом смысле технологическая среда может рассматриваться как важный фактор трансформации условий самоформирования личности и формирования новых форм социальной активности.

Современные технологические изменения создают новые условия для проявления созидательной активности. Развитие цифровых платформ, сетевых коммуникаций и технологий искусственного интеллекта трансформирует распределение ролей между человеческими и нечеловеческими агентами в процессе производства знаний [23]. Это приводит к пересмотру традиционных представлений о творческой деятельности и требует уточнения концепции созидательной личности в новом технологическом и социокультурном контексте [24; 25].

В условиях цифровизации изменяются формы самоидентификации и самопрезентации личности. Расширение каналов коммуникации и доступа к информации трансформирует способы производства и интерпретации знаний, а также формирует новые пространства социального взаимодействия [2; 19]. Виртуальная среда становится важным пространством конструирования идентичности, в котором формируются множественные формы самовыражения личности [25].

Саморефлексия становится важным инструментом адаптации к цифровой среде в условиях неопределенности [37]. Она обеспечивает обратную связь для развития личностного потенциала. Поскольку система знаний формируется через повседневный опыт [38], то включение цифрового контекста в повседневный опыт как условия жизнедеятельности приводит к изменению способов самовыражения [33]. Цифровая фрагментация повседневности приводит к изменению структуры социального опыта. Увеличение объема доступной информации, ускорение коммуникаций и разнообразие социальных ролей создают новые возможности для творчества и социальной

активности, но одновременно формируют риски информационной перегрузки и фрагментации внимания [29; 32].

В этих условиях возрастает значение рефлексии и когнитивной саморегуляции личности. Способность человека проектировать будущее и соотносить его с текущими действиями становится основой субъектности и творческого потенциала [30; 31].

Технологическая среда расширяет коммуникацию, инновации и социальную активность, создавая новые условия для самоформирования личности. Интеграция технологий в жизнедеятельность человека становится новым импульсом формирования идентичности, создавая новые возможности и ограничения для самовыражения личности.

Таким образом, мы определяем созидательную личность как социальный тип, формирующийся в условиях социокультурной неопределенности и ориентированный на создание новых форм повседневной жизнедеятельности, развитие коммуникативных практик и конструирование будущего социальной реальности.

Для наглядного представления взаимосвязи ключевых элементов предложенной концепции на рисунке 1 представлена модель формирования созидательной личности. Формирование созидательной личности происходит в повседневной жизнедеятельности личности, в которой решается проблема неопределенности и происходит становление личности. В условиях социокультурной неопределенности формы повседневной жизнедеятельности приобретают деятельностное, коммуникативное и смысловое измерения, через которые реализуется потенциал личности и формируется ее способность к конструированию будущего социальной реальности.

Предложенная модель позволяет рассматривать развитие субъектности не только как результат социализации, но и как процесс самоформирования, происходящий в системе повседневной жизнедеятельности в условиях социокультурной неопределенности.

Созидательная личность реализует свой потенциал через различные формы повседневной жизнедеятельности. Идея формы повседневной жизнедеятельности соотносится с социологической концепцией форм социального взаимодействия, разработанной

Георгом Зиммелем [9]. В его работах форма рассматривается как способ организации социального взаимодействия, позволяющий выявить устойчивые структуры социальной жизни независимо от конкретного содержания взаимодействий. Использование данного подхода позволяет рассматривать повседневную жизнедеятельность личности как совокупность форм взаимодействия и деятельности, через которые реализуется ее социальный потенциал.

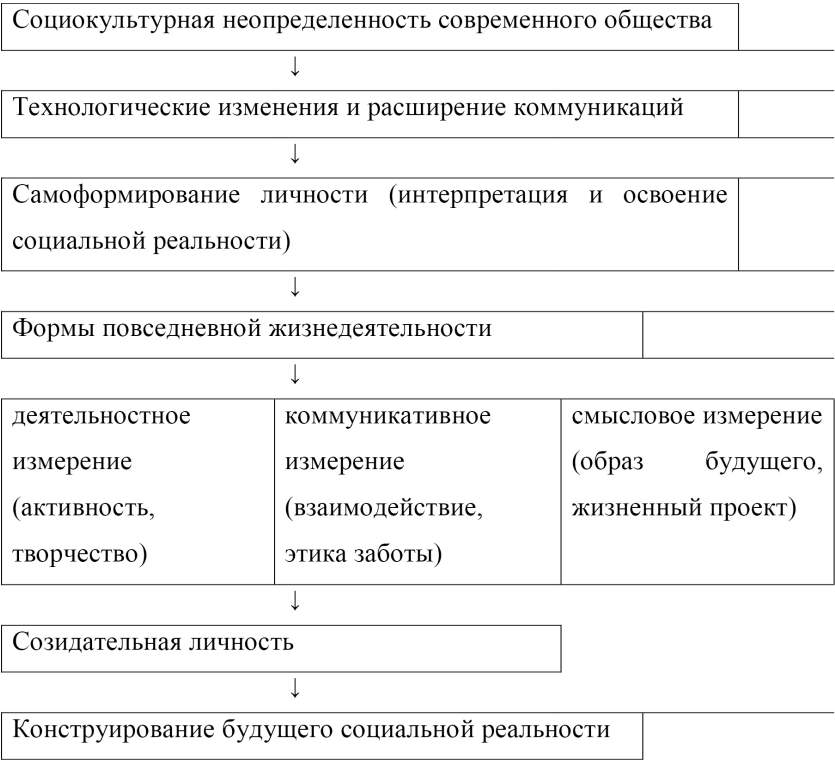

Рис. 1. Формирование созидательной личности в условиях социокультурной неопределенности
Fig. 1. The Development of a Creative Personality in a Context of Sociocultural Uncertainty

Деятельностное измерение проявляется в стремлении к созданию новых форм деятельности, развитию инициативы и творческого подхода к решению социальных задач. Коммуникативное измере-

ние выражается в способности к взаимодействию, формированию социальных связей и развитию практик сотрудничества. Важным элементом данного измерения является ориентация на ценности взаимной ответственности и заботы, что формирует основу этики заботы как важного элемента социального взаимодействия.

Способность личности к поиску новых решений и открытию неожиданных возможностей может быть соотнесена с понятием «серендипности», введенным Робертом Мертоном. Под серендипностью понимается способность обнаруживать значимые решения или идеи в процессе поиска других целей [34]. В контексте формирования личности данная способность проявляется как готовность воспринимать неопределенность социальной среды не только как источник рисков, но и как пространство новых возможностей и открытий.

Особую роль в формировании созидательной личности играет развитие современных технологий и расширение возможностей коммуникации. Технологическая среда не только изменяет формы деятельности и взаимодействия, но и трансформирует условия самоформирования личности, открывая новые пространства для обмена знаниями, коллективного творчества и социального участия. В этих условиях формируются новые формы социальной активности, позволяющие личности участвовать в создании культурных и социальных инноваций.

Таким образом, созидательная личность может рассматриваться как социальный тип личности, формирующийся в условиях социокультурной неопределенности и ориентированный на создание новых форм повседневной жизнедеятельности. В зависимости от отношения к неопределенности мы предлагаем типологию, цель которой выявить специфику созидательного типа личности. Данный тип отражает активную позицию личности в отношении создания форм повседневности. В отличие от адаптивного и рефлексивного типов личности, созидательная личность не только осваивает неопределенность, но и использует ее как ресурс развития. В отличие от проективного типа, созидательная личность не ограничивается моделированием возможных сценариев, а выстраивает настоящее,

исходя из образа желаемого будущего. Если рассматривать тип личности как модель ориентации на будущее, то созидательная личность характеризуется высокой степенью направленности на формирование новых форм социальной реальности. В противоположность ей адаптивный тип ориентирован на воспроизводство прошлого опыта и минимизацию неопределенности. Типология представлена в таблице 1.

Таблица 1.

Типология личности по ориентации на будущее и отношению к неопределенности

Table 1. Personality Typology Based on Future Orientation and Attitude Toward Uncertainty

Тип личности	Отношение к неопределенности	Повседневные практики	Ориентация	Пример
Адаптивная	Избегает неопределенности	Воспроизводство привычных практик	Прошлое	«Стремится к стабильной работе и избегает рисков»
Рефлексивная	Интерпретирует происходящие изменения	Выбор и корректировка практик	Настоящее	«Переосмысливает жизненные решения в зависимости от обстоятельств»
Проективная	Формирует представления о возможных сценариях будущего	Проектирование жизненных стратегий	Ближайшее будущее	«Планирует карьеру и варианты будущего»
Созидательная	Использует неопределенность как ресурс	Создание новых форм жизнедеятельности	Будущее	«Создает новые формы деятельности и использует неопределенность как ресурс»

Созидательность в рамках предложенного подхода рассматривается как потенциал личности, реализующийся в процессе самоформирования через создание форм повседневной жизнедеятельности. Степень реализации данного потенциала определяет способность личности воспринимать неопределенность социальной среды как пространство возможностей и участвовать в конструировании будущего социальной реальности.

Заключение

Проведенный анализ позволяет рассмотреть формирование личности в современном обществе через призму процессов самоформирования, происходящих в системе повседневной жизнедеятельности. В условиях социокультурной неопределенности становление личности связано со способностью действовать в ситуации открытых и поливариантных сценариев жизнедеятельности, ориентированных не на воспроизводство социальных норм, а на создание новых моделей социальной активности. В таком случае неопределенность социальной среды становится не только источником рисков, но и пространством возможностей, в котором актуализируется созидательный потенциал личности.

Важным элементом данного процесса является формирование образа будущего как проекта повседневной жизнедеятельности. Будущее выступает смысловым ориентиром социальной активности личности и формируется в системе коллективных и индивидуальных практик интерпретации социальной реальности. В условиях технологического развития и расширения коммуникативных возможностей образ будущего становится результатом совместного производства смыслов, знаний и культурных представлений.

Проведенный теоретический и эмпирический анализ позволяет выделить созидательную личность как социальный тип личности, формирующийся в процессе самоформирования через создание и преобразование форм повседневной жизнедеятельности. Созидательная личность характеризуется способностью воспринимать неопределенность социальной среды как пространство возможностей, развивать новые формы деятельности и взаимодействия, а также участвовать в конструировании будущего социальной реальности. В условиях социокультурной неопределенности становление личности определяется развитием ее созидательного потенциала, способностью к интерпретации социальных процессов, созданию новых форм повседневной жизнедеятельности и участию в коллективном производстве социальных и культурных изменений.

Представленная концепция открывает перспективы дальнейших исследований процессов самоформирования личности в условиях цифровой трансформации общества и развития новых форм социаль-

ной коммуникации. Эта концепция продолжает поиск, начатый нами ранее в исследовании самоформирования личности, но нацелена на углубление исследования с учетом социокультурных и технологических изменений [21]. Это позволяет рассматривать созидательную личность как новый аналитический конструкт социологии культуры, раскрывающий взаимосвязь повседневной жизнедеятельности, образа будущего и процессов социального конструирования реальности. Представляется, что предложенный подход позволяет рассматривать созидательную личность как один из ключевых типов субъектности в условиях современной социальной трансформации.

Основные результаты исследования

1. Повседневная жизнедеятельность определяется как система, в которой создаются новые формы социальной активности и взаимодействия и осуществляется процесс самоформирования личности.
2. Определена специфика созидательной личности как социального типа, ориентированного на будущее.
3. Сущность созидательной личности состоит в способности выстраивать повседневную жизнедеятельность, создавать новые формы социальной активности и участвовать в конструировании будущего.

Список литературы

1. Бауман, З. (2008). *Текущая современность*. Питер. ISBN: 978-5-469-00034-1. EDN: <https://elibrary.ru/QOABEJ>
2. Белинская, Е. П., & Франтова, Д. К. (2017). Активность в виртуальном взаимодействии как фактор конструирования идентичности пользователями социальных сетей: межпоколенные различия. *Вестник РГТУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование»*, (3), 28–43. EDN: <https://elibrary.ru/VWSFBZ>
3. Белинская, Е. П. (2018). Современные исследования идентичности: от структурной определенности к процессуальности и незавершенности. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология*, 8(1), 6–15. <https://doi.org/10.21638/11701/spbul6.2018.101> EDN: <https://elibrary.ru/UPCPCC>
4. Белова, Е. Н. и др. (2024). Образ будущего молодежи как основание ее демографического поведения: междисциплинарный подход. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки*, 8(4), 479–488. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2024-8-4-479-488> EDN: <https://elibrary.ru/VSTPPO>

5. Бергер, П., & Лукман, Т. (1995). *Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания*. Медиум.
6. Вебер, М. (1990). Критические исследования в области логики наук о культуре. В *Избранные произведения*. Прогресс.
7. Данилов, С. А., & Ручин, В. А. (2020). Рискогенность образования и социокультурный потенциал общества в условиях цифровизации. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика*, 20(1), 10–14. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-1-10-14> EDN: <https://elibrary.ru/ZEQYRO>
8. Демин, А. Н., & Демина, И. В. (2020). Проблема адаптации человека к скорости социальных процессов. *Человеческий капитал*, (10), 80–88. <https://doi.org/10.25629/НС.2020.10.05> EDN: <https://elibrary.ru/TRDIIQ>
9. Зиммель, Г. (2017). *Избранное. Философия культуры*. Центр гуманитарных инициатив.
10. Зубок, Ю. А. и др. (2017). Изменяющаяся социальная реальность в кризисном российском обществе. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*, (1), 41–57. <https://doi.org/10.15838/esc/2017.1.49.3> EDN: <https://elibrary.ru/YGKGXZ>
11. Зубок, Ю. А., & Чупров, В. И. (2008). Социальная регуляция в условиях неопределенности. Теоретические и прикладные проблемы в исследовании молодежи. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, (2), 142–155. EDN: <https://elibrary.ru/NRBHSN>
12. Истомина, О. Б. (2022). Бытие и неопределенность социальных стратегий: вызовы времени. *Вестник Бурятского государственного университета. Философия*, (2), 3–10. <https://doi.org/10.18101/1994-0866-2022-2-3-10> EDN: <https://elibrary.ru/TATYJI>
13. Конт, О. (2012). *Общий обзор позитивизма*.
14. Лисенкова, А. А. (2021). *Трансформация социокультурной идентичности в цифровом пространстве*. Пермский гос. институт культуры. ISBN: 978-5-91201-355-3. EDN: <https://elibrary.ru/TOSUPY>
15. Маклюэн, М. (2013). *Галактика Гутенберга. Становление человека печатающего*. ISBN: 978-5-8291-1479-4. EDN: <https://elibrary.ru/VRSDOV>
16. Пелевин, С. И. (2020). Аксиологический аспект технологизации современного общества. *Современные философские исследования*, (4), 95–102. <https://doi.org/10.18384/2310-7227-2020-4-95-102> EDN: <https://elibrary.ru/WNVCPK>
17. Попова, Е. С. (2024). Планы и реальность в горизонте будущего. *Социологическая наука и социальная практика*, 12(4), 106–123. <https://doi.org/10.19181/snsp.2024.12.4.6> EDN: <https://elibrary.ru/ZQFLBS>

18. Плюснин, Л. В. (2020). *Коммуникативная рациональность: методологические предпосылки и моральные основания практики конструирования образа будущего*.
19. Полищук, И. В., & Кириллина, Н. В. (2024). Цифровые платформы как пространство коммуникации молодежи. *Коммуникология*, 12(4), 181–191. <https://doi.org/10.21453/2311-3065-2024-12-4-181-191> EDN: <https://elibrary.ru/HGSPRG>
20. Тард, Ж. (2013). *Законы подражания*.
21. Чечулина, С. Н. (1999). *Самоформирование личности как конструирование повседневной жизнедеятельности* (Диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук). Екатеринбург. 156 с. EDN: <https://elibrary.ru/QCYQUV>
22. Alemany Oliver, M., & Vayre, J. S. (2015). Big data and the future of knowledge production in marketing research. *Journal of Marketing Analytics*, 3(1), 5–13. <https://doi.org/10.1057/jma.2015.1> EDN: <https://elibrary.ru/NYAWKZ>
23. Anisin, A. (2025). Theorizing the Impact of Generative Artificial Intelligence on Social Causation. *Journal of Posthuman Studies*, 9(1), 57–75. <https://doi.org/10.5325/jpoststud.9.1.0057> EDN: <https://elibrary.ru/NSXTXP>
24. Bandura, A. (2008). Toward an agentic theory of the self. *Advances in Self Research*, 3, 15–49. <https://doi.org/10.1108/978-1-60752-618-620251005>
25. Bandura, A. (2011). But what about that gigantic elephant in the room. В *Most Underappreciated: 50 Prominent Social Psychologists Describe Their Most Unloved Work*. Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/acprof:osobl/9780199778188.003.0011>
26. Beck, U. (2014). *Risk Society*.
27. Brodzińska-Mirowska, B. (2013). Manuel Castells: Networks of Outrage and Hope. *Athenaeum*, 39, 189–193.
28. Castells, M. (2011). *The Rise of the Network Society*. Wiley-Blackwell.
29. Campo, E. (2022). *Attention and Its Crisis in Digital Society*. Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781003225522>
30. Giddens, A. (2023). Modernity and Self-Identity. В *Social Theory Re-Wired*. Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781003320609-62>
31. Delacroix, S., & Veale, M. (2020). Smart Technologies and Our Sense of Self. В *Life and the Law in the Era of Data-Driven Agency*. <https://doi.org/10.4337/9781788972000.00011>
32. Leshkevich, T. G. (2025). The Digital Splitting of Everyday Life. *RUDN Journal of Philosophy*. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2025-29-2-446-459> EDN: <https://elibrary.ru/SYDEJI>
33. Maynard, D. W., & Heritage, J. (2023). Ethnomethodology's Legacies and Prospects. *Annual Review of Sociology*. <https://doi.org/10.1146/annurev-soc-020321-033738> EDN: <https://elibrary.ru/OEJDIM>

34. Merton, R. K., & Barber, E. (2011). *The Travels and Adventures of Serendipity*. <https://doi.org/10.1515/9781400841523>
35. Pankova, S. (2015). Everyday Habits and Values of Healthy Life As a Social Practice. B *2nd International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM2015, 1*. <https://doi.org/10.5593/SGEMSOCIAL2015/B11/S2.064> EDN: <https://elibrary.ru/WMUJPI>
36. Schutz, A. (1967). *The Phenomenology of the Social World*. Northwestern University Press.
37. Smith, P., & Hilbolling, S. (2025). Demystifying Serendipity. *Strategic Organization*. <https://doi.org/10.1177/14761270251386431> EDN: <https://elibrary.ru/MYEAVS>
38. Zerubavel, E. (2024). Frame Analysis: Erving Goffman and the Sociocognitive Organization of Experience. *Symbolic Interaction*. <https://doi.org/10.1002/symb.680> EDN: <https://elibrary.ru/EUKSYI>

References

1. Bauman, Z. (2008). *Fluid Modernity*. Piter. ISBN: 978-5-469-00034-1. EDN: <https://elibrary.ru/QOABEJ>
2. Belinskaya, E. P., & Frantova, D. K. (2017). Activity in virtual interaction as a factor in constructing identity by social media users: Intergenerational differences. *RSUH Bulletin. Series "Psychology. Pedagogy. Education"*, (3), 28–43. EDN: <https://elibrary.ru/VWSFBZ>
3. Belinskaya, E. P. (2018). Contemporary studies of identity: From structural certainty to processuality and incompleteness. *St. Petersburg University Bulletin. Psychology*, 8(1), 6–15. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2018.101> EDN: <https://elibrary.ru/UPCPCC>
4. Belova, E. N., et al. (2024). The image of the future among youth as the basis for their demographic behavior: An interdisciplinary approach. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences*, 8(4), 479–488. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2024-8-4-479-488> EDN: <https://elibrary.ru/VSTPPO>
5. Berger, P., & Luckmann, T. (1995). *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*. Medium.
6. Weber, M. (1990). Critical studies in the logic of the cultural sciences. In *Selected Works*. Progress.
7. Danilov, S. A., & Ruchin, V. A. (2020). Risk-proneness of education and the sociocultural potential of society in the context of digitalization. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 20(1), 10–14. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-1-10-14> EDN: <https://elibrary.ru/ZEQYRO>

8. Dyomin, A. N., & Dyomina, I. V. (2020). The problem of human adaptation to the speed of social processes. *Human Capital*, (10), 80–88. <https://doi.org/10.25629/HC.2020.10.05> EDN: <https://elibrary.ru/TRDIHQ>
9. Simmel, G. (2017). *Selected Works. Philosophy of Culture*. Center for Humanitarian Initiatives.
10. Zubok, Y. A., et al. (2017). Changing social reality in a crisis Russian society. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, (1), 41–57. <https://doi.org/10.15838/esc/2017.1.49.3> EDN: <https://elibrary.ru/YGKGXZ>
11. Zubok, Y. A., & Chuprov, V. I. (2008). Social regulation under conditions of uncertainty: Theoretical and applied problems in youth studies. *Public Opinion Monitoring: Economic and Social Changes*, (2), 142–155. EDN: <https://elibrary.ru/NRBHSN>
12. Istomina, O. B. (2022). Being and uncertainty of social strategies: Challenges of the time. *Bulletin of Buryat State University. Philosophy*, (2), 3–10. <https://doi.org/10.18101/1994-0866-2022-2-3-10> EDN: <https://elibrary.ru/TATYJI>
13. Comte, O. (2012). *A General View of Positivism*.
14. Lisenkova, A. A. (2021). *Transformation of Sociocultural Identity in the Digital Space*. Perm State Institute of Culture. ISBN: 978-5-91201-355-3. EDN: <https://elibrary.ru/TOSUPY>
15. McLuhan, M. (2013). *The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man*. ISBN: 978-5-8291-1479-4. EDN: <https://elibrary.ru/VRSDOV>
16. Pelevin, S. I. (2020). The axiological aspect of the technologization of modern society. *Modern Philosophical Research*, (4), 95–102. <https://doi.org/10.18384/2310-7227-2020-4-95-102> EDN: <https://elibrary.ru/WNVCPK>
17. Popova, E. S. (2024). Plans and reality in the horizon of the future. *Sociological Science and Social Practice*, 12(4), 106–123. <https://doi.org/10.19181/snsp.2024.12.4.6> EDN: <https://elibrary.ru/ZQFLBS>
18. Plyusnin, L. V. (2020). *Communicative Rationality: Methodological Premises and Moral Foundations of the Practice of Constructing the Image of the Future*.
19. Polishchuk, I. V., & Kirillina, N. V. (2024). Digital platforms as a space for youth communication. *Communicology*, 12(4), 181–191. <https://doi.org/10.21453/2311-3065-2024-12-4-181-191> EDN: <https://elibrary.ru/HGSPRG>
20. Tarde, G. (2013). *The Laws of Imitation*.
21. Chechulina, S. N. (1999). *Self-Formation of Personality as the Construction of Everyday Life Activities* (Doctoral dissertation, Candidate of Sociological Sciences). Ekaterinburg. 156 pp. EDN: <https://elibrary.ru/QCYQUV>
22. Alemany Oliver, M., & Vayre, J. S. (2015). Big data and the future of knowledge production in marketing research. *Journal of Marketing Analytics*, 3(1), 5–13. <https://doi.org/10.1057/jma.2015.1> EDN: <https://elibrary.ru/NYAWKZ>

23. Anisin, A. (2025). Theorizing the Impact of Generative Artificial Intelligence on Social Causation. *Journal of Posthuman Studies*, 9(1), 57–75. <https://doi.org/10.5325/jpoststud.9.1.0057> EDN: <https://elibrary.ru/NSXTXP>
24. Bandura, A. (2008). Toward an agentic theory of the self. *Advances in Self Research*, 3, 15–49. <https://doi.org/10.1108/978-1-60752-618-620251005>
25. Bandura, A. (2011). But what about that gigantic elephant in the room. B *Most Underappreciated: 50 Prominent Social Psychologists Describe Their Most Unloved Work*. Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/acprof:osobl/9780199778188.003.0011>
26. Beck, U. (2014). *Risk Society*.
27. Brodzińska-Mirowska, B. (2013). Manuel Castells: Networks of Outrage and Hope. *Athenaeum*, 39, 189–193.
28. Castells, M. (2011). *The Rise of the Network Society*. Wiley-Blackwell.
29. Campo, E. (2022). *Attention and Its Crisis in Digital Society*. Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781003225522>
30. Giddens, A. (2023). Modernity and Self-Identity. B *Social Theory Re-Wired*. Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781003320609-62>
31. Delacroix, S., & Veale, M. (2020). Smart Technologies and Our Sense of Self. B *Life and the Law in the Era of Data-Driven Agency*. <https://doi.org/10.4337/9781788972000.00011>
32. Leshkevich, T. G. (2025). The Digital Splitting of Everyday Life. *RUDN Journal of Philosophy*. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2025-29-2-446-459> EDN: <https://elibrary.ru/SYDEJI>
33. Maynard, D. W., & Heritage, J. (2023). Ethnomethodology's Legacies and Prospects. *Annual Review of Sociology*. <https://doi.org/10.1146/annurev-soc-020321-033738> EDN: <https://elibrary.ru/OEJDIM>
34. Merton, R. K., & Barber, E. (2011). *The Travels and Adventures of Serendipity*. <https://doi.org/10.1515/9781400841523>
35. Pankova, S. (2015). Everyday Habits and Values of Healthy Life As a Social Practice. B *2nd International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM2015, 1*. <https://doi.org/10.5593/SGEMSOCIAL2015/B11/S2.064> EDN: <https://elibrary.ru/WMUJPI>
36. Schutz, A. (1967). *The Phenomenology of the Social World*. Northwestern University Press.
37. Smith, P., & Hilbolling, S. (2025). Demystifying Serendipity. *Strategic Organization*. <https://doi.org/10.1177/14761270251386431> EDN: <https://elibrary.ru/MYEAVS>
38. Zerubavel, E. (2024). Frame Analysis: Erving Goffman and the Sociocognitive Organization of Experience. *Symbolic Interaction*. <https://doi.org/10.1002/symb.680> EDN: <https://elibrary.ru/EUKSYI>

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Панкова Светлана Николаевна, доцент кафедры социальной работы и управления персоналом, доцент, кандидат социологических наук
Уральский федеральный университет
ул. Мира, 19, г. Екатеринбург, Свердловская область, 620002, Российская Федерация
s.n.pankova@urfu.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Svetlana N. Pankova, Associate professor at Department of Social Work and Human Resources, Associate professor, PhD in Sociology
Ural Federal University
19, Mira Str., Yekaterinburg, Sverdlovsk Region, 620002, Russian Federation
s.n.pankova@urfu.ru
SPIN-code: 3786-3163
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3210-5486>

Поступила 15.03.2026

После рецензирования 15.04.2026

Принята 18.04.2026

Received 15.03.2026

Revised 15.04.2026

Accepted 18.04.2026

Социология культуры / Sociology of Culture

Научная статья

DOI: [10.12731/2576-9782-2026-10-2-322](https://doi.org/10.12731/2576-9782-2026-10-2-322)

EDN: [UNAIZE](https://www.edn.ru/UNAIZE)

УДК 329.17(540):791.43+316.74:791.43(540)+791.43-058.11(540)

Original article

Проявления хиндутвы как идеологии индуистского национализма в современном кинематографе Индии

М.В. Кирчанов

*Воронежский государственный университет, Воронеж,
Российская Федерация*

Аннотация

Обоснование. Статья посвящена актуальной в условиях современной политической реальности, связанной с усилением и универсализацией национализма, теме — проникновению хиндутвы как формы индуистского этнического национализма в пространства массовой культуры современного индийского общества. Предметом анализа являются проявления идеологического политического дискурса хиндутвы в современном индийском кинематографе.

Цель. Целью статьи является анализ хиндутвы как формы индуистского национализма в кинематографе как одной из культурных индустрий современного общества потребления.

Методология. Методологически статья основана на принципах, предложенных в междисциплинарной историографии национализма, актуализируя также достижения, визуального поворота.

Результаты. В статье показано, что хиндутва как форма этнического индуистского национализма играет важную роль в развитии современной Индии. Хиндутва представляет собой не только форму развития политического индуизма, но активно визуализируется в пространствах массовой культуры. В статье проанализированы основные тенденции визуализации хиндутвы в культурных визуальных индустриях массовой культуры, включая 1) представленность образов индуистского национализма в кинематографе современной Индии, 2) формы и стратегии инструментализации хиндутвы в визуальном дискурсе, 3) перспективы дальнейшей актуализации идей хиндутвы в кинематографическом дискурсе индийского общества в контекстах усиления и роста политического индуизма и индуистского национализма. Автор полагает, что визуализация идей хиндутвы кинематографе актуализировала кол-

лективный запрос общества на большую представленность ценностей этничности в визуальных практиках современной культуры общества потребления. Предполагается, что визуализированные в кинематографе идеи хиндутвы визуализируют традиционалистскую альтернативу модернизации, превращая антимодерн в допустимый и потребляемый культурный продукт.

Ключевые слова: Индия; этнический национализм; хиндутва; политический индуизм; индуистский национализм; антимодерн; кинематограф

Для цитирования. Кирчанов, М. В. (2026). Проявления хиндутвы как идеологии индуистского национализма в современном кинематографе Индии. *Russian Studies in Culture and Society / Российские исследования. Культура и общество*, 10(2), 28-56. <https://doi.org/10.12731/2576-9782-2026-10-2-322>

Hindutva as an ideology of Hindu nationalism in contemporary Indian cinema

M.W. Kyrchanoff

Voronezh State University, Voronezh, Russian Federation

Abstract

Background. This article explores the penetration of Hindutva, a form of Hindu ethnic nationalism, into the popular culture of contemporary Indian society. This topic is relevant to the current political reality associated with the strengthening and universalization of nationalism. The subject of this analysis is the form of Hindutva's ideological political discourse in contemporary Indian cinema.

Purpose. This article aims to analyze Hindu nationalism in the form of Hindutva in cinema as one of the cultural industries of contemporary consumer society.

Methodology. Methodologically, the article draws on principles proposed in the interdisciplinary historiography of nationalism, also highlighting the achievements of the visual turn.

Results. This article demonstrates that Hindutva, as a form of ethnic Hindu nationalism, plays an important role in the development of contemporary India. Hindutva not only represents a form of political Hinduism but is also actively visualized in popular culture. This article analyzes the main trends in the visualization of Hindutva in the cultural visual industries of popular culture, including 1) the representation of Hindu nationalist images in contemporary Indian cinema, 2) the forms and strategies of instrumentalizing Hindutva in visual discourse, and 3) prospects for further mainstreaming Hindutva ideas in the cinematic discourse of Indian society in the context of the strengthening and growth of political Hinduism and Hindu nationalism. The author believes that the visualization of Hindutva ideas in cinema has actualized society's collective demand for

greater representation of ethnic values in the visual practices of contemporary consumer culture. It is assumed that Hindutva ideas visualized in cinema present a traditionalist alternative to modernization, transforming anti-modernity into an acceptable and consumable cultural product.

Keywords: India; ethnic nationalism; Hindutva; political Hinduism; Hindu nationalism; anti-modernity; cinema

For citation. Kyrchanoff, M. W. (2026). Hindutva as an ideology of Hindu nationalism in contemporary Indian cinema. *Russian Studies in Culture and Society*, 10(2), 28-56. <https://doi.org/10.12731/2576-9782-2026-10-2-322>

Введение

Национализм принадлежит к числу тех универсальных факторов, которые оказывают самое существенное влияние на функционирование современного мира. Исторически, возникнув на Западе, национализм, как политическая идеология и практика, достаточно быстро распространился в другие регионы мира. Не стала исключением из этой универсальной экспансии национализма и Индия. Индийское общество адаптировало национализм под собственные запросы, соединив его с местной культурной и социальной спецификой. На протяжении XX века индийский национализм функционировал и развивался в двух формах. С одной стороны, правящие политические элиты, которые пришли к власти после получения Индией, независимости и были связаны с ИНК, активно и относительно успешно практиковали политический национализм, целью которого была социально-экономическая модернизация индийского общества, связанная с попытками трансплантации западных институтов и отношений в местные традиционные, архаичные и культурные контексты.

Эффект от применения подобных националистических практик носил, как правило, ограниченный характер, отторгаясь определенными сегментами индийского социума, склонными практиковать традиционные формы нежели современные отношения, привнесенные с Запада, которые ассоциировались с колониальным наследием. С другой стороны, в индийском обществе развивался и этнический национализм, связанный с идеологией хиндутвы, которая на про-

тяжении почти всей второй половины XX века, носила преимущественно маргинальный и внесистемный характер, так как сторонники этнического национализма стремились выстраивать концепты индийской идентичности не как гражданской, но преимущественно этнической и индуистской, воспринимаясь правящими элитами в качестве маргиналов. Активно применяя популистскую риторику и играя на общественных противоречиях, связанных с политикой ИНК, сторонники хиндутвы в первой четверти 21 века постепенно усилили собственные позиции, что позволило прийти им к власти, превратив одну из партий, принимающих индуистский политический дискурс - Бхарата Джаната Парти - в фактически правящую партию.

Успех индуистских националистов был бы вряд ли возможен без уникальной интеллектуальной и культурной конъюнктуры, которая сложилась в индийском обществе в первой четверти 21 века. К концу 20 столетия индийский социум явно столкнулся с запросом на актуализацию собственной индийской, точнее - индуистской, этнической идентичности, чем и воспользовались адепты хиндутвы как формы этнического радикального национализма [3]. В такой ситуации в Индии сложились благоприятные условия для инструментализации хиндутвы как формы политического индуизма, который всё более активно превращался в политический фактор и ресурс мобилизации электората.

Кроме этого, влияние хиндутвы на протяжении первой четверти 21 века росло не только в политической сфере, где национализм стал стимулом для конфликтов и фрагментации общества [6]. Вероятно, усиление индуистского национализма и фундаментализма в политике было бы не столь сильно эффективно и успешно, если бы в предшествующие годы идеи, связанные с хиндутвой, существенно не усилились бы в рамках культуры, в первую очередь - массовой, представленной кинематографом. Исторически индийское кино обрело уникальные культурные и социальные черты, активно и оперативно реагируя на меняющуюся политическую и идеологическую конъюнктуру, стремясь учитывать общественный запрос на визуализацию индийской этничности.

Почувствовав усиление национализма именно в этнических и индуистских формах, индийская киноиндустрия в первой четверти 21 века фактически превратилось в пространство функционирования культурного национализма. Хиндутва стала мягкой силой, которая начала активно использоваться сторонниками национализма для продвижения и большей популяризации собственных идей. В такой ситуации логично предположить, что дискурс национализма существенно расширил своё влияние в индийском обществе, оказывая существенное влияние на массовые культурные индустрии, представленные кинематографом.

Цель и задачи. В центре авторского внимания в представленной статье будут проблемы отражения и функционирования индуистского национализма в кинематографе современной Индии. Целью автора является изучение представленности хиндутвы как формы индуистского национализма в кинематографе как культурной индустрии общества потребления. В число задач автора входит 1) изучение того, как идеи хиндутвы проявляются в визуальных практиках современной индийской массовой культуры, ограниченной в представленной статье кинематографом, апеллирующим к сюжетам, связанным с индуизмом, 2) анализ использования образов индуистской мифологии в современном кинематографе через превращение последнего в политический и мобилизационный ресурс индуистского национализма и политического индуизма, 3) выявление перспектив развития идей хиндутвы в кинематографе современной Индии в условиях роста и усиления этнического национализма.

Актуальность исследования. Изучение проявлений современного индуистского национализма в культурных пространствах индийского общества, ограниченного в представленной статье кинематографом, стимулируется несколькими факторами. Во-первых, политическая динамика Индии, начиная с середины 2020-х гг., отмечена наличием тенденций к постепенному усилению роли национализма в его этнической форме. Во-вторых, вместе с началом усиления этнического национализма началось ослабление и сокращение влияние светского – гражданского и политического – национализма, основным но-

сителем которого является ИНК. В-третьих, в рамках межпартийной конкуренции в Индии светские националисты сдают свои позиции сторонникам активного использования этничности и политического инструментализма, что явно усиливает традиционалистов. В-четвертых, усиливающийся традиционализм ищет новые каналы для популяризации своих идей, что стимулирует более активное проникновение идей индуистского национализма (хиндутвы) из сферы политики в направлении культурных индустрий современного общества потребления. В-пятых, сфера культуры стала важным пространством для развития и выражения националистических идей, связанных с политическим индуизмом, где последние «чувствуют» себя более уверенно, так как степень конкуренции со светским гражданским национализмом в культурном контексте несколько ниже, чем в сфере политики.

Новизна исследования. В представленной статье в российской историографии автором предпринята попытка проанализировать формы проявления хиндутвы в массовой культуре современного индийского общества, ограниченного кинематографом. Поэтому автор впервые в современной отечественной историографии национализма 1) показывает проникновение идей политического индуизма и индуистского национализма в массовую культуру, 2) анализирует как визуализируется образ Саваркара – создателя идеологии хиндутвы, 3) показывает, как в визуальные языки современного общества потребления переносятся образы индуизма, 4) как индуистские мотивы проявляются в научно-фантастическом дискурсе и мультипликации, которые стали фактически визуальными пространствами развития и проявления национализма.

Материалы и методы

Методологически представленная статья основана на достижениях современной междисциплинарной историографии, сфокусированной на изучении культурного и политического национализма. Кроме этого статья апеллирует и к достижениям визуального поворота.

В такой ситуации проанализированные визуальные отражения хиндутвы с современным кинематографическим дискурсе, позволя-

ют предположить, что последний превратился в один из объектов деятельности националистов. Поэтому современная междисциплинарная историография, посвященная национализму, изучает последний не просто через призму его интеллектуальной истории, но и современных культурных практик, которые в большей степени начинают проявляться в массовой культуре, в том числе и кинематографом. Историография национализма переживает визуальный поворот, что ведет к существенному расширению корпуса источников, которые используются историками, социологами и политологами для изучения националистического феномена. Вместе с тем, подчёркивается, что визуальные формы актуализации националистического дискурса являются вторичными, так как исторически восходят к нарративным источникам.

Тем не менее, используя достижения визуального поворота и интегрируя последние в более широкий историографический дискурс, связанный с изучением национализма, автор ограничивает «источниковый» корпус статьи визуальными источниками. Используемые визуальные источники могут быть разделены на несколько групп. Первая группа представлена фильмами [34; 35], посвященными Сарваркару – создателю идеологии хиндутвы. Вторая группа ограничена фильмами [7; 16], которые содействуют визуализации индуизма в политических пространствах, содействуя его, тем самым, идеологической инструментализации. Третья группа – это фильмы [9; 10; 11; 12; 13], которые одновременно имитируют и симулируют визуальный индуистский дискурс, синтезируя последний в заимствованной западной визуальной риторикой и образной поэтикой медиевализма. Источники четвертой группы представлены немногочисленными фантастическими фильмами [22], основанными на визуализации традиционных форм идентичности, ограниченных индуизмом. Пятая группа ограничена мультипликационными фильмами [14; 19; 25; 26], которые стали важным каналом для социализации новых поколений через призму политического индуизма.

Анализируя индуистский национализм в его визуальных формах, автор полагает, что он не может восприниматься как исключительно

форма культурной, политической и социальной активности носителей высокой культуры, которые при помощи тактик и стратегий изобретения традиций и воображения сообществ подвергают модернизации традиционные идентичности преимущественно аграрных сообществ, превращая последние в современные нации и нации-государства. Одним из важнейших ресурсов, которые используются националистами в рамках подобных социальных модернизаций, является культура, ограниченная в представленной статье рядом фильмов, которые превратили визуальное пространство в сферу актуализации политической идеологии национализма.

Анализируя визуальные формы и проявления национализма, автором предполагается, что на современном этапе националисты в Индии, которые придерживаются идей хиндутвы, существенно пересмотрели спектр культурных практик, применяемых для формирования идентичности. Традиционные культурные тактики и стратегии, связанные с актуализацией и визуализацией идентичности и нации, как воображаемых сообществ, при помощи дискурсивных практик в историографии начинают восприниматься как устаревшие. В литературе, посвященной национализму, подчеркивается, что нарративные формы националистического воображения практически не соотносятся современными коллективными запросами общества, которые локализованы не в сфере усвоения и ассимиляции текстов, но в рамках потребления идей, которые распространяются не при помощи дискурсов, но в рамках визуальной культуры.

В целом, визуальный поворот в историографии национализма носит универсальный характер. Если первые попытки применения визуальных методов для изучения современного национализма ограничивались преимущественно западной географией, то постепенно число изучаемых объектов существенно расширилось. Таким образом, в центре внимания историков и исследователей национализма оказалось и Индия, где важную роль в функционировании националистического дискурса играют не просто идеи хиндутвы как этнического национализма, но одним из пространств усиления которого стал кинематограф. Анализируя феномен этнического на-

ционализма в индийском кино в контекстах отражения идей хиндутвы, во внимание следует принимать, что подобные исследования не только актуализируют широкие контексты общества Индии, но и фактически трансплантируют западные конструктивистско-модернистские подходы к изучению национализма в индийских реалиях.

Результаты и обсуждение

Человеческое измерение индуистского национализма: к биографии хиндутвы. Анализируя проявления и формы визуализации идеологии хиндутвы в современной Индии, во внимание следует принимать, что эти процессы имеют два измерения. С одной стороны, усилиями индийских кинематографистов актуализируются и продвигаются ценности и принципы политического индуизма. Фильмы подобного плана визуально и содержательно основаны на актуализации образов индуизма, связанных с национальными индийскими эпосами, включая “Рамаяну” и “Махабхарату”, которые редуцируются до источника образов и сюжетов, используемых националистами в визуальных индустриях современного общества потребления. Как правило, подобные фильмы претендуют на псевдоисторичность, фактически оказываясь местной индийской версией идеологически маркированного и политически мотивированного “фэнтезийного” (по внешней стилистике) кинематографа, актуализируя образы медиевализма, сознательно и намеренно избравшая последний в националистической системе координат.

Второе измерение визуализации идей хиндутвы в современном индийском кинематографе связано с воспроизводством образов индийских националистов, которые внесли существенный вклад в развитие и функционирование индуистского национализма и политического индуизма. Ведущей подобной фигурой является Винаяк Дамодар Саваркар, известный как создатель идеологии хиндутвы [4]. К середине 20-х годов XXI века усилиями индийских кинематографистов было снято четыре фильма, посвященных создателю идеологии хиндутвы. Подъём подобного кино актуализировал изменения в рамках индийской политической культуры, так как по-

следние были связаны с усилением индуистского национализма и антимусульманских настроений в индийском обществе [31].

Современный критик Раза Руми, анализируя особенности подобной кинопродукции подчеркивает, что такие фильмы «активно воспроизводят образы мифического прошлого, которые варьируются от пропаганды воинствующего национализма и милитаризма до исламофобии, что в большей степени склоняет вектор развития индийского кино в направлении политики хиндутвы, разрушая тем самым секуляризм и демократию» [30]. Первый фильм о Саваркаре «Каалापани» вышел в 1996 году [21]. Три другие фильма о Саваркаре вышли соответственно в 2001, 2015 и 2024 годах, отразив тенденцию превращения нации в основного героя [18]. Фильм 1996 года в большей степени актуализировал не сам факт создания идеологии хиндутвы, но участие Саваркара в национальном и освободительном движении, направленном против британского доминирования в Индии. В этом контексте история создателя хиндутвы оказывается вписанной в более широкие интеллектуальные и политические измерения и проявления активности индийских националистов.

Фильм 2001 года начал фиксировать изменения отношения к наследию Саваркара в индийском обществе [35], которое подвергло пересмотру пантеон национальных героев и отцов-основателей нации [2]. Центральным героем этого фильма был уже сам Саваркар. Активное участие в выпуске фильма принимал главный министр штата Гуджарат Нарендра Моди, впоследствии возглавивший индийское националистическое правительство. В 2024 году на экраны Индии вышла самая масштабная к настоящему времени биография Саваркара [34], изложенная визуальным языком современного кино. Этот фильм фиксировал изменения отношения к фигуре националиста в рамках индийской коллективной исторической памяти, что привело к его фактическому превращению в одного из отцов-основателей индийской политической нации. Последняя культурная и политическая мутация была бесспорно связана с пребыванием у власти сторонников хиндутвы, которые активно продвигали его идеи в реальной политике.

Фильм 2024 года фактически актуализировал каноны житийного и агиографического жанра, так как идеологическое послание картины было однозначно основано на глорификации фигуры Саваркара в истории индийского националистического движения. Политическая программа фильма 2024 года актуализировала растущие тенденции к историческому ревизионизму в рамках индийской коллективной памяти. Если ранее одной из центральных фигур в индийском национальном пантеоне являлся Махатма Ганди, то к середине 2020-х гг. отношение к последнему существенно изменилось. Не ставя в целом под сомнение заслуги Ганди в индийском движении и обретении независимости, создатели фильма иначе расставили акценты, превратив Саваркара в центральную фигуру. Более того, в вину Ганди ставится его позиция, связанная с отказом от применения насилия, что, по мнению националистов, которые активно продвигают идеи хиндутвы в современном индийском кинематографе, привело к разделу страны. На фоне идеологически и политически непоследовательного Ганди, Саваркар в визуальном дискурсе политического индуизма предстаёт подлинным индийским националистом и патриотом, который подвергался преследованиям не только со стороны британских властей, но и индийского независимого правительства, так как последнее не могло простить ему принципиальную позицию в отношении раздела страны и негативное отношение к мусульманам.

Таким образом, фильм 2024 года, посвящённый Саваркару явно актуализировал изменения [37], которые произошли в формировании и функционировании индийской коллективной исторической памяти и мемориальной культуры. К середине 2020-х гг. тенденции к национализации кинематографа и его интеграции в идеологический дискурс индуистского национализма стали более заметны [24]. В этом контексте фильм превратился в объект идеологической и политической конфронтации между сторонниками хиндутвы и адептами светского национализма, ограниченного идеологическими рамками и предпочтениями ИНК. Если, по мнению индуистских националистов, фильм стал восстановлением исторической справедливости, то гражданские националисты восприняли его как попытку исто-

рического ревизионизма, направленную на очернение роли Ганди в истории индийского национального и освободительного движения, что автоматически вело к реабилитации Саваркара, так как именно его сторонник и застрелил Ганди. Критики и противники концепции фильма 2024 г. ставили в вину его создателям стремление исказить, на их взгляд, историческую правду, отстаивая интересы сторонников исключительно хиндутвы. Авторы упрекали в одностороннем восприятии индийской истории, подчеркивая, что их произведение стало частью не культуры, но идеологической конъюнктуры, связанной с очередным электоральным циклом в индийском обществе.

Актуализация визуальных образов Саваркара стала важным элементом в современном развитии индуистского национализма. Создатели подобного кино не только чувствуют политическую и идеологическую конъюнктуру, но и оперативно реагирует на любые изменения в ее рамках. Именно поэтому усилиями режиссеров и сценаристов, которые актуализируют и визуализируют идеологию хиндутвы в визуальных пространствах индийской массовой культуры, активно продвигается “идеология гиперкоммунализма и гиперационализма” [29], основанная на последовательной идеализации всего индийского, воспринимаемого исключительно через призму индуистского опыта, что ведет к автоматическому отрицанию мусульманского влияния на историю Индии [8], превращая как мусульман, так и последующих британских колонизаторов в универсальных Других.

В целом, проникновение идей хиндутвы в индийский кинематограф стало отражением изменений в политической и идеологической конъюнктуре общества Индии. Усиление идеологии хиндутвы отразило кризис и ослабление левого и либерального кино. Кроме этого востребованность хиндутвы актуализировала растущий запрос общества не на светские ценности, но на политический индуизм. Биографические фильмы о Саваркаре важны в контекстах антропологизации и популяризации самой истории хиндутвы как формы индийского национализма и функционирования политического индуизма. Вместе с тем, принимая во внимание идеологическое

содержание современной хиндутвы, подчеркнем, что не подобные произведения индийских кинематографистов формируют визуальный дискурс хиндутвы в обществе потребления, где она представлена другими картинками, которые визуализируют и актуализируют проявления именно индуизма и основанной на нём индийской идентичности, воспринимаемой не через призму гражданской и политической нации, но почти исключительно в контекстах этничности, превращенной в инструмент политической культуры и эффективной мобилизационные ресурс.

Идеология и политика: противоречия проявления хиндутвы в современном индийском кино. На современном этапе одной из наиболее оптимальных и эффективных форм актуализации и визуализации идей хиндутвы, как индуистского этнического национализма, является кинематограф, основанный на воспроизводстве сюжетов, связанных с мифологией индуизма [5], с одной стороны, и историей хиндутвы, а также попыток ее продвижения в индийской политике, с другой. Усиление индуистского национализма в обществе Индии в первой четверти 21 века стало универсальной тенденцией [15], что не могло не отразиться и на массовой культуре, представленной кинематографом [20]. Эти тенденции взаимосвязаны, а влияние политической и идеологической повестки дня на кино в Индии актуализирует усиление хиндутвы [36], ставшей стимулом для усиления этнического национализма и индуистского фундаментализма в целом [33]. В этом контексте кинематограф актуализирует и визуализирует различные формы индуистской религиозности и идентичности наделяя их избретаемым историческим прошлым и, тем самым, легитимируя существование Индии в качестве индуистского государства, подчеркивая также неразрывность и континуитет в истории индусов, включая её этнические и религиозные измерения. На протяжении второй половины XX и первой четверти XXI века усилиями индийских кинематографистов было создано немало работ, которые содержательно и концептуально апеллировали к различным индуистским доктринам.

В целом, подобные фильмы не очень оригинальны, так как имеют своих визуальных предшественников, представленных классиче-

скими работами индийских режиссеров второй половины XX века, которые не только чувствовали запрос общества на визуализированный индуизм как форму идентичности, но и вносили свой вклад в укрепление индуистского национализма. В такой ситуации кинематограф как форма культурной активности фактически превратился в пространство развития националистического дискурса, так как в сфере реальной политики индуистские националисты на протяжении второй половины XX века не могли эффективно и успешно конкурировать с их идеологическими оппонентами, представленными светскими, гражданскими и политическими, националистами, которые концентрировались вокруг ИНК и успешно поддерживали монополию последнего на осуществление власти.

Дискурс политического индуизма и, как следствие, индуистского этнического национализма, представленного идеями хиндутвы, из сферы реальной политики постепенно мигрировал в направлении культурных пространств, включая кинематограф. В рамках последнего сложился уникальный культурные феномен «боллиполитики» [17], основанной на синтезе продукции Болливуда с националистическими идеями. Выбор именно кинематографа для актуализации и развития националистических идей сторонниками хиндутвы был не случаен, так как продукция кинематографии была максимально упрощена для потребления в то время как остальные каналы передачи информации были ограничены. Визуальные формы культуры превратились в наилучшую форму пропаганды и распространения индуистского национализма. Анализируя экспансию последнего в сферу индийского кинематографа, следует подчеркнуть, что националисты достаточно эффективно используют основные формы массовой культуры современного общества потребления для пропаганды как националистических идей, так и укрепления индуистской идентичности, предлагаемой в рамках политического индуизма.

Вероятно, понимая, что классические исторические фильмы или кинопродукция, которая будет непосредственно апеллировать к мифологическим сюжетам, не столь эффективны и конкурентоспособны как современные жанры кинематографа, сторонники культурного

индуистского национализма, вовлечённые в кинопроизводство, активно осваивают и ассимилируют жанры массового кинематографа, которые не только популярны, но и коммерческие оправданы, так как являются хорошо продаваемыми и окупаемыми на индийских рынках. В первой четверти XXI века усилиями индийских продюсеров и режиссёров, ориентированных на удовлетворение коллективного запроса на образы индуизма в массовой культуре общества потребления, было создано и предложено несколько масштабных кинематографических проектов, основанных на визуализации индуистских мифологических мотивов.

В 2023 году вышел индийский мифологический боевик «Адипуруш» [7], то есть «Первый человек». Фильм стал современным переложением индуистского эпоса «Рамаяна» языком визуальных образов массовой культуры. Несмотря на то, что фильм фактически провалился в прокате, тем не менее, он стал значимым фактом и знаковым событием в попытках визуализации идей хиндутвы в современном индийском обществе. С содержательной точки зрения, фильм представлял собой пересказ некоторых текстов «Рамаяны», связанных с царём Дашратхой, который изгнал своего сына Рагхаву. Визуальный ряд фильма сопровождается пятью песнями, исполненными на хинди, которые актуализируют индуистские традиционные образы. Кроме этого, в фильме также звучит пять песен на языке телугу. Выбор языков авторами фильма не являются случайным, а использование именно индийских языков - хинди и телугу - показатель в контекстах постепенной национализации индийского общества и попыток последовательной деколонизации, инициированных находящимися у власти индуистскими националистами.

Анализируя роль и место фильма «Адипуруш» в современной истории хиндутвы, во внимание следует принимать и то, что он фактически является попыткой героизации индийской истории на мифологическом уровне, что в целом вписывается в стратегии, направленные как на большую актуализацию и индуизма, так и на деколонизацию исторического процесса, его национализацию и интерпретацию исключительно в индуистской системе координат.

Кроме этого, активное производство таких фильмов актуализировало не просто растущий запрос на политический индуизм, но и кризисные тенденции в светской модели развития в индийском обществе [1]. Вместе с тем, сама попытка создателей фильма актуализировать роль, место и значение индуизма в индийском обществе привела к их конфликту с индуистскими традиционалистами, которые сочли фильм слишком современным и радикальным, так как увидели в нем искажение норм и канонов индуизма, критикуя режиссёра за активное использование современного языка и допущенные неточности в интерпретации событий.

В такой ситуации некоторые фундаменталистские организации индуистов даже выступили с инициативой запрета фильма в Индии как антииндуистского. В этом контексте становятся заметны различия в восприятии индуизма различными сегментами современного индийского социума. Если для одних индуистских националистов индуизм является частью традиции, то другие охотно его инструментализируют для получения коммерческой выгоды, с одной стороны, и для популяризации индуизма и индуистского национализма в рамках светского общества, с другой, что не встречает ни поддержки, ни непонимания со стороны традиционалистов. В такой ситуации лагерь сторонников хиндутвы оказался расколот, и часть радикальных индуистов подала в суд на создателей фильма. Дело рассматривал Высокий Суд в городе Аллахабад. В ходе слушаний было отмечено, что индуистские персонажи фильма изображены карикатурно и не соответствует исторической действительности, искажая текст “Рамаяны”.

В этом контексте примечательна апелляция именно к истории, хотя фильм был снят по мифологическому тексту, воспринимаемому не как часть мифа, но как компонент исторической реальности. Применение псевдоисторической риторики стало общим местом в политической практике современного индуистского национализма, который активно синтезирует идеологический дискурс хиндутвы с визуальными практиками массовой культуры [32]. Тем не менее, фильм достаточно эффективно и успешно актуализировал именно

националистическую повестку дня, что и привело к конфликту его создателей с непальскими властями, которые сочли, что в фильме содержатся претензии на исторические территории Непала, на что создатели фильма указывали следующее: до 1904 года Непал был частью Британской Индии и, поэтому, являлся элементом Бхарата, то есть Индии в современном понимании националистов. От фильма предпочли дистанцироваться даже представители индуистской националистической партии “Шив Сена”, которая поддерживает идеи хиндутвы, указав на то, что диалоги получились слишком простыми и примитивными, а сам фильм является проявлением неуважения к индуизму.

Подобная реакция со стороны политиков, вовлеченных в пропаганду и реализацию идей хиндутвы, свидетельствуют скорее не о принципиальном неприятии фильма, а в большей степени о внутринационалистической конкуренции за монополию в деле визуализации и актуализации индуистского национализма и её распространения среди масс. Если националисты, которые принимают непосредственное участие в политике не так успешны или менее популярны в сравнении с кинематографистами, являющимися их конкурентами, то деятели киноиндустрии в медийных пространствах более популярны чем политики. Именно эта конкуренция и вызвала критику и негативную реакцию со стороны партийных функционеров. Полемизируя с партийными критиками, создатели фильма указали на то, что они не стремились создать экранизацию “Рамаяны”, но просто были вдохновлены её текстом. Тем не менее, несмотря на споры между различными группами националистов, фильм выполнил свою роль, так как одновременно содействовал большей визуализации хиндутвы, повысив ее популярность среди потребителей массовой культуры.

Хиндутва в визуальном дискурсе массовой культуры: между мидиевализмом и научной фантастикой. Если одни фильмы, связанные с идеологическим дискурсом хиндутвы, апеллируют к “Рамаяне”, то другие активно используют образы “Махабхараты”, примером чего стала франшиза “Баахубали”, которая состоит из нескольких

фильмов, включая “Баахубали: начало” (2015) [11], “Баахубали: заключение” (2017) [9] и “Баахубали: эпос” (2025) [12], отсылающих зрителя именно к мотивам, заимствованным из этого текста. Кроме этого, в состав франшизы входит два анимационных сериала, включая «Затерянные легенды» (2017 - 2020) [13] и “Кровавую корону» (2024) [10]. Франшиза, с точки зрения инструментализации индуизма, выполняет две задачи. С одной стороны, актуализируются религиозные образы. С другой, фильмы активно апеллируют к историческому наследию, что имеет принципиально важное значение для современной хиндутвы, связанной с утверждением концептов исторического суверенитета индуизма в сравнении с другими привнесенными религиями.

Таким образом, несмотря на формально внешний романтический и религиозный индуистский антураж, франшиза оказывается глубоко политическим и идеологизированным проектом. Фактически эти фильмы стали попыткой индийского кинематографа предложить синтезированный ответ на доминирование и влияние западного кино, представленного фантазийными сериалами, в первую очередь - “Игрой престолов”. Оппонируя последнему проекту, создатели франшизы активно симулировали исторические мотивы и генерировали искусственные языки. В этом контексте становится заметным адаптивный потенциал хиндутвы, способность ее сторонников, которые задействованы в современном кинематографе, не просто эффективно адаптироваться к внешней конъюнктуре, но и интегрировать и ассимилировать в индийские культурные и социальные пространства чуждые идеи, заимствованные из западного кинематографа, приспособивая визуальные языки последних для решения задач по популяризации и продвижению хиндутвы несмотря на характерную для индуистского национализма критику и осуждение Запада за колониализм и постколониальное наследие.

Фильм “Курукшетра” 2019 года [27] также актуализировал и визуализировал образы “Махабхараты”. Эта картина оказалась важным элементом в программе постепенной ревитализации индуизма среди тех слоев населения, которые под влиянием секуляризации

отказались от регулярного отправления религиозных обрядов. В этом контексте фильм оказался эффективным инструментом не просто религиозной пропаганды, но и популяризации индуизма среди тех слоёв населения, которые мало что знали о “Махабхарате” как об эпосе и имели самые смутные представления об истории. Создатели фильма этими социальными особенностями целевой аудитории успешно воспользовались. Правда, фильм 2019 века ни в коем случае не является историческим, представляя собой религиозный продукт. Кроме этого, фильм актуализировал тенденции к возрождению жанра религиозного кино, которое было особенно популярно в Индии на протяжении 50 - 80-х годов XX века, но пришло в упадок в 1990-е в условиях экспансии американской и азиатской кинопродукции.

На протяжении первой половины 20-х годов XXI века хиндутва, которая получала визуальное воплощение в индийском кинематографе, стала пространством политической и идеологической конфронтации. Примером подобной фрагментации и расхождения общества на основе отношения к религии стал фильм 2025 года “Каннаппа” [23], содержание и сюжетно основанный на индуистской легенде о Каннаппе. Герой фильма, охотник Тиннаду, отдаёт во время битвы свои глаза Шиве, за что получает божественное прощение и становится Каннаппой - политическим лидером, способным сохранять религиозные традиции и единство индуистов как нации. Несмотря на то, что фильм не стал причиной идеологических и политических противоречий, сопоставимых со спорами вокруг “Адипуруша”, тем не менее, отношение к нему в рамках индийского общества было неоднозначным.

В целом, в вину создателям фильма ставили активную эксплуатацию мифологических образов, подчеркивая, что создатели намеренно апеллировали к индуистскому традиционализму, что фактически лишило полученный результата каких бы то ни было существенных художественных достоинств. В целом, по мнению индийских критиков, подобные фильмы имеют крайне ограниченный круг потребителей, представленный преимущественно верующими индуистами. Таким образом, подобные фильмы в индийском кинематографе последовательно занимают нишу религиозного кино,

оказываясь отсеченными от светского сегмента индийского общества. Более того, как полагают некоторые эксперты, активная инструментализация индуизма сторонниками хиндутвы доступными в кинематографе визуальными средствами, сыграла негативную роль, так как привела к существенной деградации подобной кинопродукции, превратив большинство современных фильмов подобного плана в псевдорелигиозный косплей.

Если одни фильмы, принадлежащие к визуальному дискурсу хиндутвы и формирующие его, апеллируют непосредственно к индуизму, то есть фактически являются попытками визуализации и актуализации индуистской идентичности на большом экране, то другие стремятся трансплантировать индуистские ценности в будущее. К таким фильмам следует относить индийский научно-фантастический фильм 2024 года “Калки 2898 н.э.” [22]. В то время, как другие фильмы, созданные в рамках хиндутвы, стремятся историзировать эту идеологию и апеллируют к историческим основаниям индуистской идентичности и индийской нации, то проект 2024 года, наоборот, актуализирует футурологическое измерение индуистского национализма, полагая что индуизм является не просто опорой современной идентичности индусов и не только был её фундаментом в прошлом, но и обречён на то чтобы, стать основой будущей индуистской нации.

В целом, фильм, подобно другим «псевдоисторическим» фильмам, выполненным в дискурсе хиндутвы, актуализируют и ассимилирует только некоторые мотивы, содержащиеся в индуистских религиозных текстах. В центре сюжета - действия группы религиозных фанатиков из XXIX века, который стремятся спасти нерождённого подопытного ребёнка, который, по их мнению, является воплощением бога Вишну. В целом, фильм получился очень спекулятивным, играя на нескольких фобиях, включая страх перед коллективным Другим и техническим прогрессом, содействуя архаизации сознания, так как образы спасения оказываются связанными с индуизмом, оптимистично перенесенным создателями проекта на восемь столетий в будущее.

Социализация и политический индуизм: хиндутва в мультипликации. Если фильмы сторонников хиндутвы, ориентированные на взрослую аудиторию, вызывали идеологические и политические противоречия и споры, то анимационные проекты, которые также апеллировали к индуистским сюжетам, оказались для них менее проблемными, что, например, относится к серии анимационных фильмов, основанных на идеях индуизма. Одна из первых попыток ассимиляции индуизма в рамках визуальных культур общества потребления, представленных полнометражными мультипликационными фильмами, была предпринята в 2005 году, когда вышел мультфильм “Хануман” [19], посвящённый одному из индуистских божеств. В 2007 году вышло продолжение “Возвращение Ханумана” [28]. Если первая часть представляла собой мультипликационный фильм, ориентированный преимущественно на детскую и подростковую аудиторию, то продолжение содержало более явно выраженный политический и идеологический подтекст. “Возвращение Ханумана” актуализировало дискурс постколониализма и запрос индийского общества на демонтаж британского наследия, так как многие герои мультфильма общались на хинглише - смеси хинди и английского.

Среди подобных проектов выделяется серия фильмов, посвящённых Ганеши. В 2007 году вышел анимационный фильм «Бал Ганеши» («Маленький Ганеши» [14]), который положил начало серии основанной на визуализации и актуализации сюжетов из индуизма, связанных с богом Ганеши. В 2009 году вышло продолжение этого проекта под названием “Бал Ганеши 2”. Спустя шесть лет, в 2015 году, выходит третья часть - “Бал Ганеши 3” или “Бал Ганеши и планета ПомЗом”. В начале 2020-х гг. создатели проекта решили освоить виртуальные пространства и запустили веб-сериал под названием “Бал Ганеши ки паатшала”. Центральным идеологическим посланием проекта стала популяризация пропаганды индуистских ценностей среди подрастающего поколения Индии, что указывает на значительные амбиции сторонников современной культурной хиндутвы в деле распространения идеологии индуистского нацио-

нализма и превращение последнего в один из инструментов социализации детей и подростков.

Создатели проекта стремились максимально использовать потенциал, связанный с образом Ганеши и его значения для индуистов. Создатели подобного культурного контента обращаются также и к образам Кришны. В 2006 году в Индии выходит мультипликационный фильм «Кришна» [25], ставший началом целой серии подобных проектов. Спустя шесть лет, эта тематика получила свое развитие и продолжение в новом мультипликационном фильме «Кришна и Камса» [26]. В целом сторонники культурной хиндутвы и её пропагандисты в визуальных пространствах индийского общества потребления активно используют ресурсы анимации для продвижения собственных идей.

Франшиза, посвящённая Ганеши, оказалось не единственным подобным проектом. В 2008 году вышел анимационный фильм «Дашаватара» [16], посвященный десяти воплощениям Вишну. Таким образом, по признаниям критиков, подобные проекты явно выходят за пределы прогнозируемой и планируемой возрастной и целевой аудитории, оказываясь интересным не только для детей и подростков, но и для взрослых, выполняя, тем самым, функции, связанные с ревитализацией индуизма среди тех групп населения, которые практиковали его в меньшей степени чем традиционалисты.

Выводы

Взаимопроникновение хиндутвы как формы индийского этнического, традиционалистского и националистического дискурса и современных визуальных версий массовой культуры общества потребления стало социальной реальностью современной Индии. Массовая культура в индийском обществе отражает тенденции в развитии националистического воображения, что проявляется не просто в изобретении традиций, но их продвижении и популяризации, что достигается путем визуализации и интеграции националистического дискурса в кинематографический. Интеграция кино как формы массовой культуры, одновременно ориентированной на

учет политической и идеологической конъюнктуры и на запросы рынка оказалась неизбежной.

Актуальная динамика развития индуистского национализма в условиях углубляющегося взаимопроникновения «высокого» и «низкого» дискурсов в культуре усиливает адаптивный потенциал и способность национализма к ассимиляции культурных продуктов современности. Последние усилиями националистов адаптируются ими под запросы националистического воображения. Поэтому мы можем констатировать социальный и культурный симбиоз между идеологией хиндутвы как формой индуистского националистического дискурса и массовыми культурными индустриями, ориентированной на рынок, что в российской историографии делается, вероятно, впервые. В условиях рынка запрос на культуры формируются не только индийскими интеллектуалами, но и носителями традиционных форм идентичности.

В этой ситуации представители условно высокой культуры, вовлеченные в функционирование кинематографа в Индии, фактически выполняют культурный запрос масс, связанный с визуализацией хиндутвы. Поэтому массовая культура в таких социальных ситуациях монополизирует роль политического посредничества между массами и элитами, ассимилируя для первых идеи хиндутвы, которые не только отражали низовые формы индийской этничности, но и обязаны своим появлением и дальнейшим политическим прогрессом нескольким поколениям интеллектуалов, воспроизводили этот дискурс. Последний функционирует, таким образом, в двух формах. С одной стороны, в рамках запроса индийского общества на индуистскую этничность визуализируются образы, восходящие к индуизму. С другой, визуализации подвергается и сама история хиндутвы.

Таким образом, успехи индийских националистов в политике обеспечены не только стратегиями и тактиками позиционирования себя как защитников индуизма, индуистских принципов и ценностей от мусульманской угрозы, не только кризисом левых и либеральных оппонентов хиндутвы, но и годами активности в культурной сфере,

что не только превратило этнизированные формы массовой культуры в пространство развертывания националистического дискурса.

Список литературы

1. Абрамов, Д. Б. (2021). Кризис секуляризма в Индии. *Мировая экономика и международные отношения*, 65(4), 132–138. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-4-132-138>. EDN: <https://elibrary.ru/SJHBNB>
2. Ванина, Е. Ю. (2022). Независимая Индия и пантеон национальных героев. Трансформация в политическом времени. *Вестник Института востоковедения РАН*, (2), 148–162. <https://doi.org/10.31696/2618-7302-2022-2-148-162>. EDN: <https://elibrary.ru/NDOMCS>
3. Ћогатовић, В. М., & Крстић, З. Ж. (2023). Место хиндутве у савременој индијској политици. *International Politics*, 74(1188), 55–75. https://doi.org/10.18485/iipe_mp.2023.74.1188.3. EDN: <https://elibrary.ru/LUJYQW>
4. Исакова, Д. Э. (2019). Хиндутва как форма индийского национализма. *Российский журнал исследований национализма*, (1–2), 66–73. EDN: <https://elibrary.ru/XKDEPI>
5. Кирчанів, М. В. (2022). Гіндутва як форма націоналізації масової культури в сучасній Індії. В М. В. Кирчанов (Ред.), *Acta Orientalia Voronensia: Воронежское Востоковедение* (Вып. 4, с. 102–120). Воронеж.
6. Солодкова, О. Л., & Анташева, М. С. (2024). Хиндутва как фактор объединения и конфронтации в индийском обществе. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история*, 16(4), 555–567. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2024-16-4-555-567>. EDN: <https://elibrary.ru/XHFGYF>
7. *Adipurush* [Film]. (2023). Режиссёр О. Раут. Сценарий О. Раута. Диалоги М. Мунташира. Сюжет О. Раута. По мотивам «Рамаяны». (179 мин).
8. Ahmad, M., Khan, K., Ziaullah, Md., Rahaman, H., Suhail, M., & Khan, M. A. (2025). Political under-representation and socio-economic marginalisation of Muslims in India. *National Identities*, 22(1). <https://doi.org/10.1080/14608944.2025.2540634>
9. *Baahubali 2: The Conclusion* [Film]. (2017). Режиссёр С. С. Раджамули. Сценарий С. С. Раджамули. Сюжет В. Виджайендры Прасада. (171 мин).
10. *Baahubali: Crown of Blood* [TV series]. (2024). Создатели Ш. Девараджан, С. С. Раджамули. Сценаристы Ш. Девараджан, С. Чаддха, Дж. Дж. Канг, Ш. Сингх. Режиссёры Дж. Дж. Канг, Н. Джон. 1 сезон, 9 серий. Период показа: 17 мая – 4 июля 2024.
11. *Baahubali: The Beginning* [Film]. (2015). Режиссёр С. С. Раджамули. Сценарий С. С. Раджамули. Сюжет В. Виджайендры Прасада. (158 мин).

12. *Baahubali: The Epic* [Film]. (2025). Режиссёр С. С. Раджамули. Сценарий С. С. Раджамули. Сюжет В. Виджайендры Прасада. (225 мин).
13. *Baahubali: The Lost Legends* [TV series]. (2017–2020). Сценарист А. Панде. Сюжет С. С. Раджамули, Ш. Девараджан, Дж. Дж. Канг, А. Панде. 5 сезонов, 71 серия (+1 спецвыпуск). Период показа: 19 апреля 2017 — 10 апреля 2020.
14. *Bal Ganesh* [Film]. (2007). Режиссёр П. Шарма. Продюсеры С. Мару, П. Шарма. (105 мин).
15. Bhattacharya, R. (2025). The changing dynamics of Indian nationalism in contemporary Hindi movies. *National Identities*, 27(1–2), 195–214. <https://doi.org/10.1080/14608944.2024.2349880>
16. *Dashavatar* [Film]. (2008). Режиссёр Б. Тхагоре. Сценарист Х. Лани. (119 мин).
17. Gehlawat, A. (2024). *Bollypolitics: Popular Hindi cinema and Hindutva*. Bloomsbury Academic. 272 p. <https://doi.org/10.5040/9781350401914>
18. Hajee, K. (2024, May 3). Saffronizing Bollywood: How India's Hindu right is controlling its prolific Hindi film industry. *SOAS University of London*. <https://www.soas.ac.uk/about/blogs/saffronizing-bollywood-how-indias-hindu-right-controlling-its-prolific-hindi-film>
19. *Hanuman* [Film]. (2005). Режиссёр В. Г. Самант. Сценаристы М. Укей, С. Баджпай, Ш. Г. Роде. (89 мин).
20. Iyer, J. B., & Das, S. (2025). Leveraging history to invoke nationalism: From the annals of history to social engineering of present and future in Hindi cinema. *National Identities*, 27(1–2), 155–174. <https://doi.org/10.1080/14608944.2024.2365914>
21. *Kaalapaani* [Film]. (1996). Режиссёр Приядаршан. Сценаристы Т. Дамодаран, Приядаршан. (180 мин).
22. *Kalki 2898 AD* [Film]. (2024). Режиссёр Наг Ашвин. Сценарий Нага Ашвина. (181 мин).
23. *Kannappa* [Film]. (2025). Режиссёр Мукеш Кумар Сингх. Сценаристы В. Манчу, П. Гопала Кришна, Г. Ешвар Редди, Г. Нагесвара Редди, Т. Прасад, А. Ш. Прасад, М. Бхута. (182 мин).
24. Karmakar, G., & Catterall, P. (2025). Nation, nationalism and Indian Hindi cinema. *National Identities*, 27(1–2), 1–11. <https://doi.org/10.1080/14608944.2024.2440753>
25. *Krishna... Aayo Natkhat Nandlal* [Film]. (2006). Режиссёр А. Хан. Продюсер Ш. Чхеда. (99 мин).
26. *Krishna Aur Kans* [Film]. (2012). Режиссёр В. Ветури. Сценарий К. Пандей. Сюжет В. Ветури. (123 мин).
27. *Kurukshetra* [Film]. (2019). Режиссёр Нагана. Сценарист Дж. К. Бхарави. (185 мин).
28. *Return of Hanuman* [Film]. (2007). Режиссёр А. Кашьяп. Сценаристы А. Кашьяп, А. Баббар. (110 мин).

29. Roy, V. (2024, April 18). When cinema becomes a tool for propaganda. *Frontline*. <https://frontline.thehindu.com/arts-and-culture/cinema/editors-note-vaishna-roy-cinema-as-tool-to-disseminate-hatred/article68061327.ece>
30. Rumi, R. (2026, March 17). Hindi cinema's appalling descent into Islamophobia and Hindu nationalism. *Himal*. <https://www.himalmag.com/culture/dhurandhar-india-cinema-bollywood-hindu-nationalism>
31. Sanjeev Kumar, H. M. (2013). Constructing the nation's enemy: 'Hindutva', popular culture and the Muslim 'other' in Bollywood cinema. *Third World Quarterly*, 34(3), 458–469.
32. Shajahan, M. S. (2024). 'Distorting the history': Padmaavat and the performative production of history in Indian popular culture. *National Identities*, 26(3), 289–304. <https://doi.org/10.1080/14608944.2024.2306162>
33. Sircar, O. (2025). Hindutva, human rights and Bollywood cinema in the new India: Parzania's memory of the Gujarat pogrom. В А. Dubin, R. Goswami, & I. Sharma (Eds.), *Indian cinema and human rights: An intersectional tale* (pp. 213–243). Springer. https://doi.org/10.1007/978-981-97-6028-2_12
34. *Swatantrya Veer Savarkar* [Film]. (2024). Режиссёр Р. Худа. Сценаристы У. Найтхани, Р. Худа. (178 мин).
35. *Veer Savarkar* [Film]. (2001). Режиссёр В. Рахи. Сценарий В. Рахи. (165 мин).
36. Vohra, A. (2021, November 27). Modi's growing crackdown on Bollywood. India's film industry is under growing pressure to bend its knee to Hindu nationalists. *Foreign Policy Magazine*. <https://foreignpolicy.com/2021/11/27/modi-bollywood-crackdown-muslims-hindu-nationalism>
37. Wankhede, H. S. (2024, April 18). Rise of 'Hindutva' cinema. Indian cinema hardly yields space to Dalit, Adivasi, or Bahujan protagonists. It continues to be an elitist, casteist project. *Frontline*. <https://frontline.thehindu.com/arts-and-culture/cinema/propaganda-indian-cinemas-continued-caste-bias/article68046069.ece>

References

1. Abramov, D. B. (2021). The crisis of secularism in India. *World Economy and International Relations*, 65(4), 132–138. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-4-132-138>. EDN: <https://elibrary.ru/SJHBNB>
2. Vanina, E. Yu. (2022). Independent India and the pantheon of national heroes: Transformation in political time. *Bulletin of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences*, (2), 148–162. <https://doi.org/10.31696/2618-7302-2022-2-148-162>. EDN: <https://elibrary.ru/HDOMCS>
3. Đogatović, V. M., & Krstić, Z. Ž. (2023). The place of Hindutva in contemporary Indian politics. *International Politics*, 74(1188), 55–75. https://doi.org/10.18485/iipe_mp.2023.74.1188.3. EDN: <https://elibrary.ru/LUJYQW>

4. Isakova, D. E. (2019). Hindutva as a form of Indian nationalism. *Russian Journal of Nationalism Studies*, (1–2), 66–73. EDN: <https://elibrary.ru/XKDEPI>
5. Kirchaniv, M. V. (2022). Hindutva as a form of nationalization of mass culture in modern India. In M. V. Kirchanov (Ed.), *Acta Orientalia Voronensia: Voronezh Oriental Studies* (Issue 4, pp. 102–120). Voronezh.
6. Solodkova, O. L., & Antasheva, M. S. (2024). Hindutva as a factor of unification and confrontation in Indian society. *RUDN Journal of World History*, 16(4), 555–567. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2024-16-4-555-567>. EDN: <https://elibrary.ru/XHFGYF>
7. *Adipurush* [Film]. (2023). Directed by O. Raut. Screenplay by O. Raut. Dialogues by M. Muntashir. Story by O. Raut. Based on *Ramayana*. Runtime: 179 minutes.
8. Ahmad, M., Khan, K., Ziaullah, Md., Rahaman, H., Suhail, M., & Khan, M. A. (2025). Political under-representation and socio-economic marginalisation of Muslims in India. *National Identities*, 22(1). <https://doi.org/10.1080/14608944.2025.2540634>
9. *Baahubali 2: The Conclusion* [Film]. (2017). Directed by S. S. Rajamouli. Screenplay by S. S. Rajamouli. Story by V. Vijayendra Prasad. Runtime: 171 minutes.
10. *Baahubali: Crown of Blood* [TV series]. (2024). Created by S. Devarajan & S. S. Rajamouli. Written by S. Devarajan, S. Chaddha, J. J. Kang, & S. Singh. Directed by J. J. Kang & N. John. 1 season, 9 episodes. Broadcast period: May 17 — July 4, 2024.
11. *Baahubali: The Beginning* [Film]. (2015). Directed by S. S. Rajamouli. Screenplay by S. S. Rajamouli. Story by V. Vijayendra Prasad. Runtime: 158 minutes.
12. *Baahubali: The Epic* [Film]. (2025). Directed by S. S. Rajamouli. Screenplay by S. S. Rajamouli. Story by V. Vijayendra Prasad. Runtime: 225 minutes.
13. *Baahubali: The Lost Legends* [TV series]. (2017–2020). Written by A. Pande. Story by S. S. Rajamouli, S. Devarajan, J. J. Kang, & A. Pande. 5 seasons, 71 episodes (+1 special episode). Broadcast period: April 19, 2017 — April 10, 2020.
14. *Bal Ganesh* [Film]. (2007). Directed by P. Sharma. Produced by S. Maroo & P. Sharma. Runtime: 105 minutes.
15. Bhattacharya, R. (2025). The changing dynamics of Indian nationalism in contemporary Hindi movies. *National Identities*, 27(1–2), 195–214. <https://doi.org/10.1080/14608944.2024.2349880>
16. *Dashavatar* [Film]. (2008). Directed by B. Thakore. Written by H. Lani. Runtime: 119 minutes.
17. Gehlawat, A. (2024). *Bollypolitics: Popular Hindi cinema and Hindutva*. Bloomsbury Academic. 272 p. <https://doi.org/10.5040/9781350401914>
18. Hajee, K. (2024, May 3). Saffronizing Bollywood: How India's Hindu right is controlling its prolific Hindi film industry. *SOAS University of London*. <https://>

- www.soas.ac.uk/about/blogs/saffronizing-bollywood-how-indias-hindu-right-controlling-its-prolific-hindi-film
19. *Hanuman* [Film]. (2005). Directed by V. G. Samant. Written by M. Ukey, S. Bajpai, & S. G. Rode. Runtime: 89 minutes.
 20. Iyer, J. B., & Das, S. (2025). Leveraging history to invoke nationalism: From the annals of history to social engineering of present and future in Hindi cinema. *National Identities*, 27(1–2), 155–174. <https://doi.org/10.1080/14608944.2024.2365914>
 21. *Kaalapaani* [Film]. (1996). Directed by Priyadarshan. Screenplay by T. Damodaran & Priyadarshan. Runtime: 180 minutes.
 22. *Kalki 2898 AD* [Film]. (2024). Directed by Nag Ashwin. Written by Nag Ashwin. Runtime: 181 minutes.
 23. *Kannappa* [Film]. (2025). Directed by Mukesh Kumar Singh. Written by V. Manchu, P. Gopala Krishna, G. Eshwar Reddy, G. Nageswara Reddy, T. Prasad, A. S. Prasad, & M. Bhuta. Runtime: 182 minutes.
 24. Karmakar, G., & Catterall, P. (2025). Nation, nationalism and Indian Hindi cinema. *National Identities*, 27(1–2), 1–11. <https://doi.org/10.1080/14608944.2024.2440753>
 25. *Krishna... Aayo Natkhat Nandlal* [Film]. (2006). Directed by A. Khan. Produced by S. Chheda. Runtime: 99 minutes.
 26. *Krishna Aur Kans* [Film]. (2012). Directed by V. Veturi. Screenplay by K. Pandey. Story by V. Veturi. Runtime: 123 minutes.
 27. *Kurukshetra* [Film]. (2019). Directed by Naganna. Written by J. K. Bharavi. Runtime: 185 minutes.
 28. *Return of Hanuman* [Film]. (2007). Directed by A. Kashyap. Written by A. Kashyap & A. Babbar. Runtime: 110 minutes.
 29. Roy, V. (2024, April 18). When cinema becomes a tool for propaganda. *Frontline*. <https://frontline.thehindu.com/arts-and-culture/cinema/editors-note-vaishna-roy-cinema-as-tool-to-disseminate-hatred/article68061327.ece>
 30. Rumi, R. (2026, March 17). Hindi cinema's appalling descent into Islamophobia and Hindu nationalism. *Himal*. <https://www.himalmag.com/culture/dhurandhar-india-cinema-bollywood-hindu-nationalism>
 31. Sanjeev Kumar, H. M. (2013). Constructing the nation's enemy: 'Hindutva', popular culture and the Muslim 'other' in Bollywood cinema. *Third World Quarterly*, 34(3), 458–469.
 32. Shajahan, M. S. (2024). 'Distorting the history': Padmaavat and the performative production of history in Indian popular culture. *National Identities*, 26(3), 289–304. <https://doi.org/10.1080/14608944.2024.2306162>
 33. Sircar, O. (2025). Hindutva, human rights and Bollywood cinema in the new India: Parzania's memory of the Gujarat pogrom. In A. Dubin, R. Goswami,

- & I. Sharma (Eds.), *Indian cinema and human rights: An intersectional tale* (pp. 213–243). Springer. https://doi.org/10.1007/978-981-97-6028-2_12
34. *Swatantrya Veer Savarkar* [Film]. (2024). Directed by R. Hooda. Written by U. Naithani & R. Hooda. Runtime: 178 minutes.
 35. *Veer Savarkar* [Film]. (2001). Directed by V. Rahi. Written by V. Rahi. Runtime: 165 minutes.
 36. Vohra, A. (2021, November 27). Modi's growing crackdown on Bollywood. India's film industry is under growing pressure to bend its knee to Hindu nationalists. *Foreign Policy Magazine*. <https://foreignpolicy.com/2021/11/27/modi-bollywood-crackdown-muslims-hindu-nationalism>
 37. Wankhede, H. S. (2024, April 18). Rise of 'Hindutva' cinema. Indian cinema hardly yields space to Dalit, Adivasi, or Bahujan protagonists. It continues to be an elitist, casteist project. *Frontline*. <https://frontline.thehindu.com/arts-and-culture/cinema/propaganda-indian-cinemas-continued-caste-bias/article68046069.ece>

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Кирчанов Максим Валерьевич, доцент кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран Факультета международных отношений, доцент кафедры истории зарубежных стран и востоковедения Исторического факультета, доктор исторических наук
Воронежский государственный университет
Университетская пл. 1, г. Воронеж, Воронежская область, 394000, Российская Федерация
maksym_kyrchanoff@hotmail.com

DATA ABOUT THE AUTHOR

Maksym W. Kyrchanoff, Associate Professor, Department of Regional Studies and Foreign Economics, Faculty of International Relations; Associate Professor, Department of Foreign History and Oriental Studies, Faculty of History; Doctor of Historical Sciences
Voronezh State University
1, University Sq., Voronezh, Voronezh Region, 394000, Russian Federation
SPIN-code: 6547-1027
ResearcherID: B-8694-2017
Scopus Author ID: 57193934324
ORCID: https://orcid.org/0000-0003-3819-3103

Поступила 10.04.2026

После рецензирования 15.05.2026

Принята 22.05.2026

Received 10.04.2026

Revised 15.05.2026

Accepted 22.05.2026

Социология культуры / Sociology of Culture

Научная статья

DOI: [10.12731/2576-9782-2026-10-2-307](https://doi.org/10.12731/2576-9782-2026-10-2-307)

EDN: VNUSWG

УДК 306

Original article

Феномен ответственного родительства в контексте существующих практик семейно-брачного поведения

Т.В. Свадьбина, О.А. Немова

*Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина,
Нижний Новгород, Российская Федерация*

Аннотация

Обоснование. В статье рассматривается родительство в контексте существующих практик семейно-брачного поведения – супружества – сожительства – партнерства – родства. Представлен краткий обзор вторичных социологических данных состояния рождаемости в России.

Дан критический анализ имеющихся в науке концепций относительно современного состояния семьи как социального института. Анализируются социальные роли материнства и отцовства с позиций гендерного равенства и социокультурной мотивации взрослых обзаведения детьми, их воспитания и социализации.

Цель. Целью исследования является изучение феноменологии ответственного родительства в контексте существующих практик семейно-брачного поведения.

Методология. Теоретико-методологическая концепция семьи (кризисное состояние семьи) А.И. Антонова, теория «естественной семьи» А. Карлсона и т.д. Исследование проводилось с применением как общенаучных методов (анализ и синтез, индукция и дедукция, диалектика и т.д.), так и частно научных методов, а именно качественный социологический метод «обоснованной теории» Б. Глейзера и А. Страусса.

Результаты. Авторами обосновывается идея относительно необходимости сохранения и укрепления трёх взаимосвязанных и взаимообусловленных составных частей семьи – родительства + супружества + родства – для благополучного развития института семьи в целом. Именно целостное единство данных трёх элементов будет способствовать повышению рождаемости и укреплению института родительства.

Кризисное состояние современной семьи обуславливает разработку мер социальной поддержки, нацеленной на уход от эгоцентрической семьи как последней фазы деградации семьи как социального института. Необходимость сохранения,

популяризации и развития «естественной семьи» (А. Карлсон), эгалитарной (биархатной) семьи, т.е. основанной на брачном союзе любящих и верных друг другу мужчины и женщины, является важной задачей российского общества и государства.

В этой связи авторы статьи отстаивают позицию необходимости целенаправленного системного подхода по формированию в сознании молодёжи позиции ответственного родительства предполагающего осмысление юношами и девушками репродуктивных установок, т.е. взаимной согласованности в принятии решения об обзаведении семьёй. Основой семейных отношений в эгалитарной (биархатной) семье является прежде всего супружеские отношения построенные на любви и верности. Все остальные основания – материально-экономическое благосостояние, социально-статусные позиции в обществе, официальная регистрация брака - также важны, но не имеют приоритетного значения по сравнению с духовной близостью, т.е. супружеской любовью и верностью.

На основе качественного анализа эмпирического материала выявлены социальные феномены выстраивания детско-родительских, межпоколенных отношений в нижегородских семьях. На конкретных примерах из частной жизни нижегородцев показано, что модель эгалитарной (биархатной) семьи пользуется наибольшей популярностью у тех, кто представил свои работы на городские конкурсы и акции.

В статье отражен практический опыт реализации в Нижнем Новгороде «мега-проекта «Мы вместе» (Муниципальном Бюджетном Образовательном Учреждении Дополнительного Образования Дворца Детского Творчества им. В.П. Чкалова, т.е. далее по тексту – МБУ ДО ДДТ им. В.П. Чкалова), стратегической основой которого является принцип построения партнерских отношений между тремя важнейшими элементами образовательно-воспитательного процесса, т.е. 1) учащимися общеобразовательных учреждений; 2) нижегородскими семьями, т.е. родительской общественностью; 3) государственными (образовательные учреждения города) и общественными организациями, к которым относятся библиотеки, учреждения дополнительного образования различных форм собственности, НКО, например, «Совет отцов» Нижнего Новгорода (рук. С.Е. Новиков), АНО ДО «Центр воспитания творчеством» (Рук. О.А. Немова), ЧУ До «Грамотейка» (Рук. О.С. Пермовская и т.д.).

Таким образом, авторами статьи дан обобщенный опыт практического моделирования у подрастающих поколений нижегородцев семейно-ориентированного образа жизни, осознанного и ответственного родительства.

Ключевые слова: семья; супружество; сожительство; постсовременная семья; типология родительства; гендерный и социокультурный контент; родительство; эгалитарный тип семьи; демография

Для цитирования. Свадьбина, Т. В., & Немова, О. А. (2026). Феномен ответственного родительства в контексте существующих практик семейно-брачного поведения. *Russian Studies in Culture and Society / Российские исследования. Культура и общество*, 10(2), 57-77. <https://doi.org/10.12731/2576-9782-2026-10-2-307>

The phenomenon of responsible parenting in the context of existing practices of family and marriage behavior

T.V. Svadbina, O.A. Nemova

*Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University, Nizhny Novgorod,
Russian Federation*

Abstract

Background. The article examines parenthood in the context of existing practices of family and marriage behavior – marriage – cohabitation – partnership – kinship. It provides a brief overview of secondary sociological data on the state of fertility in Russia.

The article provides a critical analysis of existing scientific concepts regarding the current state of the family as a social institution. It analyzes the social roles of motherhood and fatherhood from the perspective of gender equality and the sociocultural motivation of adults to have children, raise them, and socialize them. The purpose of this article is to study the phenomenon of responsible parenthood in the context of existing practices of family and marriage behavior.

Methodology. The theoretical and methodological concept of the family (the crisis state of the family) by A.I. Antonov, the theory of the “natural family” by A. Carlson, etc. The study was conducted using both general scientific methods (analysis and synthesis, induction and deduction, dialectics, etc.) and specific scientific methods, namely the qualitative sociological method of “grounded theory” by B. Glaser and A. Strauss.

Results. The authors substantiate the idea of the need to preserve and strengthen the three interconnected and mutually dependent components of the family – parenthood, marriage, and kinship – in order to ensure the successful development of the family institution as a whole. It is the holistic unity of these three elements that will contribute to increasing the birth rate and strengthening the institution of parenthood.

The crisis state of the modern family necessitates the development of social support measures aimed at moving away from the egocentric family as the last phase of the family’s degradation as a social institution. The preservation, promotion, and development of the “natural family” (A. Carlson), an egalitarian (biarchal) family based on a loving and faithful union between a man and a woman, is an important task for Russian society and the state.

In this regard, the authors of the article defend the position of the need for a purposeful systematic approach to the formation of a responsible parenting position in the minds of young people, which involves the understanding of reproductive attitudes by young men and women, i.e. mutual consistency in making a decision to start a family. The basis of family relations in an egalitarian (biarchal) family is primarily a marital relationship based on love and fidelity. All other factors, such as material and economic

well-being, social status, and official marriage registration, are also important, but they do not take precedence over spiritual closeness, which includes marital love and fidelity.

Based on a qualitative analysis of the empirical material, the article identifies social phenomena related to the formation of child-parent and intergenerational relationships in Nizhny Novgorod families. Using specific examples from the private lives of Nizhny Novgorod residents, the article demonstrates that the model of an egalitarian (biarchal) family is the most popular among those who have submitted their works to city contests and events.

The article reflects the practical experience of the implementation of the mega-project “We are Together” in Nizhny Novgorod (Municipal Budgetary Educational Institution of Additional Education of the V.P. Chkalov Palace of Children’s Creativity, i.e. hereinafter referred to as MBU DO DDT named after V.P. Chkalov), the strategic basis of which is the principle of building partnerships between the three most important elements of the educational process, i.e. 1) students of educational institutions; 2) Nizhny Novgorod families, i.e. the parent community; 3) state (educational institutions of the city) and public organizations, which include libraries, institutions of additional education of various forms of ownership, NGOs, for example, the Council of Fathers of Nizhny Novgorod (RUK S.E. Novikov), ANO DO “Center for Creative Education” (Directed by O.A. Nemov), CHU Do “Gramoteyka” (Directed by O.S. Permovskaya, etc.).

Thus, the authors of the article provide a generalized experience of practical modeling of a family-oriented lifestyle and conscious and responsible parenthood among the younger generations of Nizhny Novgorod residents.

Keywords: family; marriage; cohabitation; postmodern family; typology of parenthood; gender and sociocultural content; parenthood; egalitarian type of family; demography

For citation. Svadbina, T. V., & Nemova, O. A. (2026). The phenomenon of responsible parenting in the context of existing practices of family and marriage behavior. *Russian Studies in Culture and Society*, 10(2), 57-77. <https://doi.org/10.12731/2576-9782-2026-10-2-307>

Введение

Возросший интерес к родительству в российском обществе обусловлен несколькими обстоятельствами. Во-первых, сохраняющейся тревожной статистикой по ключевым показателям брачно-семейного поведения и рождаемости, несмотря на беспрецедентные меры федеральных и региональных властей по реализации национальных проектов «Демография», «Семья», «Молодёжь и дети России». Во-вторых, закреплением в государственных документах по образованию и воспитанию, а также в Конституции РФ преимущественного права семьи, родителей на воспитание и социализацию детей. В-третьих,

в связи с развернувшейся дискуссией среди специалистов по поводу возможностей выполнения социальных функций традиционной нормативной семьей и предпочтения в пользу «постсовременной семьи», в которой супружеские отношения преимущественно строятся не на узаконивании брачно-семейных отношений, родстве и родительстве, а на обеспечении гендерного равенства партнёров, предоставлении несемейной автономии и индивидуальной самореализации. В-четвертых, настоятельной необходимостью формирования у молодёжи не только осознанного супружества, базисным фундаментом которого является любовь и верность, но и ответственного родительства, связанного с репродуктивной установкой партнёров и их потребностью в детях.

Целью исследования является изучение феноменологии ответственного родительства в контексте существующих практик семейно-брачного поведения на примере построения семьецентричной образовательно-воспитательной системы Нижнего Новгорода.

Задачи исследования:

- 1) исследовать на основе вторичных социологических данных тенденции брачно-семейного поведения и рождаемости в РФ;
- 2) представить нижегородский опыт организации родительского просвещения на примере работы городского Родительского университета;
- 3) оценить эффективность семьецентричного подхода в выстраивании воспитательно-образовательного пространства Нижнего Новгорода;

Работ по исследованию кризисного состояния семейно-брачного института, ответственного и осознанного родительства достаточно много как в России, так за ее пределами. Авторы данной статьи считают, что для исследования данных проблем необходимо применять комплексный подход. Анализ статистических данных, вторичных социологических исследований и ежегодный мониторинг первичных социологических исследований в общем и в частности позволяет увидеть «болевы́е точки» современной семьи. Знание данного материала дает возможность на практике, через доступные ресурсы,

а именно мега-проект Мы вместе, городской родительский университет, организацию городских конкурсов и акций, выстраивать и корректировать партнерские отношения между тремя важнейшими элементами воспитательно-образовательного комплекса Нижнего Новгорода (ребенок - родительство - государство (школа) и общественные организации).

Методология

Поиск выхода семьи из кризисного состояния возможен при условии сохранения, а где-то и возрождения идеи семьи, как взаимообусловленного органичного единства трёх её составных частей – родительства, супружества, родства – и имеющей социокультурный контент ролей матери и отца, а также межпоколенных взаимодействий [1, с. 19]. Созвучны идеям отечественного демографа взгляды американского фамилиста Алана Карлсона, который, в частности, указывал, что на снижение рождаемости в Западном обществе на рубеже XIX-XX вв. оказала набирающая популярность в широких слоях населения т.н. буржуазная мораль, для которой свойственны достижение личного успеха, необузданная жажда чрезмерной роскоши, индивидуалистический эгоизм и нежелание жертвования комфортной жизнью ради детей [2].

В работе также дан обзор вторичных социологических исследований относительно современного состояния российского института семьи (Т.А. Гурко [3], О.Н. Безрукова и В.А. Самойлова [4], Н.О. Автаева [5], Д.Ю. Вагина [6]). Анализ вторичных социологических исследований выявил спектр дискуссионных вопросов относительно будущего современной семьи. Итак, целью данной статьи является изучение феноменологии ответственного родительства в контексте существующих практик семейно-брачного поведения.

Результаты и обсуждение

Несмотря на беспрецедентную государственную (федеральную и региональную) поддержку российских семей, особенно многодетных семей, демографическая ситуация остаётся в России до-

статочно напряжённой, о чём свидетельствует статистика и данные социологических исследований.

После распада СССР в Российской Федерации наблюдается неуклонное падение рождаемости, причём во всех группах и структурах семей – полных и неполных, зарегистрированных и незарегистрированных, высоко, средне и малообеспеченных, у родителей с высшим образованием и высоким профессиональным статусом и у родителей, имеющих только среднее образование и низкую квалификацию. Хотя больше всего рождение детей наблюдается в повторных браках, а также в мусульманских семьях, по сравнению с русскими (2,0 против 1,5). Не имеют детей 47% женщин фертильного возраста, никогда не состоявших в браке, т.е. наблюдается синдром «откладывания» рождения ребёнка ввиду того, что пока она не замужем (66%), не имеет материальных и жилищных условий (50%), желания пожить для себя (31%), стремления сделать карьеру (22%) и т.д. [3. с.72-79]. О продолжающемся демографическом спаде говорит тот факт, что в 2023 году в России родилось на 2,2% (на 11,5 тысяч) младенцев меньше, чем за 2022 год. Уменьшается число брачных союзов: в 2023 году заключено 868 тыс. 872 брака (в 2022 году был 1 миллион 540 тысяч) и увеличилось число разводов. На 870 тысяч браков пришлось 625 тысяч разводов. Растёт социальное сиротство. В 2022 году на учёт были поставлены 45 тысяч 332 ребёнка (сирот при живых родителях). Приёмные родители стали чаще возвращать детей в детские учреждения: в 2022 году 5 тыс. детей получили опыт «вторичного сиротства» [3, с. 12-23). В 2022 году 22,8% детей рождены вне брака; в половине случаев отцовство официально не было установлено, т.е. каждый десятый ребёнок в стране не признан своим отцом.

Асоциальный образ жизни вели 133 тысячи родителей; из них 32 тысячи поставлены на профилактический учёт (за злоупотребление спиртными напитками, за наркотики, судимость, тунеядство и т.д.). Продолжается практика сдачи новорождённого в бэби-бокс, а дальше – в дом малютки.

Кстати, за этот негативный поступок общественное мнение осуждает прежде всего мать (77% респондентов) и менее – отца

(45%), т.е. отец остаётся «в тени». Из числа этих же сочувствующих и осуждающих респондентов следует рекомендация женщине, не уверенной в том, что она сможет содержать и воспитать ребёнка, сделать аборт (47,3% против 42,3%) считающих возможным оставить ребёнка [4, с.105-107].

Внимание государства к проблемам демографии и укреплению семьи породило, по мнению специалистов, своеобразный феномен «интенсивного родительства», когда в соответствии с Законом об образовании (2012г.), Концепцией воспитания (2015г.) и Конституцией РФ (март 2020 г.) за матерью и отцом закрепляется равное право и обязанность воспитывать детей и заботиться о них (ст. 38). В Семейном кодексе РФ также закреплено положение о том, что прежде всего семья является основным институтом ответственным за осуществление воспитания, развития и заботы о детях, т.е. на официальном уровне провозглашается приоритет семейного воспитания, а государство обязуется создавать условия, способствующие всестороннему развитию детей и их гражданско-патриотическому воспитанию (ст. 67 Прим.).

На волне открывшейся возможности обеспечения гендерного равенства в семье и с учётом заметного роста вовлеченности отцов в воспитательно-бытовые вопросы ряд исследователей предлагают увязать имеющуюся типологию семей (доиндустриального, индустриального и постиндустриального обществ) с базовыми моделями родительства – авторитарным (архаичным), либеральным и ответственным. Ответственное родительство предполагает варианты выполнения родительских ролей с акцентом на большую свободу, личностную самореализацию, оценку индивидуальных достижений и т.д. [5, с. 24, 73].

Более того, открыто звучит призыв к смене семейно-брачной парадигмы: переходу от традиционного патриархального взаимодействия в семье к эгалитарному (биархатному) типу, предполагающему супружеское двоевластие и взаимозаменяемость родительских функций и обязанностей и т.д. Эта трансформация перспективна, прежде всего, для молодых родителей, образованных и с высокой

квалификацией, представляющих средние слои российского общества [4, с. 151-152].

В обществе ведутся активные дискуссии по поводу роли отца в современной семье и вопросах воспитания детей. Достаточно рельефно обозначены показатели ответственного отцовства. Это – участие мужчины в репродуктивном решении (иметь или не иметь ребёнка). Это – готовность нести финансовое бремя (совместно с матерью) по содержанию ребёнка. Это осознание своей миссии – быть по отношению к ребёнку наставником, проводником по жизни, а не просто расценивать момент приватной близости как этап взросления, инициации, получения радости и удовольствия [4, с. 105-107].

Часть отечественных фамилистов убеждены, что сегодня в России есть альтернатива традиционной, патриархальной семье – с её жестким авторитаризмом и гендерным неравенством. По мнению Н.Ю. Егоровой, в качестве семьи «постсовременного» типа выступает нерегистрируемое супружество (сожительство, пробный брак и т.д.). За 10 лет число сожительств увеличилось в России почти вдвое. В Нижнем Новгороде в отношениях сожительства состоят 53% молодёжи в группе двадцати и двадцатичетырёхлетних. Сегодня супружество определяется не фиксацией брака в ЗАГСе, а самоидентификацией партнёров, возможностью раскрытия их личностного потенциала. Такой партнёрский союз не является домохозяйством и не всегда считает обязательным наличие детей, зато способен предоставить супругам внесемейную автономию и, одновременно, позволить успешно выполнять семейные функции, свойственные супружеству в зарегистрированном браке [9, с. 9-11, 20, 26].

Ей вторит ведущий отечественный фамилист Т.А. Гурко, считающая, что поскольку сожительства не регистрируются законодательством, то вряд ли к ним применимо понятие «брак». Тем более, что за сожительство выступают до 37% россиянок и 55% женщин с высшим и средне специальным образованием готовых зарегистрировать брак в случае беременности. Сожительство, скорее всего, выступает как этап к браку, проверка отношений и чувств и не оказывает отрицательного влияния на репродуктивное поведение

россиянок. Хотя надо признать, мать охотнее планирует следующего ребёнка, если муж активно вовлечён в занятия с уже имеющимся у них ребёнком. И всё же для матери важнее материальная поддержка со стороны государства, создающая условия для рождения очередного ребёнка [3, с. 75-79].

Прямо противоположную и непримиримую позицию относительно попыток свести российскую семью к постсовременному супружеству занимает мэтр отечественной фамилистики профессор А. И. Антонов. Он убеждён, что разрушение трёх составных частей семьи – родительства – супружества – родства – ставит под удар институт семьи, снижает репродуктивную мотивацию и обесценивает родительство. Озабоченность гендерными ролями, недооценка (игнорирование) семейных и родительских ролей, зацикленность молодых исключительно на личных, индивидуальных достижениях (успехе, карьере, богатстве, престижном статусе и потреблении) знаменует переход к последней форме кризисной семьи – эгоцентрической, перед её полной деградацией и исчезновением в качестве социального института [1, с. 377, 380, 549].

Созвучны идеям А.И. Антонова концепция необходимости возрождения «естественной семьи» американского фамилиста А. Карлсона. Под «естественной семьёй» А. Карлсон подразумевает союз мужчины и женщины, основанный на взаимной любви и верности друг другу на протяжении всей жизни, нацеленный на реализацию своего био-социодуховного потенциала, т.е. рождение и воспитание детей, воплощенных в различных семейных ролях (прежде всего ролях матери и отца) [2]. Только в семье человек может в полной мере быть свободным, т.к. с ее помощью возможна гармоничная реализация своих естественных, данных от природы, свобод: право физиологического продолжения рода, право передачи (наследования) последующими поколениям не только материального богатства, но и социокультурного, духовного багажа. «Естественная семья» в условиях общества модерна и постмодерна оказалась один на один в противоборстве с глобалистами, навязывающими обществу псевдоидеалы и псевдоценности в рамках идеологии общества массового потребления.

Теряя свою социальную значимость по отношению к обществу, эгоцентрическая семья низводится до уровня бытового общежития, вся суть которого сводится к потребительскому общению и самореализации в «приватной», частной сфере. Такая семья ориентирована на внесемейные ценности [1, с. 569].

Вместе с тем, отмечает А.И. Антонов, традиционная семья как единство социокультурных ролей родителей и детей, родственников представляет собой слепок глубоко укоренившихся в сознании россиян моральных, нравственных норм, понимания должного и запретного. Например, это взаимодополняемость семейных ролей матери и отца с производственными ролями родителей, детей и родственников (так называемая семейная экономика). Это социальный контроль родства с приоритетом уважительного отношения к жизненному опыту и мнению старших [1]. Семья, семейный образ жизни являют собой пример подлинного человеколюбия, т.к. именно в семье всё построено на семейной взаимной любви, принятии каждого члена семейной группы таким какой он есть и, соответственно, желании оказывать бескорыстную помощь и заботу каждому нуждающемуся члену семьи. А. Карлсон и П. Мери, в частности, пишут о силе и уникальности семейного жизнеустройства следующее: «Доброта порождает доброту и любовь всегда преобладает над расчётом. Родственники всегда делают всё, что у них есть, не ожидая ничего взамен, но получают значительно больше, чем могли бы себе представить. Семейная любовь, привязанность, побуждающая к благотворительности, добрым делам и подлинной общинности» [10].

В этом плане формирование в сознании молодёжи ответственного родительства предполагает еще и осмысление юношами и девушками репродуктивных установок, т.е. взаимной согласованности в принятии решения об обзаведении семьёй. На обязательном участии молодого человека в такого рода щепетильных вопросах настаивают не только социологи, но и психологи, а также врачи-гинекологи, акушеры.

Практический опыт, полученный в результате работы в Нижегородской научно-практической лаборатории по проблемам воспи-

тания и семьи» им. Н.Н. Белик, созданной в 2000-м по инициативе департамента образования Нижнего Новгорода и действующей по настоящее время на базе МБУ ДО «Дворец детского творчества им. В.П. Чкалова», кандидата медицинских наук О.М. Стельниковой [11] по пропаганде среди старшеклассников и молодых супружеских пар сущности репродуктивного здоровья оказался крайне востребованным в понимании осознанного родительства, включающего в себя, по ее мнению, следующие показатели:

1. Неприемлемость бездетности (чайлд-фри). Формирование потребности в детях, как ценности, необходимо начинать с детского возраста девочек и мальчиков (через детские игры, чтение книг, просмотр и обсуждение фильмов, через пример детско-родительских отношений в собственных семьях).
2. В принятии решения об аборте (за или против) участвуют оба партнёра – женщина и мужчина.
3. Оба супруга также принимают решение о рождении ребёнка, если УЗИ показало наличие у него врожденной патологии; т.е. родители должны быть готовы к тому, что ребёнок попадёт в категорию «особенных детей».
4. Равное участие супругов необходимо в принятии решения прибегнуть к услугам ЭКО, суррогатной матери, а также взять ребёнка на воспитание (варианты замещающей семьи – приёмная, опекунская, патронатная) с обязательством не возвращать ребёнка в приют, не допускать «повторного сиротства».
5. Не избавляться от новорождённого (живорождённого) и воспользоваться 30-ю минутами отведёнными матери на раздумье, прежде чем оставить ребёнка в бэби-боксе. На этапе «раздумья» поставить в известность отца ребёнка об этой ситуации [11, с.10-13].
6. В случае выбора варианта матрифокального типа семьи (ребёнка «для себя») в момент интимной близости женщина обязана предупредить партнёра о возможности зачатия. Т.е. мужчина должен осознавать, что обрекает женщину на одинокое родительство, не обещая на ней жениться.

7. Проблема «отложенного» родительства также решается супругами совместно. Мужчина ведь осознаёт, что его «отцовство» никуда не уйдёт до возраста 70+ и он может позволить себе готовиться к этому статусу сколько угодно. А у женщин в силу био-физиологических, психолого-возрастных характеристик пик первого материнства приходится на 20 лет. Если супруги решат предпочесть первоочерёдность образовательно-статусных, материальных, карьерных достижений, то к старости обоим придётся винить себя за «сознательно сделанный выбор» – бездетность и безродительность [12, с. 337-348].
8. Надо быть готовым к тому, что не только женщине-матери, но и мужчине-отцу вполне свойственна послеродовая депрессия: непереносимость даже внешнего вида, прикосновений друг к другу и разочарование от облика новорождённого младенца. 62% пап переживают эмоциональный спад, связанный с рождением ребёнка. Это так называемый «младший родительский (отцовский) период». Затем чувство уныния пройдёт и сменится стократной благодарностью жене (судьбе, Господу) за подаренное отцовство [12, с. 453, 465, 470].

О.М. Стельникова одна из первых из нижегородских ученых выступала за внедрение семьецентричного подхода в организацию воспитательно-образовательного процесса Нижнего Новгорода, а также родительского просвещения по вопросам семьи и брака. Как практикующий врач-гинеколог, остепененный ученый она настаивала на необходимости открытия городского университета для родительской общественности, что и было сделано в 2000-м. году. Таким образом, нижегородская родительская общественность получила возможность бесплатно повышать свои родительские компетенции в данном уникальном городском общественном учебном заведении по самым разным вопросам касающимся воспитания и образования детей. Надо отметить, что сама О.М. Стельникова вела блок занятий по профилактике репродуктивного здоровья, ответственного и осознанного супружества и родительства, как у учащихся общеобразовательных школ, так и молодых супругов.

С темой ответственного и осознанного родительства вполне коррелирует феномен «интенсивного» родительства, связанного, по мнению специалистов, с частотой вовлеченности родителей и родственников в жизнь детей и косвенно свидетельствующих о преимуществах эгалитарной семьи. К числу практик родительской вовлеченности исследователи относят подготовку уроков, посещение родительских собраний, чтение, физическую активность, посещение врачей и проведение отпуска. Парадоксально или закономерно, но результаты социологических исследований вновь показали гендерную асимметрию: за исключением физической активности наибольшую вовлечённость во все виды практик демонстрирует, как всегда, матери [13, с.86, 97].

Социологические исследования среди учащихся школ и студентов вузов Нижнего Новгорода в 2016-м году (n-1500 и 400 соответственно) показали, что самыми важными для ребят оказались жизненные уроки, которые они извлекли для себя в повседневности, через общение с родителями и родственниками. Это и правила поведения и нормы общения, и любовь к природе, и красоте родного края. Ощущение гордости за обретенную профессию, идущую от отца и матери [6].

Качественный социологический анализ работ (видео ролики и эссе), присланных на городской конкурс «Трудом велик и славен человек» (n-60) 2025г. с использованием метода «обоснованной теории» Б. Глейзера и А. Страусса показал, что общие нарративы по сравнению с исследованиями 2016 года практически не изменились (<https://gallery.ddt-chkalov.ru/category/трудом-велик-и-славен-человек/>). По-прежнему, в своих работах нижегородские школьники отмечают огромную значимость повседневной жизни семьи как основного механизма трансляции самых различных ценностей, ценностных установок, мировоззренческих взглядов, знаний и умений. Через совместное повседневное взаимодействие осуществляется не просто обучение каким-то необходимым навыкам и умениям (приготовление еды, уборка помещений, ремонт и строительство), но практическая трансляция межпоколенных ценностей, мировоззренческих установок, родственных связей и т.д. Приобщая своих детей

к труду родители прививают им такие ценности как трудолюбие, бережное отношение к труду других людей, милосердие и сострадание к нуждающимся людям, бережное отношение к природе и т.д..

Приведем некоторые отрывки из конкурсных работ, присланных на городской конкурс «Трудом велик и славен человек», реализованный АНО ДО «Центр воспитания творчеством» совместно с МБУ ДО ДДТ им. В.П. Чкалова на средства предоставленные из областного бюджета в форме субсидии (№320-2278/25).

Семенов К., 9 лет, МБОУ «Школа №132» номинация «Больше дела, меньше слов» (<https://gallery.ddt-chkalov.ru/207454/>): *Девиз нашей семьи: «больше дела, меньше слов». В нашей семье каждый волонтер. Каждый из нас готов прийти на помощь. Мы сажаем деревья в парках, помогаем бездомным животным, участвуем в благотворительных мероприятиях. Главный волонтер - это моя мама. на территории школы мы посадили 18 саженцев ели.(...) Особое внимание мы уделяем бездомным животным. Мы покупаем для них корма, делаем домики.(...) Мы активно поддерживаем наших защитников на СВО: пишем письма солдатам, мастерим оконные свечи.(...) Мы верим, что добрые дела делают мир лучше».*

Луконин О. 10 лет, МАОУ СШ №102 номинация «Наше счастье в общем труде» (<https://gallery.ddt-chkalov.ru/207653/>)

Каждый день у нас в семье кто-то трудится: кто-то на работе, кто-то дома, а кто-то в школе. Но есть один труд, который нас объединяет- это труд в нашей любимой деревне. Этот труд хорош тем, что мы трудимся всей семьей -мама, папа, братья и сестры, бабушки и дедушки и я. А дел у нас много. Каждому хватит: поколоть дрова, скосить траву, посадить картошку и собрать урожая! (...) А еще на протяжении многих лет мы строили дом своей мечты, в котором мы сейчас живем....».

Папа Грачев Андрей и сын Грачев Кирилл ученик 2а класса. МА-ОСШ 102, номинация: «Только трудом держится дом» (https://vkvideo.ru/clip463052555_456239034).

«Эта работа – не просто инструкция, а путь передачи важного жизненного опыта от отца к сыну. Через совместное занятие

рыбной ловлей и обработку улова мы не только учим конкретным навыкам, но и создаём пространство для доверительного общения, передаём уважение к природе и традициям. Шаг за шагом, от первого заброса удочки до готового блюда на семейном столе, мы формируем у ребёнка чувство самостоятельности, ответственность и понимание ценности добытой своими руками пищи.

Примечателен в этом отношении опыт Совета отцов Нижнего Новгорода, ставящего своей целью сформировать в сознании молодёжи просемейные, духовно-нравственные, гражданско-патриотические ценности, смоделировать у ребят тип социально ответственного родительства [17, с.32-39]. Важное значение отцы придают воспитанию уважительного отношения к созидательному труду не только ради личного обогащения, средства соамореализации, но и как блага для общества [18].

Не случайно, в МБУ ДО ДДТ им. В.П. Чкалова на протяжении 20-ти лет проходят конкурсы «Сын. Отец. Отечество», «России верные сыны», «Патриоты Нижнего Новгорода», «Я горжусь своей семьёй», «История моей семьи в истории страны». В год присылается более 2500 работ (Эссе, социальных проектов, семейных видеороликов и т.д.). Анализ присланных работ является важным эмпирическим материалом для анализа детско-родительских отношений в современных нижегородских семьях, актуальных эффективных воспитательных практиках семейного воспитания подрастающих поколений нижегородцев.

С началом СВО выявились дополнительные преимущества и значимость биархатной российской семьи (полной семьи с несколькими детьми), фундаментальной основой которой является взаимная супружеская любовь и верность, где каждый член семьи выполняет свои функции и обязанности при сохранении общего семейного единства. Именно здесь оказались востребованными социальные роли родительства, межпоколенная преемственность базовых ценностей, гражданско-патриотическая готовность служения Отчизне. На поддержание такой семьи государство не жалеет средств. На закрепление в сознании молодёжи просемейных ценностей работает

вся система обеспечения наших бойцов вооружением, материальным и техническим снаряжением, создаваемых дома – в тылу, в семьях, на предприятиях, в школах и вузах, в волонтерских объединениях. Здесь проблема гендерного равенства теряет свою актуальность, нивелируется, уступая место первоочередным задачам военного времени, сохранения единства, целостности и безопасности нашего государства.

Заключение

Мы считаем необходимым внести ряд рекомендаций и предложений для дальнейшего совершенствования социальной семейной и демографической политики:

1) Применение системного семейноцентричного подхода в выстраивании воспитательно-образовательного пространства (на примере Нижнего Новгорода) считаем высоко эффективным и, соответственно, имеющим право на масштабирование в рамках страны.

2) Развитие родительского просвещения в условиях системного кризиса семейно-брачных отношений в РФ крайне актуально и своевременно. 25-ти летний опыт работы городского общественного Родительского университета в Нижнем Новгороде является крайне востребованным и значимым. Имеются и практические результаты эффективности работы данного общественного института. Так, по данным статистики в Нижнем Новгороде произошло уменьшение разводов и увеличение многодетных семей [19].

3) Ответственное родительство неразрывно связано с осознанным отношением к семье – супружеству и родству, а самое важное – установка на детский образ жизни.

4) В современном российском обществе актуальным является биархатный тип семьи, предполагающий высокую степень сотрудничества и взаимопомощи в выполнении семейных обязанностей всех членов семьи, включая родственников и даже соседей.

Итак, формирование ответственного родительства как приверженности традиционным семейным ценностям (официальной регистрации брачных отношений, родительству и родству, супру-

жеству, базисной основой которого является взаимная верность и любовь)) и здоровому образу жизни (в том числе - репродуктивному здоровью) становится ключевой задачей семейно ориентированной демографической политики России [19, с. 27-29].

Список литературы

1. Антонов, А. И. (2020). *Социология семьи*. МГУ. 690 с.
2. Карлсон, А. (2003). *Общество – семья – личность: социальный кризис Америки: Амер. шк. альтернатив. социологии* (Пер. с англ. под ред. [и с предисл.] А. И. Антонова). Грааль. 284 с.
3. Гурко, Т. А. (2023). Семейные факторы репродуктивного поведения. *Социологические исследования*, (12), 72–82. <https://doi.org/10.31857/S013216250029338-4>. EDN: <https://elibrary.ru/WGTVDW>
4. Безрукова, О. Н., & Самойлова, В. А. (2023). «Ненужные дети»? Ценности родительства, права отцов и матерей в социокультурных установках россиян. *Социологические исследования*, (8), 101–111. <https://doi.org/10.31857/S013216250027371-1>. EDN: <https://elibrary.ru/JJWJRE>
5. Автаева, Н. О. (2024). *Семья и родительство в отечественных медиа*. ННГУ им. Н. И. Лобачевского. 223 с. ISBN: 978-5-91326-889-1. EDN: <https://elibrary.ru/OBVNYF>
6. Вагин, Д. Ю. (2017). *Преемственность поколений в сфере духовно-нравственных ценностей современной молодёжи России* (Кандидатская диссертация). Н. Новгород. EDN: <https://elibrary.ru/MRYAQI>
7. Страус, А., & Корбин, Дж. (2001). *Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники* (Пер. с англ. и послесловие Т. С. Васильевой). Эдиториал УРСС. 256 с.
8. Свадьбина, Т. В., Козырьков, В. П., & Немова, О. А. (2023). *Человек и его жизнь как ценность (философско-антропологический и социокультурный контекст)*. НГПУ им. К. Минина. 198 с. ISBN: 978-5-85219-892-1. EDN: <https://elibrary.ru/WDSXXW>
9. Егорова, Н. Ю. (2020). *Супружество в современной России: особенности функционирования* (Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора социологических наук). Н. Новгород. 39 с. EDN: <https://elibrary.ru/QCPDRW>
10. Карлсон, А., & Мери, П. (2007). *Естественная семья: Манифест*. ООО «ДИА-ЙПИ». 32 с.
11. Стельникова, О. М. (2009). Формирование осознанного, ответственного родительства. В Н. Н. Белик (Ed.), *Осознанное, ответственное родительство – взгляд в будущее* (с. 10–13). Радонеж.
12. Стельникова, О. М. (2012). *На пороге семьи*. Изд-во НГМА. 560 с.

13. Дорофеева, З. Е., & Козырева, П. М. (2023). Трансформация практик вовлеченности родителей в жизнь детей. *Социологические исследования*, (8), 86–100. <https://doi.org/10.31857/S013216250027370-0>. EDN: <https://elibrary.ru/VBDNOL>
14. Немова, О. А., & Яковлева, О. Ю. (2022). Отцовство как механизм трансляции мужских ценностей: феноменологический анализ. *Мир науки. Социология, филология, культурология*, 13(4). <https://sfk-mn.ru/PDF/28SCSK422.pdf>. EDN: <https://elibrary.ru/XAGOGP>
15. Забаев, И. В., Емельянов, Н., Павленко, Е. С., & Павлютин, И. В. (2013). *Семья и деторождение в России: категории родительского сознания* (Под ред. М.С. Ковалевой). ПСТГУ. 222 с.
16. Широкалова, Г. С., Дулина, Н. В., & Пронина, Е. И. (2023). Горожане и селяне: роль семьи в социализации студентов СПО. *Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования*, 9(4), 6–21. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2023-9-4-6-21>. EDN: <https://elibrary.ru/DASIMO>
17. Разживин, П. А. (2017). Роль отца в моделировании у детей ценных жизненных ориентиров. Под ред. Н.Н. Белик, *Нижегородские отцы. Взгляд в будущее* (с. 32–39). НИУ РАНХиГС.
18. Пакина, Т. А., Свадьбина, Т. В., Немова, О. А., & Ретивина, В. В. (2018). Распределение супружеских ролей в отдельных сферах жизнедеятельности семьи. *Проблемы современного педагогического образования*, (58-3), 207–210. EDN: <https://elibrary.ru/YSTYII>
19. Швыркаева, И. (2025, 14 января). Разводов стало меньше, а многодетных – больше: что происходит в семейных отношениях нижегородцев. *Комсомольская правда*. <https://www.nnov.kp.ru/daily/27651/5036358/>

References

1. Antonov, A. I. (Ed.). (2020). *Sociology of the Family*. Lomonosov Moscow State University. 690 p.
2. Carlson, A. (2003). *Society – Family – Individual: The Social Crisis in America: American School of Alternative Sociology* (A. I. Antonov, Ed., Trans.). Graal. 284 p.
3. Gurko, T. A. (2023). Family factors of reproductive behavior. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, (12), 72–82. <https://doi.org/10.31857/S013216250029338-4>. EDN: <https://elibrary.ru/WGTVDW>
4. Bezrukova, O. N., & Samoylova, V. A. (2023). “Unwanted children”? Values of parenthood, rights of fathers and mothers in the sociocultural attitudes of Russians. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, (8), 101–111. <https://doi.org/10.31857/S013216250027371-1>. EDN: <https://elibrary.ru/JJWJRE>

5. Avtaeva, N. O. (2024). *Family and Parenthood in Domestic Media*. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. 223 p. ISBN: 978-5-91326-889-1. EDN: <https://elibrary.ru/OBVNYF>
6. Vagin, D. Yu. (2017). *Continuity of Generations in the Sphere of Spiritual and Moral Values of Modern Russian Youth* (Candidate's thesis). Nizhny Novgorod. EDN: <https://elibrary.ru/MRYAQI>
7. Strauss, A., & Corbin, J. (2001). *Basics of Qualitative Research: Grounded Theory Procedures and Techniques* (T. S. Vasilieva, Trans. & Ed.). Editorial URSS. 256 p.
8. Svad'bina, T. V., Kozyrkov, V. P., & Nemova, O. A. (2023). *Human and His Life as a Value: Philosophical-Anthropological and Sociocultural Context*. Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University. 198 p. ISBN: 978-5-85219-892-1. EDN: <https://elibrary.ru/WDSXXW>
9. Egorova, N. Yu. (2020). *Marriage in Modern Russia: Features of Functioning* (Doctoral dissertation abstract). Nizhny Novgorod. 39 p. EDN: <https://elibrary.ru/QCPDRW>
10. Carlson, A., & Mero, P. (2007). *The Natural Family: A Manifesto*. DIAPI LLC. 32 p.
11. Stel'nikova, O. M. (2009). Formation of conscious and responsible parenthood. In N. N. Belik (Ed.), *Conscious and Responsible Parenthood — A Look into the Future* (pp. 10–13). Radonezh.
12. Stel'nikova, O. M. (2012). *On the Threshold of Family*. Nizhny Novgorod State Medical Academy Publishing House. 560 p.
13. Dorofeeva, Z. E., & Kozyreva, P. M. (2023). Transformation of practices of parental involvement in children's lives. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, (8), 86–100. <https://doi.org/10.31857/S013216250027370-0>. EDN: <https://elibrary.ru/VBDNOL>
14. Nemova, O. A., & Yakovleva, O. Yu. (2022). Fatherhood as a mechanism for transmitting masculine values: a phenomenological analysis. *World of Science. Sociology, Philology, Culturology*, 13(4). <https://sfk-mn.ru/PDF/28SCSK422.pdf>. EDN: <https://elibrary.ru/XAGOGP>
15. Zabaev, I. V., Emelyanov, N., Pavlenko, E. S., & Pavlyutin, I. V. (2013). *Family and Childbearing in Russia: Categories of Parental Consciousness* (M. S. Koval'eva, Ed.). Saint Tikhon's Orthodox University. 222 p.
16. Shirokalova, G. S., Dulina, N. V., & Pronina, E. I. (2023). Urban and rural residents: the role of the family in the socialization of students of secondary vocational education. *Bulletin of Tyumen State University: Socio-Economic and Legal Research*, 9(4), 6–21. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2023-9-4-6-21>. EDN: <https://elibrary.ru/DASIMO>
17. Razzhivin, P. A. (2017). The role of the father in modeling valuable life guidelines for children. In N. N. Belik (Ed.), *Nizhny Novgorod Fathers. A Look into the Future* (pp. 32–39). RANEPa, Nizhny Novgorod Branch.
18. Pakina, T. A., Svad'bina, T. V., Nemova, O. A., & Retivina, V. V. (2018). Distribution of spousal roles in certain areas of family life. *Problems of Modern Pedagogical Education*, (58-3), 207–210. EDN: <https://elibrary.ru/YSTYII>

19. Shvyrkaeva, I. (2025, January 14). Divorces have decreased, while the number of large families has increased: what is happening in family relations among Nizhny Novgorod residents. *Komsomolskaya Pravda*. <https://www.nnov.kp.ru/daily/27651/5036358/>

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Свадьбина Татьяна Владимировна, доктор философских наук, профессор кафедры Философии и общественных наук
Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина
ул. Ульянова, 1, г. Нижний Новгород, 603147, Российская Федерация
tsvadbina@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6809-0282>

Немова Ольга Алексеевна, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры Философии и общественных наук
Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина
ул. Ульянова, 1, г. Нижний Новгород, 603147, Российская Федерация
nhl_list.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8856-8519>

DATA ABOUT THE AUTHORS

Tatyana V. Svadbina, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy and Social Sciences
Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University
1, Ulyanov Str., Nizhny Novgorod, 603147, Russian Federation
tsvadbina@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6809-0282>

Olga A. Nemova, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Associate Professor, Department of Philosophy and Social Sciences
Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University
1, Ulyanov Str., Nizhny Novgorod, 603147, Russian Federation
nhl_list.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8856-8519>

Поступила 01.03.2026
После рецензирования 02.04.2026
Принята 04.04.2026

Received 01.03.2026
Revised 02.04.2026
Accepted 04.04.2026

Теория и история культуры, искусства / Theory and History of Culture, Art

Научная статья

DOI: [10.12731/2576-9782-2026-10-2-338](https://doi.org/10.12731/2576-9782-2026-10-2-338)

УДК 130.2

Original article

EDN: [JJJZGQ](https://www.edn.ru/jjzgzq)

Идея здоровья в культур-философских концепциях рубежа тысячелетий

О.В. Доронина

Алтайский государственный университет, Барнаул, Российская Федерация

Аннотация

Обоснование. Идея здоровья занимает особое место в современной культуре, однако ее системное изучение в культур-философском контексте остается фрагментарным. Нерешенность проблем общества, связанных с осмыслением идеи здоровья и глобальные кризисные явления требуют междисциплинарного осмысления данного феномена.

Цель – уточнить культурологический смысл понятия «здоровье» и обосновать методологию его интегративного исследования как целостного супер – сверхсложного феномена в системе культуры.

Материалы и методы. В работе использованы системно-синергитическая методология, антропологический подход, методы сравнительного анализа, герменевтики и культурологической рефлексии. Анализируются западные, восточноазиатские и арабо-мусульманские культур-философские концепции здоровья рубежа тысячелетий.

Результаты. В научный оборот вводятся малоизвестные российскому читателю зарубежные источники (темная экология, акселерационизм, киберфеминизм, плоская онтология, спекулятивный реализм, теории новых медиа, пантеософия). Обоснована необходимость нелинейной системно – синергитической методологии и антропологического подхода для исследования здоровья как « супер – сверхсложной» саморазвивающейся системы. Показано, что высокие духовные ценности выступают идеальным аттрактором, определяющим вектор развития здоровья человека и общества. Установлено, что социальная ответственность личности за трансформацию культуры является формой участия здоровой личности в решении проблем государственной безопасности.

Ключевые слова: идея здоровья; культур-философские концепции; интегративный подход; восточные концепции здоровья; западные концепции здоровья

Для цитирования. Доронина, О. В. (2026). Идея здоровья в культур-философских концепциях рубежа тысячелетий. *Russian Studies in Culture and Society / Российские исследования. Культура и общество*, 10(2), 78-99. <https://doi.org/10.12731/2576-9782-2026-10-2-338>

The idea of health in cultural-philosophical concepts at the turn of the millennium

O.V. Doronina

Altai State University, Barnaul, Russian Federation

Abstract

Background. The idea of health occupies a special place in modern culture, but its systematic study in the cultural-philosophical context remains fragmented. The unresolved problems of healthcare and global crises require an interdisciplinary understanding of the phenomenon of health.

Purpose – to clarify the cultural meaning of the concept of «health» and to substantiate the methodology of its integrative research as a holistic super-super-complex phenomenon in the cultural system.

Materials and methods. The research uses systemic-synergetic methodology, anthropological approach, methods of comparative analysis, hermeneutics and cultural reflection. Western, East Asian and Arab-Muslim cultural-philosophical concepts of health at the turn of the millennium are analyzed.

Results. Foreign sources little known to the Russian reader (dark ecology, accelerationism, cyberfeminism, flat ontology, speculative realism, new media theories, pantheosophy) are introduced into scientific circulation. The necessity of a nonlinear systemic-synergetic methodology and an anthropological approach for studying health as a «super-super-complex» self-developing system is substantiated. It is shown that high spiritual values act as an ideal attractor that determines the vector of development of human and social health. It is established that the social responsibility of the individual for the transformation of culture is a form of participation of a healthy personality in solving problems of state security.

Keywords: idea of health; cultural-philosophical concepts; turn of the millennium; integrative approach; East Asian health concepts; Western health concepts

For citation. Doronina, O. V. (2026). The idea of health in cultural-philosophical concepts at the turn of the millennium. *Russian Studies in Culture and Society*, 10(2), 78-99. <https://doi.org/10.12731/2576-9782-2026-10-2-338>

Введение

Категория здоровья представляет собой одну из фундаментальных ценностей человеческой жизни, социума и культуры. Сохранение

и поддержание здоровья во все времена считалось важнейшей целью и главным ориентиром, направляющим помыслы, дела и всю систему отношений человека к миру. Именно со здоровьем связано решение эсхатологических проблем человека, продолжительности жизни и её качества.

Проблематика здоровья в современной культуре имеет странную судьбу. Являясь фундаментом целостной системы бытия общества и культуры, оказывая решающее воздействие на судьбы цивилизаций и определяя собой качественные характеристики культуры и жизни человека как её творца и творения, она чаще всего исследуется фрагментарно, и преимущественно – в отдельных аспектах, в рамках узкоспециальных направлений науки.

На это обращают внимание специалисты разных отраслей знаний, в чью сферу интересов попадает проблематика здоровья: «Исследований культуры здоровья как системного явления в современной научно-педагогической литературе крайне мало. Как показало исследование, они носят узко специализированный характер, и мало коррелируют с другими отраслями научного знания» [3, с. 287]. Узкоспециальный характер исследований феномена здоровья отличает и издания в сфере медицины, психологии, социологии, что создает противоречие со смысловой сложностью и многогранностью его сущности, проявлений в бытии человека, на разных исторических ступенях развития культуры.

Проблема здоровья является междисциплинарной и многозначной. О.С. Мавропуло обращает внимание на ее глобальный характер, смысловую сложность и актуальность исследований в современном мире: «Проблема здоровья человека является одной из самых сложных и актуальных, с полным правом ее относят к тем современным проблемам, которые принято называть глобальными. Одной из важнейших задач, которые призваны решать науки о человеке, является разработка проблемы здоровья как фундаментального права и особой ценности современной цивилизации» [10, с. 154].

При этом понятие «здоровье» и сегодня не имеет в научном языке строгой смысловой дефиниции, активно используется во многих

отраслях науки, что не способствует единству его понимания, неминуемо ведет к разночтению его значений. Исследователи К.А. Обухова, Л.И. Пономарёва и Н.Ю. Ган отмечают: «В литературе встречается более 200 различных определений понятия “здоровье”» [16, с. 18]. О.С. Мавропуло ссылается на работу П.И. Калью «Сущностная характеристика понятия “здоровье” и некоторые вопросы перестройки здравоохранения: обзорная информация», в которой «автор рассматривает 79 определений здоровья человека, сформулированные представителями различных научных дисциплин в разное время в различных странах мира» [10, с. 157].

В истории научно-философской мысли и культуры здоровье рассматривается как философская, естественно-научная, социально-психологическая, духовная, культурологическая и гуманитарная проблема; проблема познания, самопознания и самоорганизации человека.

Феномен здоровья в той или иной степени всегда остается в сфере интересов различных наук: медико-биологических (Н.М. Амосов, Г.И. Царегородцев); социологических (И.М. Быховская, Л.И. Лубышева); психолого-педагогических (С.М. Бондаренко, В.П. Зинченко, В.Е. Ключко, В.С. Ротенберг, С.Л. Рубинштейн, О.К. Тихомиров), философских, социально-психологических и гуманитарных – как проблема самоорганизации человека (В.М. Димов, В.Д. Жирнов, В.М. Розин, В.С. Стёпин и др.).

Цель исследования состоит в уточнении культурологического смысла понятия «здоровье» и определении методологии его интегративных исследований как целостного супер-сверхсложного феномена в системе культуры.

Для достижения поставленной цели в статье решается ряд исследовательских задач:

- анализируется концептуальное наполнение понятия «здоровье» в различных частных научных дисциплинах;

- определяется специфика содержания концепта «здоровье» как целостного феномена культуры и развития человека в контексте метанаучных областей познания мира – философии культуры и философии;

- выявляется высокая содержательно-смысловая и исследовательская сложность понятия здоровья как «супер-сверхсложного» (М.С. Каган) саморазвивающегося феномена;
- показывается перспективность применения нелинейной методологии и антропологического подхода к исследованию концепта «здоровье»;
- осмысливается роль духовных ценностей как идеального аттрактора в развитии здоровья человека, общества и культуры.

Материалы и методы

Высокую содержательно-смысловую и исследовательскую сложность понятия здоровья обусловила «супер-сверхсложность» (М. Каган) его носителя – человека: «Существует, наконец, не выделявшийся до сих пор в синергетике, как и в общей теории систем, четвертый класс – супер-сверхсложные системы: таковы человек как личность и воссоздающие динамическую структуру личности художественные образы» [6, с. 589].

Ценность и важность проблематики здоровья остается стабильной в системе Бытия человечества на Земле, так как здоровье регулирует продолжительность и качество жизни народов, культур и каждого человека. Однако, как и в личных судьбах людей, в истории культуры бывают периоды, когда проблема сохранения и поддержания здоровья резко обостряется. В подобные исторические моменты решения одного из аспектов феномена здоровья уже оказывается недостаточно, так как отклонения в здоровье, нарушения его культурных норм приобретают системный характер и тревожную глубину.

Это касается периодов кризиса культуры, который может проявляться на уровне всей системы, глобально, или затрагивать лишь отдельные сферы. Для понимания сути глобальных процессов необходим философский подход, так как «Именно философия с ее отраслевыми знаниями помогает понять смысл не только других наук, но и смысл бытия самого человека, всего происходящего в этом мире. Следовательно, если человек есть “мера всех вещей”, то его здоровье нужно определять через его природу и сущность»

[9, с. 151]. Данные вопросы составляют исследовательское поле философии культуры и культурной антропологии.

Специфика современного научного понимания человека заключается в том, что он мыслится не как объект или субъект, а как открытая, непрерывно становящаяся система. На это обращает внимание В.Е. Ключко: «Человек нужен космическому универсуму именно в качестве открытой системы – действующего в мире, разумного (творящего), духовного начала, способного, рано или поздно, осознать свое место в самоорганизации той предельно широкой системы (метасистемы или “сети”), которую он же сам нарекает столь туманно – “космический универсум”» [7, с. 27]. И здоровье, которым обладает тот или иной человек, представляет собой его комплексную качественную характеристику, которая, как и человек, находится в непрерывном движении.

Широкий спектр взглядов и представлений по проблеме здоровья помогает понять, насколько глобальной и всеобъемлющей является данная область действительности, какое огромное количество разных смыслов и смысловых оттенков заключено в ней. Это категория, которую не может полностью раскрыть ни одна из научных дисциплин и областей знания. Именно поэтому в современном подходе к здоровью потребовалось обращение к метанаукам, рождение которых вызвано потребностями времени и новыми научными задачами – культурологии и синергетике, усиленным современной нелинейной вероятностной методологией науки.

В конце XX века и в начале нового тысячелетия мировая культура вошла в острую фазу глобального системного кризиса культуры. В.Е. Ключко обращает внимание на то, что и сама среда, в которой сегодня проявляется внутренняя динамика человека и его здоровья, тоже находится в предельно напряжённом состоянии: «В ряде публикаций, посвященных данной проблеме, кризис рассматривается как механизм развития сложных самоорганизующихся систем, как точка бифуркации – крайне неустойчивого состояния системы, осуществляющей выбор дальнейшего пути развития. Именно в такие переходные эпохи человечество вырабатывало новые способы социального мышления

и хозяйственной деятельности, позволяющие ему адаптироваться к новым условиям своей жизнедеятельности» [7, с. 116].

Кризис культуры XX века, как и получивший еще больший размах современный кризис начала третьего тысячелетия, имеет уникальный глобальный и изменчивый лик, в связи с чем требует и особого подхода. В решении его важнейших проблем недостаточна простая констатация фактов. Сложные вопросы развития культуры и человека, его здоровья требуют сегодня философского и культурологического осмысления.

«Философско-аксиологическое осмысление человека и его здоровья связано в последние десятилетия прежде всего с расширением знаний о мире и человеке, об обществе, в котором проходит его жизнедеятельность, но больше всего это осмысление сопряжено с теми процессами, которые несут угрозу существованию биожизни и самого человека» [16, с. 17]. Важно понять смысл, выявить траекторию происходящих изменений, чтобы определить необходимые меры снятия остроты ситуации, а в идеале – инициировать компенсационные, гармонизирующие процессы в отношении целостного комплекса здоровья человека. И сегодня стали уже заметны некоторые шаги в данном направлении.

Во-первых, все больше исследователей, занимающихся проблемой здоровья, приходят к признанию широты и интегративного характера самого понятия и феномена. В работах Н.А. Агаджанян [1], А.В. Сысоева [18], В.Л. Кургузова [9], Е.В. Грязновой [3], И.А. Треушников, Т.Г. Мухиной, А.И. Треушников представлены выводы о недостаточности узкоспециального изучения феномена здоровья и необходимости его культурологического категориального рассмотрения для выявления сущности проблемы.

Во-вторых, за последние годы появились обзорные культурологические исследования, в которых системно раскрывается история развития и смысловая динамика понимания феномена здоровья в кросс-культурном контексте (статьи О.В. Вербиной, К.А. Обухова, Л.И. Пономарева, Н.Ю. Ган, В.Э. Пахальян, Т.Л. Ядрышниковой, Н.В. Лукьянченко, И.А. Аликина).

После мировой пандемии 2020 года вопросу сохранения здоровья уделяется особое внимание. В связи с этим проблематика здоровья и формирования здорового образа жизни вышла сегодня на одно из центральных мест в системе мировой культуры. В настоящее время «здоровье» рассматривается и анализируется как системный феномен, что проявляется в разнообразии его аспектов и изучении их взаимных влияний друг на друга: физического, соматического, культурного, духовного, социального.

Интегративная природно-социо-культурная сущность человека уже внутри самой себя содержит серьёзные противоречия, резко обостряющиеся в периоды глубоких кризисов культуры. Философы и культурологи определяют кризис как точку бифуркации, раздвоения, сущностью которой становится предельная поляризация всех процессов в культуре.

Современный кризис обнажил крайние противоречия развития культуры, выражающиеся, прежде всего, в поляризации системы ценностей человека, основ социальной, экономической и политической трансформации культурных сообществ, и в научной мысли приобрёл коннотацию хаотических процессов. Хаос, именуемый в теории Л. Гумилева «точкой пассионарности», а в синергетике названный «точка бифуркации», оценивается современными учеными как закономерное, необходимое звено любого развития. «Хаос выступает как двуликий Янус: он конструктивен через разрушительность (структура строится благодаря хаосу) и разрушителен через конструктивность (возникшие сложные структуры метастабильны, подходя к моменту обострения становятся неустойчивыми)» [9, с. 112]. И в судьбе отдельной личности, и в истории культуры кризисные этапы внутренне присущи движению системы как необходимое средство прогресса и обновления через деструкцию прежних структур и образование новых.

Н.М. Мухамеджанова обращает внимание на деструктивные для здоровья человека тенденции, происходящие не от внешних материальных источников, но корнящихся в самом человеке, в состоянии его духовно-психологических процессов: «Противоречия

между гуманистическими и индивидуалистическими ценностями, проявляющиеся как противоречивость требований общества к своим членам, является причиной духовных патологий личности, вынужденной выбирать между этими двумя взаимоисключающими системами ценностей. Следствием конфликта ценностных систем становится дезорганизация норм, ослабление общественных связей, фрустрация экзистенциальных потребностей человека, которая ведёт к постоянному воспроизводству тревоги, неудовлетворённости и страха» [15, с. 115].

Главенство духовной составляющей в развитии культуры в целом и ее подсистем является фундаментальным положением современной теории и философии культуры. М.С. Каган подчеркивает: «Роль духовной деятельности в культуре заключается прежде всего в управлении материальной практикой, которую она и опережает на идеально-проектировочном уровне, и направляет вырабатываемыми ею ценностями, и опосредует добываемыми ею знаниями» [6, с. 345].

На значимость духовных составляющих в поддержании и сохранении здоровья указывают и другие современные авторы: «Противоречие двух начал – материального и духовного – становится причиной тяжелых болезней. Выбор современным человеком непродуктивных антиприродных форм поведения (наркотизм, преступность, проституция) есть осознанное или неосознанное отклонение от онтогенеза» [16, с. 19]. В позиции К.А. Обуховой, Л.И. Пономаревой и Н.Ю. Ган ясно читается идея системного понимания культуры, входящей как подсистема в более масштабные структуры и процессы природного и комического системных уровней. Подсистема любого масштаба для сохранения своего бытия в целостной системе должна основывать свое развитие на законах более высокого порядка. И законы развития культуры сообществ разных эпох, социальных групп, отдельного человека также неизбежно должны формироваться и выстраиваться в соответствии с первичными и высшими законами космических и природных процессов.

На необходимость интеграции с «ценностями гуманитарной культуры и экологической этики» в культурологических исследованиях

феномена здоровья указывается и в статье доктора культурологии В.Л. Кургузова «Философия здоровья, гуманитарная культура и образование как детерминанты устойчивого развития»: «В Древней Индии и Китае, Тибете и на Арабском Востоке наука о здоровье никогда не рассматривалась отдельно от философии Космоса. Здоровье человека считалось органической частью жизнедеятельности, ритмов, “дыхания” Вселенной» [9, с. 151]. Именно в древнейшем опыте становления культуры человечества обнаруживаются те существенные истоки интеграции космических, природных и культурных законов, которые человечество столь активно и многообразно пытается изменить и отменить сегодня.

В.Л. Кургузов заявляет проблему здоровья глобально, обращая особое внимание на необходимость восстановления гармоничного сотрудничества всех подсистем мира и культуры через восстановление высших духовных законов развития человека и создаваемой им культуры: «Уже сегодня, реально оценивая ситуацию современного мира, который оказался перед лицом глобальных проблем и острейших противоречий общественного развития, всё большее число учёных и политиков считают, что выход из кризисного состояния возможен лишь на основе поиска парадигм гуманистического развития человечества, необходимости глубинных изменений в сознании людей, в формировании гуманитарно-ориентированной культуры в сочетании с экологической этикой в их взаимодействии с принципами гуманизма, доминантой которых, в конечном счете, являются идеи жизни и здоровья людей, самосохранения человека, безопасности этносов и выживание человеческого рода» [9, с. 150]. Подобная позиция сегодня представлена в большинстве культур-философских работ.

Результаты и обсуждение

На исходную взаимосвязь духовных основ культуры и законов развития мира указывает в своем исследовании и С.Е. Мансурова: «В донаучную эпоху – до XVII в. – содержание культуры определяла природа. Согласно натурфилософской концепции античности,

здоровье – это состояние, которое отражает пребывание человека в гармонии с окружающим миром, а болезнь – свидетельство нарушения гармонии» [12, с. 96].

Доктор философских наук Д.В. Михель показывает, что на Западе уже в середине XX века кризисные процессы в культуре и состоянии здоровья направили внимание врачей на поиск духовных причин происходящего, породив особое направление врачебной практики – медицинскую антропологию: «Медицинские антропологи изучают как на здоровье индивидов, больших сообществ и среды влияют взаимоотношения между людьми и другими видами, культурные нормы и социальные институты, микро- и макрополитика, движущие силы глобализации и их воздействие на локальные культурные миры» [13, с. 214].

Американские исследователи P.T. Bartone, J.J. Valdes, A. Sandvik отмечают ухудшение здоровья и психологического благополучия многих людей под воздействием стресса [22]. Подобные выводы особенно актуальны для современного состояния мировой культуры, которая на языке системно-синергетического подхода определяется как глобальная точка бифуркации (или в терминологии Г.Г. Малинецкого – «режим с обострением») [11, с. 21]. Проблема стресса и его воздействия на здоровье является главной в сфере интересов П.Т. Бартона и его соавторов. Он постоянно акцентирует важность духовных, эмоциональных и поведенческих особенностей личности, определяющих способность человека поддерживать здоровое состояние в неспокойные времена [21].

Исследования разрушительных воздействий стресса на здоровье человека представлены также в работе большой группы китайских учёных, внимание которых, в соответствии с восточной культурной традицией, сконцентрировано на духовных и ценностных составляющих культуры человека [24]. Решающая роль психологического климата, духовных аспектов межличностных отношений в коллективе в их влиянии на общее состояние здоровья отмечается и Норвежскими исследователями (A.G. Thomassen, S.W. Hystad, B.H. Johnsen, G.E. Johnsen, J.C. Laberg, J. Eid), что не очень типично для западной науки [23].

В современной западной философии и культуре заметно активизировалось создание многочисленных концепций здоровья, в основе которых лежат локальные политические идеи и частные научно-технические разработки. К ним относится ряд идей, акцентирующих противоречия между человеком и природой, утверждающих сомнительные идеи преимущества техники перед духовными ценностями человека и призывающие к смелым экспериментам человека со своей природно-телесной сущностью: темная экология, акселерационизм, киберфеминизм, плоская онтология, спекулятивный реализм, теории новых медиа и пантеософия. Все они выросли на основе синтеза различных научных областей в культуре современного Западного мира. Отличительными особенностями данных концепций являются крайняя противоречивость, субъективизм и зависимость от ценностей и духовной ответственности человека.

Так, концепция темной экологии введена философом Тимоти Мортон, который предложил новый подход к экологическому мышлению, ставя, казалось бы, традиционные вопросы о взаимосвязи человека и природы. В контексте здоровья темная экология акцентирует системную связь здоровья человека со здоровьем окружающей среды, но решает этот вопрос парадоксально – через тотальное отрицание возможности решения: «Экологические феномены неразрывно связаны с неким отсутствием, с пропастью между явлениями и предметами, которая вызывает беспокойство, поскольку ее нельзя уничтожить. Размышлять об экологии означает размышлять об отсутствующем, ни о чем» [14]. Тем самым снижается возможность человека обрести устойчивое духовно-психологическое состояние и сохранить здоровье.

Сформулированные Ником Шрничеком и Алексом Уильямсом основы акселерационизма акцентируют неизбежность ускорения технологических и социальных процессов в развитии современного общества. Это «гуманизм, никак не определенный заранее. Это проект самореализации, но без запрограммированной конечной точки» [20, с. 121]. Они предлагают человеку смело включаться в технические эксперименты, выходить за рамки природных ограничений, пользоваться биохакингом и биотюннингом человеческого организма.

В контексте научной проблемы здоровья авторы подчеркивают ключевую роль научно-технического прогресса для «улучшения» здоровья и продолжительности жизни человека. Данная проблема также имеет двойственный характер, так как внедрение технических элементов в структуру человеческого тела может быть использовано как на благо здоровью, так и на разрушение – причем не только здоровья, но и в целом человеческой личности, его исходной антропологической сущности.

Среди многочисленных современных концепций здоровья особо важно выделить киберфеминизм. В своей книге «Нули и единицы» Сэди Планта так определяет это направление: «Это постгуманистическое восстание – вооружённый мятеж нарождающейся системы, объединяющей машины и женщин против мировоззрения и материальной реальности патриархата, всё ещё пытающегося подчинить их» [Цит. по: 4]. Это философско-политическое движение, ставящее под сомнение традиционные гендерные стереотипы и предлагающее равноправие женщин в киберпространстве.

Киберфеминистки «провозгласили себя новым вирусом мирового беспорядка»: «Вместо представления о теле как о едином, гармоничном целом утверждалась множественность, случайность и частичность телесных проявлений, собирающихся и распадающихся на множественные дискурсы и аффекты» [Цит. по: 4]. Киберфеминизм подчеркивает важность использования специальных технологий для улучшения здоровья и благополучия женщин. Здесь мы снова встречаем уход от духовности и ограничения понимания человека на уровне гендерно-телесных различий и социальных ролей.

Плоская онтология, разработанная Мануэлем Деландой, радикально отрицает иерархии в онтологических структурах и акцентирует внимание на равноправии всех сущностей. Отрицая системную иерархию природных и социальных, культурных отношений, автор декларирует идею линейного равенства всех людей, живых существ и даже неодушевленных элементов мира в контексте единого космического замысла. Исходя из идеи всеобщего равенства, он упраздняет в своей концепции духовные смыслы, определяющие

иерархические связи в обществе, вводя новое понятие ассамбляжа, то есть случайного сочетания разнородных элементов: «Ассамбляж – целостность, образованная внешними отношениями» [Цит. по: 19, с. 144]. Тем самым отрицается целостность мира и устойчивость связей между его элементами, подвижность и непредсказуемость становятся главными характеристиками Бытия, что лишает человека уверенности в обретении гармонии с миром и внутри себя, и более того – понимания того, как таким непредсказуемым процессом можно управлять.

В контексте феномена здоровья плоская онтология подчеркивает важность сотрудничества между различными элементами системы здравоохранения, включая пациентов, медицинский персонал и окружающую среду, для создания устойчивого и здорового общества.

Спекулятивный реализм, разработанный Рэем Брассье и Грэмом Харманом, представляет собой философский подход, направленный на преодоление антропоцентризма и критики корреляционизма. Представители спекулятивного реализма требуют признания автономной реальности, независимой от людей и их сознания. Считают, что философия должна перестать интересоваться только взглядами людей на мир, и направить свой интерес на саму существующую реальность. Спекулятивный реализм акцентирует внимание на необходимости инновационных исследований и открытий в медицине, преодолевая ограничения антропоцентрического подхода. В данной теории содержатся значительные риски, касающиеся не только проблемы сохранения здоровья, но даже вопроса сохранения в исходной природно-культурной чистоте сущностных антропных качеств человека [17].

В разработанной Маршаллом Маклюэном и Левом Мановичем теории медиа авторы опираются на роль цифровых технологий в современном обществе. Теории медиа акцентируют внимание на использовании современных технологий для сбора и анализа данных о здоровье, а также для предоставления доступа к медицинским услугам и информации. В данной концепции авторов интересуют технологическая, организационная и коммерческая сторона разви-

тия проблематики здоровья в современном обществе, и совершенно упускаются проблемы врачебной этики, информационной защищенности личных данных человека, вопросы ответственности за принятия решений в установлении диагноза при удалённом контакте с пациентами.

Каждая из этих концепций предлагает особый, чаще всего односторонний взгляд на здоровье, но есть в них также и общие тенденции, пересекающиеся темы. В центре внимания западных теорий оказываются не человек и его здоровье, а технико-методические способы решения тех или иных современных социальных, политических или экономических проблем. Проблема здоровья становится здесь лишь бесконечно актуальным «на все времена» поводом привлечь внимание к решению сиюминутных сугубо материальных проблем или задачи лоббирования частных политико-экономических интересов.

Учитывая сложность и динамичность современного мира, специфику нелинейной методологии исследования сверхсложных развивающихся феноменов, к числу которых относится здоровье и многообразие инновационных моделей человека и здоровья, философский подход к определению сущности здоровья предполагает гибкость, открытость и многоаспектность исследований с позиций главенства антропного принципа, раскрывающего особое качество целостного человека во взаимной обусловленности всех граней его «био-социо-культурной системы» (М.С. Каган), при котором человек сохраняет способность самораскрытия и самореализации во имя общего блага.

В культурологическом аспекте здоровье необходимо исследовать как динамичный саморазвивающийся процесс системно-иерархического свойства, определяющее значение в котором имеет система ценностей человека, особенность его духовных и культурных приоритетов. На это указывает системно-синергетическая методология, обоснованная для сферы культуры и человека в трудах академика М.С. Кагана. Именно духовные идеи способны создавать в саморазвитии культуры и здоровья человека искомый аттрактор, формирующий вектор развития всей системы.

Синергетика сегодня преодолела рамки отдельной науки и обрела статус междисциплинарного методологического подхода, оказывая заметное влияние на разные сферы познания мира. М.С. Каган отмечает, что культура, человек и его здоровье являются примерами «супер-сверхсложных саморазвивающихся систем», но при этом и развитие культуры, и саморазвитие целостной личности человека – процессы неизмеримо более сложные, чем сверхсложная «алхимия» атомного реактора: «Супер-сверхсложные (системы) – не выделявшийся до сих пор в синергетике и в общей теории систем (класс систем): человек как личность и воссоздающие динамическую структуру личности художественные образы. Чем же объясняется правомерность выделения этого последнего класса систем и их определение как «супер-сверхсложных»? Объясняется это уникальностью содержания каждой личности и каждого художественного образа, что повышает на несколько порядков уровень сложности и тип сложности этих систем, и делает безграничным многообразие их конкретных модификаций, а значит и порождения, становления, формирования, развития – короче, самоорганизации – каждой личности и художественного образа» [6, с. 589].

В продолжение его идей, Е.И. Балакина отмечает глубокое влияние на динамику культуры сознательно и бессознательно выражаемых духовных ценностей отдельных субъектов культуры и всего общества как коллективного субъекта: «Духовные ценности – это мировоззренческая матрица культуры, её стержневая, исходная характеристика, от которой зависит сохранение самой культуры. При всех трансформациях важно сохранять духовный стержень культуры, так как он является гарантом её устойчивости, узнаваемости и роста. И ответы на вопросы будущего культуры лежат в сфере духа» [2, с. 70]. В данном контексте решить задачу целостного исследования идеи здоровья могут лишь такие метапредметные области науки как культурология и философия.

Заключение

1. Изучение культур – философских концепций здоровья рубежа тысячелетий позволяет утверждать, что высокие духовные ценности

играют ключевую роль в поддержании стабильного здоровья человека, а глубокая диалектика закономерного и случайного определяет динамику регуляции состояния здоровья.

Одновременно социальная ответственность каждого за трансформацию культуры человека и общества в целом оказывается формой субъектного участия здоровой личности в позитивном решении проблем государственной безопасности.

Изучение культур-философских концепций здоровья, дальнейшая научная разработка данной темы будут способствовать углублению сущностных современных представлений:

- о здоровье как супер-сверхсложном динамическом процессе.
- о глубокой диалектике закономерного и случайного в регулировании состояния здоровья,
- о значении высоких духовных ценностей в поддержании стабильного здоровья человека,
- о социальной ответственности каждого за трансформацию состояний культуры человека и общества в целом, что, по сути, оказывается формами проявления субъектного участия здоровой личности в позитивном решении проблем государственной безопасности.

В выступлении на II Всероссийском конгрессе «Профессия и здоровье» А.В. Сысоев отметил важность государства в сохранении здоровья нации и необходимость укрепления ответственности человека, его осознанного отношения к своему здоровью: «Из процесса сохранения здоровья нации исключили самого человека, сделали его пассивным наблюдателем, даже в какой-то степени подталкиваем его к тому, чтобы он не берег свое здоровье» [18, с. 31]. Это удалось сделать, в частности, через перевод системы здравоохранения на коммерческую основу, где человек выступает не как субъект заботы о себе, а как потребитель платных услуг, что снижает его внутреннюю мотивацию к здоровьесбережению и перекладывает ответственность на внешние обстоятельства.

2. Культурфилософский анализ концепций здоровья рубежа тысячелетий показывает, что человечество вступило в эпоху фундамен-

тального пересмотра оснований собственного бытия. Современные планетарные вызовы требуют новой, целостной модели здоровья, вмещающей внешние вызовы и материальные факторы, а также вопросы внутренней духовной мотивации самого человека, его осознанности и избирательности в принятии влияющих на здоровье жизненных решений. Прогностические сценарии указывают, что ключевым фактором сохранения здоровья и перспективного развития современного человечества становится способность личности к самоорганизации, информационному иммунитету, культурному диалогу и экологической ответственности.

Благодарности. Автор выражает искреннюю благодарность научному руководителю Елене Ивановне Балакиной, кандидату культурологии, доценту кафедры культурологии и дизайна Алтайского государственного университета, за ценные рекомендации и методическую поддержку на всех этапах подготовки исследования.

Список литературы

1. Агаджанян, Н. А. (2014). Гармония человека и природы. *В мире научных открытий*, (2), 5–9. EDN: <https://elibrary.ru/RYXSDT>
2. Балакина, Е. И. (2019). *Культура народа – здоровье общества: К 20-летию Института духовного видения и мировоззренческих позиций*. Барнаул. 313 с.
3. Грязнова, Е. В., Треушников, И. А., Мухина, Т. Г., & Треушников, А. И. (2021). Культура здоровья как актуальная проблема современного педагогического знания. *Азимут научных исследований: педагогика и психология*, 10(3), 285–288. <https://doi.org/10.26140/anip-2021-1003-0072>. EDN: <https://elibrary.ru/YHFMLO>
4. Жайворонок, Д. *Вирус мирового беспорядка: что такое киберфеминизм?* Получено 22 марта 2024 г. с <https://project1016.tilda.ws/cyber-feminism>
5. Каган, М. С. (2006). Философия культуры. В *Избранные труды в VII томах. Том III. Труды по проблемам теории культуры* (с. 241–570). Санкт-Петербург.
6. Каган, М. С. (2006). Формирование личности как синергетический процесс. В *Избранные труды в VII томах. Том III. Труды по проблемам теории культуры* (с. 583–596). Санкт-Петербург.
7. Ключко, В. Е. (2005). *Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в*

- транспективный анализ). Томск. 174 с. ISBN 5-94621-162-5. EDN: <https://elibrary.ru/QXPEUV>
8. Князева, Е., & Курдюмов, С. (1994). Интуиция как самодостраивание. *Вопросы философии*, (2), 110–122. EDN: <https://elibrary.ru/YHLKMP>
 9. Кургузов, В. Л. (2013). Философия здоровья, гуманитарная культура и образование как детерминанты устойчивого развития. *Проблемы социально-экономического развития Сибири*, (4), 149–155. EDN: <https://elibrary.ru/RNEUOL>
 10. Мавропуло, О. С. (2017). Философские и культурологические аспекты здоровья. *Гуманитарий Юга России*, (2), 154–161. EDN: <https://elibrary.ru/YLOBPJ>
 11. Малинецкий, Г. Г. (2012). Синергетика — от прошлого к будущему. *Моделирование и анализ информационных систем*, 19(3), 5–31. EDN: <https://elibrary.ru/PEIQNN>
 12. Мансурова, С. Е. (2017). Философское осмысление феномена здоровья. *Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке*, (4), 95–103. EDN: <https://elibrary.ru/YLJUEF>
 13. Михель, Д. В. (2013). Изучая культуру, здоровье и болезнь: медицинская антропология как область знания. *Вестник Саратовского государственного технического университета имени Ю. А. Гагарина*, 2(1), 205–217. EDN: <https://elibrary.ru/REAXAZ>
 14. Мортон, Т. *Экология без природы* (А. Улько, Пер.). Получено 22 марта 2024 г. с <https://moscowartmagazine.com/issue/18/article/252>
 15. Мухамеджанова, Н. М. (2017). Модернизация и глобальный кризис культуры. *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*, (5), 114–116. EDN: <https://elibrary.ru/YMSEKB>
 16. Обухова, К. А., Пономарева, Л. И., & Ган, Н. Ю. (2020). Понятие здоровья в философском изложении. *Образовательный вестник «Сознание»*, 22(1), 16–19. <https://doi.org/10.26787/nydha-2686-6846-2020-22-11-16-19>. EDN: <https://elibrary.ru/BYBKGT>
 17. *Спекулятивный реализм. История культуры. Виртуальный тур, выставка произведений искусства, история открытия, глобальный культурный интернет*. Получено 22 марта 2024 г. с <https://www.hisour.com/ru/speculative-realism-7927/>
 18. Сысоев, А. В. (2003). Поиск оптимальных моделей решения проблем здоровья в условиях отдельного производства. В *Профессия и здоровье (по итогам II Всероссийского конгресса «Профессия и здоровье»)*. Аналитический вестник Совета Федерации РФ (№ 24(217)). Получено 22 марта 2024 г. с http://council.gov.ru/activity/analytics/analytical_bulletins/25541/

19. Шевченко, В. (2020). Что не так с теорией ассамбляжей? *Логос*, 5(138), 131–164. <https://doi.org/10.22394/0869-5377-2020-5-131-161>. EDN: <https://elibrary.ru/MRUFOB>
20. Шпринчек, Н., & Уильямс, А. (2019). *Изобретая будущее: посткапитализм и мир без труда*. Москва. 336 с.
21. Bartone, P. T., Kelly, D. R., & Matthews, M. D. (2013). Psychological hardiness predicts adaptability in military leaders: A prospective study. *International Journal of Selection and Assessment*, 21(2), 200–210. <https://doi.org/10.1111/ijsa.12029>
22. Bartone, P. T., Valdes, J. J., & Sandvik, A. (2016). Psychological hardiness predicts cardiovascular health. *Psychology. Health & Medicine*, 21(6), 74–79. <https://doi.org/10.1080/13548506.2015.1120323>
23. Thomassen, A. G., Hystad, S. W., Johnsen, B. H., et al. (2015). The combined influence of hardiness and cohesion on mental health in a military peacekeeping mission: A prospective study. *Scandinavian Journal of Psychology*, 56(5), 560–566. <https://doi.org/10.1111/sjop.12235>
24. Wang, X., Wong, J. Y.-H., Zhai, L., et al. (2019). To approach or to avoid? Motivation differentially mediates the effect of hardiness on depressive symptoms in Chinese military personnel. *BioMed Research International*, Special Issue. Получено 5 апреля 2026 г. с <https://www.hindawi.com/journals/bmri/2019/7589275/>

References

1. Agadzhanian, N. A. (2014). The harmony of man and nature. *In the World of Scientific Discoveries*, (2), 5–9. EDN: <https://elibrary.ru/RYXSdT>
2. Balakina, E. I. (2019). *Culture of the People – Health of Society: To the 20th Anniversary of the Institute of Spiritual Vision and Worldview Positions*. Barnaul. 313 pp.
3. Gryaznova, E. V., Treushnikov, I. A., Mukhina, T. G., & Treushnikov, A. I. (2021). Culture of health as a current problem of modern pedagogical knowledge. *Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology*, 10(3), 285–288. <https://doi.org/10.26140/anip-2021-1003-0072>. EDN: <https://elibrary.ru/YHFML0>
4. Zhayvoronok, D. *The virus of global disorder: What is cyberfeminism?* Retrieved March 22, 2024, from <https://project1016.tilda.ws/cyber-feminism>
5. Kagan, M. S. (2006). Philosophy of culture. In *Selected Works in Seven Volumes. Volume III. Works on the Problems of the Theory of Culture* (pp. 241–570). Saint Petersburg.
6. Kagan, M. S. (2006). The formation of personality as a synergetic process. In *Selected Works in Seven Volumes. Volume III. Works on the Problems of the Theory of Culture* (pp. 583–596). Saint Petersburg.

7. Klochko, V. E. (2005). *Self-organization in Psychological Systems: Problems of the Formation of the Mental Space of Personality (Introduction to Transspec-tive Analysis)*. Tomsk. 174 pp. ISBN 5-94621-162-5. EDN: <https://elibrary.ru/QXPEUV>
8. Knyazeva, E., & Kurdyumov, S. (1994). Intuition as self-completion. *Problems of Philosophy*, (2), 110–122. EDN: <https://elibrary.ru/YHLKMP>
9. Kurguzov, V. L. (2013). Philosophy of health, humanitarian culture, and educa-tion as determinants of sustainable development. *Problems of Socio-Economic Development of Siberia*, (4), 149–155. EDN: <https://elibrary.ru/RNEUOL>
10. Mavropulo, O. S. (2017). Philosophical and culturological aspects of health. *Humanitarian of the South of Russia*, (2), 154–161. EDN: <https://elibrary.ru/YLOBPJ>
11. Malinetsky, G. G. (2012). Synergetics — from the past to the future. *Modeling and Analysis of Information Systems*, 19(3), 5–31. EDN: <https://elibrary.ru/PEIQNN>
12. Mansurova, S. E. (2017). Philosophical understanding of the phenomenon of health. *Context and Reflection: Philosophy about the World and Man*, (4), 95–103. EDN: <https://elibrary.ru/YLJUEF>
13. Mikhel, D. V. (2013). Studying culture, health, and disease: Medical anthropol-ogy as a field of knowledge. *Bulletin of the Saratov State Technical University named after Yu. A. Gagarin*, 2(1), 205–217. EDN: <https://elibrary.ru/REAXAZ>
14. Morton, T. *Ecology without Nature* (A. Ulko, Trans.). Retrieved March 22, 2024, from <https://moscowartmagazine.com/issue/18/article/252>
15. Mukhamedzhanova, N. M. (2017). Modernization and the global crisis of culture. *Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Culturology and Art History. Issues of Theory and Practice*, (5), 114–116. EDN: <https://elibrary.ru/YMSEKB>
16. Obukhova, K. A., Ponomareva, L. I., & Gan, N. Yu. (2020). The concept of health in a philosophical presentation. *Educational Bulletin “Consciousness”*, 22(1), 16–19. <https://doi.org/10.26787/nydha-2686-6846-2020-22-11-16-19>. EDN: <https://elibrary.ru/BYBKGT>
17. *Speculative Realism. Cultural History. Virtual Tour; Art Exhibition, History of Discovery, Global Cultural Internet*. Retrieved March 22, 2024, from <https://www.hisour.com/ru/speculative-realism-7927/>
18. Sysoev, A. V. (2003). Search for optimal models for solving health problems in the conditions of a separate production. In *Profession and Health (Based on the Results of the II All-Russian Congress “Profession and Health”)*. *Analytical Bulletin of the Federation Council of the Russian Federation* (No. 24(217)). Retrieved March 22, 2024, from http://council.gov.ru/activity/analytics/analytical_bulletins/25541/

19. Shevchenko, V. (2020). What's wrong with assemblage theory? *Logos*, 5(138), 131–164. <https://doi.org/10.22394/0869-5377-2020-5-131-161>. EDN: <https://elibrary.ru/MRUFOB>
20. Srnicek, N., & Williams, A. (2019). *Inventing the Future: Postcapitalism and a World Without Work*. Moscow. 336 pp.
21. Bartone, P. T., Kelly, D. R., & Matthews, M. D. (2013). Psychological hardiness predicts adaptability in military leaders: A prospective study. *International Journal of Selection and Assessment*, 21(2), 200–210. <https://doi.org/10.1111/ijsa.12029>
22. Bartone, P. T., Valdes, J. J., & Sandvik, A. (2016). Psychological hardiness predicts cardiovascular health. *Psychology. Health & Medicine*, 21(6), 74–79. <https://doi.org/10.1080/13548506.2015.1120323>
23. Thomassen, A. G., Hystad, S. W., Johnsen, B. H., et al. (2015). The combined influence of hardiness and cohesion on mental health in a military peacekeeping mission: A prospective study. *Scandinavian Journal of Psychology*, 56(5), 560–566. <https://doi.org/10.1111/sjop.12235>
24. Wang, X., Wong, J. Y.-H., Zhai, L., et al. (2019). To approach or to avoid? Motivation differentially mediates the effect of hardiness on depressive symptoms in Chinese military personnel. *BioMed Research International*, Special Issue. Retrieved April 5, 2026, from <https://www.hindawi.com/journals/bmri/2019/7589275/>

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Доронина Ольга Витальевна, аспирант кафедры культурологии и дизайна
Алтайский государственный университет
пр-т Ленина, 61, г. Барнаул, Алтайский край, 656049, Российская Фе-
дерация
o.v.doronina@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Olga V. Doronina, postgraduate student of the Department of Cultural Studies
and Design
Altai State University
61, Lenin Ave., Barnaul, 656049, Russian Federation
o.v.doronina@mail.ru

Поступила 08.05.2026

После рецензирования 29.05.2026

Принята 05.06.2026

Received 08.05.2026

Revised 29.05.2026

Accepted 05.06.2026

Теория и история культуры, искусства / Theory and History of Culture, Art

Научная статья

DOI: [10.12731/2576-9782-2026-10-2-323](https://doi.org/10.12731/2576-9782-2026-10-2-323)

EDN: [LVDWKD](https://www.edn.ru/LVDWKD)

УДК 316.7:351.858

Original article

Экспертиза многосторонних культурных проектов группы БРИКС+

А.Э. Курумчина¹, В.Н. Кардапольцева²

¹Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Российская Федерация

²Уральский государственный горный университет, Екатеринбург,
Российская Федерация

Аннотация

Обоснование. Статья посвящена актуальной в условиях современной социокультурной и политической реальности теме экспертизы многосторонних культурных проектов. Предметом анализа выбраны культурные проекты группы БРИКС. Несмотря на имеющиеся в РФ методики оценки культурных проектов (Президентский фонд культурных инициатив – ПФКИ), методика экспертной оценки многосторонних культурных проектов, учитывающих цели работы БРИКС, отсутствует.

Цель исследования – выявить ключевые компоненты экспертной оценки многосторонних проектов БРИКС в сфере культуры.

Материалы и методы. В данной статье используется метод анализа различных методик и особенностей экспертной оценки проектов в сфере культуры, определена специфика многосторонних культурных проектов группы БРИКС на основе анализа документов и деклараций БРИКС, даны компоненты экспертной оценки культурных проектов БРИКС. Научная новизна заключается в том, что в статье предложены компоненты экспертной оценки совместных культурных проектов БРИКС, которые могут быть использованы в будущей методике.

Результаты исследования. Установлено, что существующие проекты в сфере культуры носят нишевый характер, что существенно сокращает их влияние на население БРИКС, предложенные компоненты экспертной оценки необходимы для преодоления спорных моментов в процессе экспертизы многосторонних культурных проектов на соответствие ценностям и целям БРИКС, что является важным управленческим инструментом, выявлены сильные и слабые стороны, и возможности для развития межкультурного диалога как между странами БРИКС, так и группы с остальным миром.

Область применения. Результаты исследования могут применяться для разработки методики экспертной оценки эффективности проектов в сфере культуры, проводимых группой БРИКС, а также формирования основ единой культурной политики альянса с учетом его характерных особенностей управления, основанного на принципе многообразия в единстве.

Ключевые слова: культурные проекты; БРИКС; экспертиза многосторонних проектов; культура; управление эффективностью культурных проектов

Для цитирования. Курумчина, А. Э., & Кардапольцева, В. Н. (2026). Экспертиза многосторонних культурных проектов группы БРИКС+. *Russian Studies in Culture and Society / Российские исследования. Культура и общество*, 10(2), 100-121. <https://doi.org/10.12731/2576-9782-2026-10-2-323>

An analysis of multilateral cultural projects by the BRICS+ group

A.E. Kurumchina¹, V.N. Kardapoltseva²

¹Ural Federal university, Yekaterinburg, Russian Federation

²Ural State Mining University, Yekaterinburg, Russian Federation

Abstract

Background. This article examines the evaluation of multilateral cultural projects, which is relevant in today's sociocultural and political context. The subject of this analysis is the cultural projects of the BRICS group. Although the Russian Federation has a methodology for evaluating cultural projects (the Presidential Cultural Initiatives Fund - PKFI), there is no methodology for expert evaluation of many factors that consider the goals of BRICS cultural projects.

Purpose. To identify the key components in the expert appraisal of multilateral BRICS projects in the sphere of culture.

Materials and methods. This article analyzes various methods and the entire expert appraisal of cultural projects. It identifies many details of BRICS cultural projects based on an analysis of BRICS documents and declarations and presents the components of the expert appraisal of BRICS cultural projects. The article's scientific novelty lies in the proposed components of an expert assessment of BRICS cultural projects, which can be used in future methodology.

Results. It has been established that potential cultural projects are niche in nature and that the scope of their impact on the BRICS population is limited. The proposed expert assessment components are necessary to overcome contentious issues in the process of reviewing multicultural projects for compliance with BRICS values and goals. This is a key management indicator, identifying strengths and weaknesses, as well as opportunities for developing intercultural dialogue both between different BRICS countries and with other countries.

Practical implications. The research results can be applied to developing methodologies for expert assessment of the effectiveness of cultural projects implemented by BRICS agreements, as well as to formulating the basis for a unified cultural policy for the alliance, considering its cultural governance structure, based on the principle of diversity in unity.

Keywords: cultural projects; BRICS; evaluation of multilateral projects; culture; performance management of cultural projects

For citation. Kurumchina, A. E., & Kardapoltseva, V. N. (2026). An analysis of multilateral cultural projects by the BRICS+ group. *Russian Studies in Culture and Society*, 10(2), 100-121. <https://doi.org/10.12731/2576-9782-2026-10-2-323>

Введение

За двадцать лет работы БРИКС было реализовано множество проектов в сфере культуры, на которые государства потратили большие бюджеты, однако до настоящего времени население альянса мало информировано о цели организации, ее специфике, жизни стран БРИКС. Для выявления причин недостаточной эффективности используемых форм проектной деятельности нужно экспертное исследование, которое даст повод для дискуссий в обществе и профессиональной среде. Экспертиза проводится специалистом или группой специалистов и требует особых узких знаний в рассматриваемой области и ее результат может быть сформулирован в виде мотивированного заключения или действия, отражающего полученные результаты. Оцениваться должны юридическая, организационная, финансовая и другие сферы, но в данном случае нас интересуют культурные проекты.

Актуальность исследования обусловлена активным развитием диалога культур внутри альянса БРИКС, увеличивающимся количеством совместных проектов и недостаточной проработкой методики экспертной оценки этих проектов. Поэтому важно выявить специфику экспертной оценки культурных проектов БРИКС с учетом целей его существования – построение социально справедливого общества для всех стран мира через выработку новой системы управления, основанной на единстве в многообразии. Это поможет, с одной стороны, более эффективно тратить бюджеты на многосторонние культурные проекты, а с другой, вовлечь в повестку БРИКС больше сторонников.

Научная новизна заключается в том, что в статье предложены компоненты экспертной оценки совместных культурных проектов БРИКС, которые могут быть использованы в будущей методике.

В актуальном гуманитарном дискурсе вопросы экспертизы обсуждаются исследователями России, Италии, Польши, Великобритании, Финляндии (О. Астафьева; Н. Кривич; S. Jaskula; P. Ferri, S. Napolitano; M. Scott, J. Neelands; O. Sauli) как необходимое условие оценки культурных проектов и важная часть работы культурологов. С развитием глобализации мультикультурные аспекты экспертизы потребовали своего развития (S. Jaskula). Важным компонентом экспертной оценки является анализ социального воздействия и ценности проекта для общества/сообщества (P. Ferri, S. Napolitano; M. Scott, J. Neelands; O. Sauli). Экономическая оценка культурных проектов также входит в сферу анализа экспертов (S. Chadrupee, K. Wasim). С формированием группы БРИКС анализ культурно-политического, а не только экономического, потенциала альянса также попал в фокус внимания специалистов (К. Муратшина; К. Зенгер; И. Болохов; O. Stuenkel, A. Курумчина). Однако тема экспертной оценки культурных проектов БРИКС освещена более скромно (А. Курумчина; А. Протасевич, Н. Новичков).

Проблема исследования состоит в недостаточной проработке методики экспертной оценки проектов группы БРИКС с учетом ее культурной специфики.

Цель исследования – выявить ключевые компоненты экспертной оценки многосторонних проектов БРИКС в сфере культуры.

В соответствии с поставленной целью в работе решаются следующие задачи:

- (1) Изучаются существующие подходы к экспертизе культурных проектов;
- (2) Выявляется специфика группы БРИКС;
- (3) Обосновываются критерии экспертной оценки проектов БРИКС в сфере культуры.

Материалы и методы

Исследование опирается на междисциплинарную методологию. Методы исследования включают: 1) анализ российский и иностран-

ных трудов по вопросам экспертной оценки в сфере культуры; 2) изучение литературы о культурно-политическом потенциале группы БРИКС; 3) контент-анализ Соглашений и Декларации саммитов группы БРИКС; 4) ивент-анализ проектов БРИКС в сфере культуры за последние 2 года.

Материалы исследования включают документы, разработанные и принятые в ходе работы Саммитов БРИКС: Декларации и Соглашения; эмпирический материал взят из российской прессы, освещающей периоды председательства России в БРИКС, с сайта проектного офиса международного молодежного сотрудничества «Россия-БРИКС» (г. Ульяновск), с сайта администрации Рио де Жанейро, отвечавший за подготовку Саммита-2025.

Теоретическая база включает работы по теории экспертной оценки культурных проектов (О. Астафьева; Н. Кривич), по оценке межкультурных проектов (S. Jaskula), по социально-культурному влиянию проектов (P. Ferri, S. Napolitano; M. Scott, J. Neelands; O. Sauli), по анализу группы БРИКС (К. Муратшина; К. Зенгер; И. Болохов; O. Stuenkel), по экспертизе культурных проектов БРИКС (А. Курумчина; О. Астафьева).

Практическая значимость исследования состоит в выработке рекомендаций по экспертной оценке многосторонних проектов, доступная для экспертизы проектов в сфере культуры, включая группу БРИКС.

Результаты и обсуждение

Существующие подходы к экспертизе культурных проектов

Согласно методике проектного управления, экспертиза проекта необходима на различных фазах его жизненного цикла, но особенно часто используется на этапе разработки концепции проекта, при составлении расписания проекта, когда необходимо заложить время на выполнение работы, а также при оценке эффективности проекта на заключительной фазе его жизненного цикла.

В широком смысле главная цель экспертизы – дать оценку определенному явлению, которая необходима для принятия решения. В

рамках проектного управления оценка обусловлена значимостью проекта для решения проблемы, ради преодоления которой он инициирован; в контексте социально-культурных проектов экспертиза необходима с позиции влияния проекта на общество и его вклада в культуру.

В основе экспертной оценки лежат следующие принципы: 1) использование апробированных и научно-обоснованных методов, которые можно проверить; 2) объективность и беспристрастность; 3) системность и целостность, что подразумевает оценку компонентов явления не обособленно, а в их взаимосвязи; 4) всесторонность и полнота анализа; 5) рассмотрение объекта экспертизы в историческом развитии с пониманием причин, давших импульс развитию объекта. В то же время экспертиза культурных проектов имеет определенные отличия, поскольку проводится на основе ценностей человеческого существования.

Культура – ценностная сфера деятельности, проекты в сфере культуры создают и/или сохраняют культурные ценности. О.Н. Астафьева указывает, что «гуманитарные экспертизы строятся не только на включении количественных показателей, но и рассматриваются в рамках определенного нормативного знания, сложившегося в культурологическом сообществе относительно того или иного культурного феномена и излагающегося в виде развернутых гуманитарных построений» [4, с. 13]. Профессиональная оценка играет большую роль в обществе и его управлении, особенно при принятии управленческих решений, выборе векторов развития на основе культурной политики.

P. Ferri и S. Napolitano [10] предложили включить в систему экспертной оценки культурных проектов не только государственных чиновников, принимающих решения в сфере управления культурой, но и потребителей культуры, предложив для каждой категории свои критерии оценки, сегментируя ее на эмоциональную, функциональную, реляционную и основанную на идентичности [10, с. 110-111]. Примечательно, что их методика была ориентирована на любителей, и касалась по большей части потребления продуктов массовой куль-

туры. Они подчеркивают, что потребление продуктов культуры обусловлено сформированными социально-культурными привычками.

Похожий контекст экспертной оценки культурных проектов использует О. Sauli [12], показывая роль культурных проектов в развитии сообщества и участие в них жителей даже самых отдаленных территорий, формирования новой точки притяжения туристов, построения новых социальных связей. Важным аспектом экспертной оценки проектов в сфере культуры является их корреляция с целями устойчивого развития (ЦУР).

Исследователи S. Chadrudee, K. Wasim [9] предлагают методику экспертной оценки проектов в сфере культуры на основе так называемых SROI, то есть пост-проектной экспертизы, изучающей социально-культурные изменения, вызванные в обществе реализованной культурной инициативой. Помимо непосредственно экономической эффективности эти авторы учитывают социальное влияние культурных проектов: «чувство общности, социальная сплоченность, сохранение культуры и развитие потенциала» [9, с. 143] и экологические факторы, что важно с точки зрения значимости и сохранения культурного и природного наследия и ландшафта. То есть они уделяют внимание не просто оценке того, что было сделано в проекте, но и прогнозному анализу – потенциальной социально-культурной ценности при достижении намеченных результатов проекта.

Развитие глобализации и организация многосторонних межкультурных проектов потребовали разработки экспертной оценки таких проектов. Сложность состоит в том, чтобы выработать оценочные критерии, которые бы устроили всех участников многосторонних инициатив, принимая во внимание культурные и ценностные различия, социально-культурные особенности команды проектов и сегментов их целевой аудитории. В своем исследовании S. Jaskula [11] предлагает несколько иной подход к экспертизе, отличный от классического, в котором оценка проекта приравнивается к его соответствию внешним стандартам. Подход польской исследовательницы апеллирует к диалогу и добровольности, что необходимо для дальнейшего развития. По ее мнению, современная экспертиза – это

процесс, диалог, в который включены и бенефициары культурного проекта, и все заинтересованные стороны [11, с. 142]. Она настаивает, что современная экспертиза использует не только количественную оценку показателей, но и ищет ответы на следующие вопросы: «С какой целью?», «На что это должно быть направлено?», «Как?», «Для чего?», «Какие действия мы моделируем?», «В какой социальной среде мы оцениваем действия?», а также «Какой опыт и какие пути развития мы делаем возможными, ценными и творческими?» [11, с. 142–143]. В основе ее метода лежат ценности, общие для бенефициаров и заинтересованных сторон межкультурного проекта, выработка которых и является предметом диалога, обсуждения, открытой свободной дискуссии, а цель такой экспертизы заключается в измерении трансформации ценностей в определенной социальной среде, где реализуется проект.

Ценностная природа культуры требует для экспертизы проектов этой сферы выработки общих оснований для диалога о значимости мероприятия в рамках соответствующего культурного и социального контекста. Когда речь идет о межкультурных проектах, то важно учитывать разное понимание одного и того же объекта / явления в разных культурах. Например, обнаженная натура в исламской культуре воспринимается негативно, а в европейской является символом воплощенной гармонии внутренней и внешней красоты, божественной природы. В этом и состоит трудность при экспертизе культурных проектов; требуется полное и равное участие в диалоге.

Таким образом, современная экспертиза проектов в сфере культуры использует не только 1) *количественные* показатели и 2) *экспертное* мнение, но и опирается на 3) *партисипационные методы*, то есть требует участия всех сторон проекта от бенефициаров (благополучателей, сегментов целевой аудитории) до заинтересованных сторон – спонсоров, правительств, сообществ и др., участвующих в проекте, на каждой стадии жизненного цикла (от анализа проблемы, планирования, реализации до подведения итогов), 4) *межкультурный диалог* для выработки общих ценностных критериев. 5) экспертами должны быть *представители всех культур*, участвующих в проекте.

б) важно использовать *прогностический анализ*, спланировать отсроченные социально-культурные результаты проекта.

Эти идеи согласуются с предложениями ООН, где была одобрена форма оценки межкультурных проектов, учитывающая культурное разнообразие участников (Participatory Dialogue, 2007).

Экспертиза культурно-ориентированных проектов стран БРИКС имеет огромное значение для прогресса межкультурного диалога и развития взаимопонимания между участниками группы.

Специфика группы БРИКС

БРИКС позиционирует себя как межгосударственный клуб, геополитическое сообщество, в которое входят Россия, Индия, Бразилия, Китай, Южно-Африканская Республика, а также Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ), Иран, Египет, Эфиопия и Индонезия. В 2024 г. 13 стран получили статус партнера БРИКС: Алжир, Беларусь, Боливия, Вьетнам, Индонезия, Казахстан, Куба, Малайзия, Нигерия, Таиланд, Турция, Уганда, Узбекистан.

Группа БРИКС возникла как ответ на кризис международных отношений, когда классические международные организации продемонстрировали несостоятельность в обеспечении реализации норм международного права. Не имея юридического статуса организации и органов управления, БРИКС, тем не менее, достаточно эффективно решает задачи по поддержанию диалога в условиях кризиса. Новизна этого альянса заключается в фундаментальном принципе равенства всех участников [БРИКС – единство в разнообразии..., 2024], что безусловно уникально, но с другой стороны, затрудняет процесс принятия решений, поскольку даже если одна страна БРИКС+ против какого-либо решения, оно не принимается и возвращается на стадию обсуждения.

В контексте классической дипломатии это действительно ново, потому что в классическом подходе любой союз основан на авторитете лидера и служит продвижению его интересов, в то время как политически и экономически более слабые участники безоговорочно принимают правила игры. БРИКС+ в этом отношении представляет собой современную форму международного сотрудничества. Группа

признает культурное разнообразие и самобытность стран, являющихся ее членами, что отражено в Декларациях БРИКС [Саммиты и документы, 2026].

Еще одна характерная черта БРИКС+ заключается в том, что он объединил страны, расположенные на противоположных концах света, имеющие разнообразные культурные основы, языки, религию, философию, политические стили правления и экономического уклада. Участников альянса объединяет стремление противостоять гегемонии США и желание заявить о себе как о региональных центрах влияния, с которыми следует считаться при принятии решений во всех сферах международной жизни [Члены БРИКС не понимают..., 2026; Вступление новых стран в БРИКС..., 2024]. В документах подчеркивается, что ценности и положения Организации Объединенных Наций являются приоритетами для БРИКС+.

Тем не менее, равенство членов БРИКС+ довольно номинальное. Самой богатой страной в этой группе является Китай. Именно поэтому некоторые исследователи называют БРИКС «китайской глобализацией», построенной вокруг Шелкового пути [БРИКС-плюс: альтернативная глобализация, 2017]. К. Муратшина показывает, что это вызывает беспокойство как в обществе, так и научном сообществе России [7, с. 7]. При этом исследователи отмечают, что подобная ситуация типична для Китайской Народной Республики и глубоко связана с ее культурой. Демонстрируемая открытость страны довольно относительна. Главным характером ее взаимодействия с внешним миром является стратегическое планирование, которое подразумевает разработку стратегий с элементами тонкой манипуляции соперникам [2, Т.1, с. 8]. Стратегическое планирование давно является частью китайской дипломатии как сочетание военных и дипломатических действий, направленных на долгосрочные планы и цели, а не на международно-правовые нормы.

Китай установил дипломатические отношения с ЮАР только в 1998 году. Именно по его инициативе ЮАР была включена в БРИКС несмотря на то, что по уровню экономического и военного развития она является одной из самых слабых из всех членов БРИКС. В

обмен на китайскую поддержку Южно-Африканская Республика предоставляет Китаю доступ на континент и поддерживает Китай в его претензиях на Тайвань на международном уровне. Подобная ситуация наблюдается с Бразилией, где кредиты привели к значительной зависимости. Такая модель взаимодействия получила название «ресурсы в обмен на инвестиции и дешевые кредиты на инфраструктурные проекты» [2, с. 82].

Китай также имеет территориальные претензии к России и Индии. Следовательно, довольно сложно настаивать на равенстве между членами БРИКС.

Так, БРИКС объединяет главным образом амбициозные страны Юга и Россию, которые пережили колониальный или квази-колониальный опыт, хотят выйти из долларовой зоны, но при этом придерживаются целей устойчивого развития и позиционируют себя как площадку для диалога в условиях кризиса международных отношений для стран Юга. Внутри группы намечаются тенденции к институализации, превращению ее в организацию, что выражается, в частности, в выработке критериев отбора в члены и партнеры БРИКС, создании собственного банка и планировании трансграничной системы платежей BRICS Bridge. При этом в самой группе также все сложно и неоднозначно, что не мешает ей находить общие основания для дальнейшего развития на основе диалога и равного участия.

Критерии экспертной оценки проектов БРИКС в сфере культуры

В 2015 г. странами БРИКС было подписано соглашение о культурном сотрудничестве, а с 2017 г. создаются специализированные структуры для обеспечения культурного взаимодействия и реализации культурных проектов: Альянс библиотек БРИКС, Альянс музеев БРИКС, Проектный офис международного молодежного сотрудничества Россия-БРИКС, Ассоциация городов и муниципалитетов БРИКС+, Педагогический совет БРИКС, Совет, ориентированный на школьников, Альянс послов культуры стран БРИКС и многое другое. Подобная институализация гарантирует финансирование проектов в сфере культуры, создает административное регулирова-

ние процессов и соответствие их содержания и результатов целям развития БРИКС как такового. Примечательно, что работа в рамках БРИКС осуществляется постоянно, на протяжении целого года, а руководит процессом та страна, которая председательствует в данный год в альянсе.

Многосторонний характер проектов БРИКС в сфере культуры определяет главную цель большинства инициатив – знакомство стран друг с другом, поддержание общей повестки. Группа объединяет разные государства, по этой причине народы, входящие в них, мало что знают друг о друге, в том числе в сфере культуры, особенно находящиеся на разных континентах. Целевые аудитории проектов чаще всего соответствуют аудиториям сообществ БРИКС: бизнес, академия, молодежь, наука. Важным направлением стали проекты, ориентированные на молодежь. Их основная задача работать на будущее, формировать дружеские связи на будущее, что позволяет проектировать отсроченные социально-культурные результаты. В рамках данной задачи организуется множество проектов, например, «Проектным офисом международного молодёжного сотрудничества Россия-БРИКС», а также вновь созданным «Первым молодежным фестивалем БРИКС».

Конечно, в этой сфере есть свои проблемы. По мнению О. Stuenkel: «Если быть объективным, то возможности для поддержки их культурных программ как внутри своих стран, так и за рубежом есть в основном у России и Китая» [14]. Влияние этих программ осложняется двумя факторами: неспособностью сформулировать собственную повестку в глобальном масштабе (страны БРИКС заявляют, что не являются альтернативой существующего мирового порядка, а работают для более справедливого мира) и отсутствием привлекательности стран БРИКС, которые остальная часть мира (в основном западные страны) рассматривает как неблагоприятные, опасные и репрессивные общества.

Другой важной проблемой является то, что культурные проекты БРИКС носят нишевый характер, то есть не массовый, а ориентированы на очень узкую избранную аудиторию. Культурные проекты

БРИКС делятся на несколько категорий: проекты, которые реализуются во время саммитов стран БРИКС, и проекты, организованные вне саммитов, но демонстрирующие развитие отношений между членами союза.

Примером проектов в сфере креативных индустрий, ориентированных на молодежь, являются инициативы «Проектного офиса Россия-БРИКС» в г. Ульяновске. Он работает на постоянной основе и проводит проекты, ориентированные на молодежь из стран альянса, в том числе между саммитами БРИКС. В частности, в апреле 2026 г. там стартовал проект «Мелодия БРИКС» [9]. В этой инициативе планируется три этапа: Ульяновск – Москва – Индия. Поскольку проект финансируется главным образом российской стороной, он делает акцент на русской культуре и служит продвижению русской народной музыкальной традиции и музыкального образования в странах БРИКС, в частности в Индии (через лекции и мастер-классы). Проект получил финансирование от Российского союза молодежи, Президентского фонда культурных инициатив (ПФКИ) и проходит под эгидой Министерства молодежной политики Ульяновской области (Фонд креативных индустрий Ульяновской области, учрежденный губернатором региона). Это государственный проект, отвечающий современной повестке о возрождении традиционных ценностей и культурной идентичности России. Тем не менее, для объединения БРИКС и распространения идей альянса среди его населения такие проекты не эффективны, поскольку ориентированы на очень узкую аудиторию. В Индии проживает полтора миллиарда человек, а в проекте «Мелодия БРИКС» примут участие от силы 100 человек, плюс несколько тысяч зрителей финального Гала-концерта с обеих сторон. При этом стоимость проекта по данным ПФКИ возрастает с 11 532 110 в 2023 г. до 29 075 389,56 руб. в 2026 г. [10]. Для сравнения стоимость полнометражного независимого фильма составляет от 5 до 50 млн рублей, а полноценного блокбастера – от 150 млн рублей и выше. Но в случае с кинофильмом есть возможность создать массовый продукт, использовать исторический материал, объединяющий страны альянса.

Следующий момент – направление гранта ПФКИ – продвижение традиционных российских ценностей. Возникает вопрос: как это поможет объединить народы БРИКС? Как донести до широких народных масс БРИКС цели и задачи существования альянса? Конечно, участники проекта познакомятся друг с другом, сохраняют контакты на долгие годы, будет весело и красиво, но для достижения стратегических целей альянса этого мало.

Другой пример – проект, сопровождающий саммит БРИКС. В 2025 г. Бразилия председательствовала в БРИКС, и администрация г. Рио-де-Жанейро приурочила к Саммиту проект «Серия «Цивилизация» [11], который проходил на базе государственного университета. Слоган проекта «Укрепление культурных связей между странами БРИКС способствует созданию более светлого будущего для стран Глобального Юга» демонстрировал их стремление к независимости и самостоятельности от западной повестки. Помимо гала-концерта и выступления экспертов и молодежи, проект сопровождался несколькими выставками: «Декларация цивилизации: прекрасная свитковая живопись о сообществе с общим будущим для человечества I», «Тепло мира: фотовыставка о стиле жизни стран БРИКС», «Выставка графических печатей: взаимное обучение между цивилизациями с общим видением мира (издание для стран БРИКС)», «Увидимся в Гуандуне: выставка культурных инноваций Линняня», «Суть Китая: изучение культуры традиционной китайской медицины», а также интерактивный проект, демонстрирующий ремесла стран БРИКС. Данный проект особенно узконаправлен, поскольку саммиты БРИКС – это особенные, экспертные мероприятия, не массового характера.

При проведении обоих типов проектов очень важна эффективность. По этой причине важно иметь шаблон или модель оценки, которую может использовать эксперт. ПФКИ предлагает свою оценку поданных заявок, которая в настоящее время подвергается трансформации. Проекты в этом фонде чаще всего финансируют государственные российские интересы в сфере культуры, но для многосторонних международных проектов альянса такая оценка не всегда оправдана.

Согласно нашим исследованиям, главной проблемой культурных проектов БРИКС является то, что их малая известность, нишевый характер [6]. Как правило, и из точечных целевых аудиторий участвуют единицы. Несмотря на то, что БРИКС объединяет 45% населения мира, только 3% из 45% знают об этих проектах, а если взять все 100% населения мира, этот показатель будет значительно меньше. Учитывая этот минимальный охват, влияние БРИКС на мир с точки зрения формирования общественного мнения в глобальном масштабе (формирования повестки дня), развития единой системы ценностей, идентичности незначительно, особенно если сравнивать его с влиянием американских и европейских культурных проектов, которые используют силу глобальных медиа для продвижения и рекламы. Страны БРИКС осознают ограниченные возможности влияния на контент глобальной повестки, и именно по этой причине в мае 2026 г. в Москве будет проходить первый Медиа-брифинг БРИКС, целью которого, в частности, будет поиск решения этой задачи.

Автор статьи, как участник рабочей группы по международному культурному сотрудничеству Гражданского форума БРИСК шесть лет назад внесла предложение о создании единого грантового фонда для культурных проектов БРИКС именно для того, чтобы преодолеть проблему национально-ориентированного фокуса проектов БРИКС и продвигать взаимопонимание внутри стран альянса через общее прошлое и будущее. Однако, несмотря на положительное восприятие идеи профессиональными и экспертными сообществами, данный фонд пока не создан.

Нишевый характер культурных проектов типичен не только для России. Разумеется, подобные проекты необходимы, поскольку они формируют экспертную прослойку для будущего взаимодействия, но при этом практически не работают с массовым сознанием населения стран БРИКС в настоящем.

Еще один критерий оценки – представление всех культур, входящих в альянс, поскольку это отражает саму философию группы. Большое внимание в культурных проектах БРИКС уделено культурной идентичности участников, которая пострадала от колониальной и

глобальной унификации. То есть если западные проекты в основном про единство в многообразии, то проекты БРИКС делают акцент на многообразии в единстве. Именно на это следует обращать внимание при экспертной оценке культурных проектов альянса.

На современном этапе мировая ситуация меняется таким образом, что члены БРИКС, раньше находящиеся под влиянием глобального лидера, осознавая свою уникальность и будучи амбициозными, разделяя традиционные ценности (хотя они не являются исключительно принадлежностью стран БРИКС), заявляют о своей идентичности, много обращаются к своей истории, философии и черпают оттуда идеи и вдохновение для культурных инициатив. Поэтому критерий использования национальных образов, философии, истории в проектах БРИКС также важен для экспертной оценки проектов. Конечно, главная специфика находится на уровне фольклора, философии, мировоззренческих концепций, но это не означает, что современное искусство лишено национального взгляда.

Следующий критерий оценки – влияние проекта на возрождение культурной идентичности и независимости внутренней политики, включая культурную, которая должна стать одной из важнейших тем в культурных проектах, запускаемых этой группой. В контексте культурной оценки эти проекты являются примером коммуникативного взаимодействия между членами БРИКС, по этой причине внутригрупповой коммуникационный аспект является следующим критерием оценки. Главная идеология, лежащая в основе этого союза, требует понимания культурной идентичности членов БРИКС не только в умах глав делегаций, но, что важнее, гражданами этих стран.

Главный вопрос, к которому мы всегда возвращаемся при оценке культурных проектов, – каковы философские основы и идеология, лежащие в их основе? В настоящее время таким фокусом стран БРИКС является построение справедливого мира для всех стран. Следовательно, еще одним критерием оценки проектов в сфере культуры может стать раскрытие этой идеи через средства культуры.

Таким образом, нами предлагаются некоторые критерии оценки многосторонних проектов БРИКС, которые могут использоваться

наряду с такими как финансовая эффективность, влияние на жизнь целевой аудитории и населения стран в целом.

Заключение

В статье проанализированы три задачи, связанные с разработкой критериев экспертной оценки культурных проектов БРИКС. Выработка принципов коммуникативного влияния стран альянса должна стать главной задачей культурной оценки для участников этой группы. Цель БРИКС – создание справедливого будущего для всех и выработка механизмов управления, отвечающих принципам единства в многообразии. При этом есть ряд ограничений, они же – зоны роста: большое количество бедных людей, живущих в странах БРИКС, ограниченные возможности финансирования многосторонних культурных проектов разными участниками альянса, неравномерность экономического развития. Для решения, в том числе этих вопросов, и существует организация. Активное участие специалистов в области культуры, философии, истории поможет в развитии и построении будущего БРИКС, в том числе через культурные проекты.

Перспективы дальнейшего исследования видятся в последующем уточнении критериев экспертной оценки культурных проектов БРИКС, предложенных в данном исследовании.

Список литературы

1. Астафьева, О. Н. (2022). Экспертно-аналитическая деятельность культуролога: целеполагание и интеллектуальные ресурсы принятия решений. *Обсерватория культуры*, 19(6), 564–573. <https://doi.org/10.25281/2072-3156-2022-19-6-564-573>. EDN: <https://elibrary.ru/LEUHHM>
2. Болохов, И. И. (2016). Китай и ЮАР — стратегическое партнёрство? *Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки*, (2), 80–99.
3. Зенгер, Х. (2024). *Стратегемы. О китайском искусстве жить и выживать* (В 2 тт.). Эксмо.
4. Кривич, Н. А. (сост.), Рабош, В. А., Никифорова, Л. В., Кривич, Н. А. (ред.). (2011). *Культурологическая экспертиза: теоретические модели и практический опыт*. Астерион.
5. Курумчина, А. Э. (2019). Культурная дипломатия России в рамках БРИКС в условиях современных вызовов. В *Актуальные проблемы глобальных*

- исследований: *Россия в глобализующемся мире* (с. 170–175). EDN: <https://elibrary.ru/DXNFMX>
6. Курумчина, А. Э. (2019). Цифровая дипломатия БРИКС в сфере культуры. В *Труды 1-й Международной научной конференции по современным управленческим тенденциям и цифровой экономике — от регионального развития к глобальному экономическому росту (MTDE)* (с. 757–760). <https://doi.org/10.2991/mtde-19.2019.155W9683>
 7. Муратшина, К. Г. (2016). *20 лет партнёрства России и Китая: уроки и результаты*. УрФУ.
 8. Новичков, Н. В., Протасевич, А. Р., Новичкова, А. В. (2025). Международное социокультурное сотрудничество стран БРИКС на примере проекта «Культурная столица» для реализации потенциала опережающего развития регионов стран-участниц объединения. *Международная экономика*, (5). <https://doi.org/10.33920/vne-04-2505-01>. EDN: <https://elibrary.ru/AGTSVR>
 9. Chadrudee, S., & Wasim, K. (2026). Measuring the benefits of cultural capital management: An SROI perspective. В *The Kyoto Conference on Arts, Media & Culture* (pp. 143–158). <https://doi.org/10.22492/issn.2436-0503.2025.14>
 10. Ferri, P., & Napolitano, S. (2025). Evaluative practices on action: Features, tensions, and resolutions. В *Plural values in culture on Europe* (pp. 107–121). Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781003500551-6>
 11. Jaskula, S. (2025). Intercultural evaluation: Content of the concept. *Interdisciplinary Studies of Complex Systems*, (26), 139–150. <https://doi.org/10.31392/iscs.2025.26.139>. EDN: <https://elibrary.ru/KWWYGR>
 12. Okker, S. (2025). Grassroots cultural participation in Oulu: Towards the Oulu2026 European Capital of Culture. *Yearbook of Cultural Policy Research*, 9(1), 30–50. <https://doi.org/10.17409/kpt.143908>. EDN: <https://elibrary.ru/ADMFZI>
 13. Scott, M., & Neelands, J. (2024). Measuring the changes: How can a perceived cultural mega-event evidence its “value”? Insights from implementing evaluation methodologies for Coventry 2021. *Arts and the Market*, 14(1), 78–95. <https://doi.org/10.1108/aam-08-2021-0042>. EDN: <https://elibrary.ru/UHKSZT>
 14. Stuenkel, O. (2016). Do the BRICS possess soft power? *Journal of Political Power*, 9(3), 353–367. <https://doi.org/10.1080/2158379X.2016.1232285>

Материалы исследования

15. United Nations. (2007). *Participatory dialogue: Towards a stable, safe and just society for all*. [https://www.un.org/esa/socdev/publications/prtcprtry_dlg\(full_version\).pdf](https://www.un.org/esa/socdev/publications/prtcprtry_dlg(full_version).pdf) (дата обращения: 23.02.2026)
16. XII Петербургский международный юридический форум. (2024). БРИКС – единство в разнообразии: вклад в развитие принципа международного сотруд-

- ничества. https://legalforum.content.rcmedia.ru/upload/SPJF-2024_Magazine.pdf (дата обращения: 25.02.2026)
17. *Расширение БРИКС. Новый формат партнёрства меняет правила глобальной игры.* <https://cdnweb.roscongress.org/upload/medialibrary/ffe/БРИКС0711.pdf?17310554223866357> (дата обращения: 25.02.2026)
18. Декларация Рио-де-Жанейро. (2025, 6 июля). Укрепление сотрудничества глобального Юга для более инклюзивного и устойчивого управления. <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/gvTArkWauqwuryk9xzLt3Huul7EBmqrC.pdf> (дата обращения: 25.02.2026)
19. НКИ БРИКС. Саммиты и документы. <https://www.nkibrics.ru/pages/submit-docs> (дата обращения: 25.02.2026)
20. *Октагон.* Члены БРИКС не понимают, какой мир хотят построить. https://octagon.media/politika/chleny_briks_ne_ponimayut_kakoj_mir_hotyat_postroit.html (дата обращения: 25.02.2026)
21. *Эксперт.* (2024, 21 июня). Вступление новых стран в БРИКС превратит этот альянс в «более сильный противовес» Группе семи, пишет Bloomberg. <https://expert.ru/news/bloomberg-rasshirenje-briks-sdelaet-obedinenie-bolee-silnym-protivovesom-g7-i-gegemonii-ssha/> (дата обращения: 25.02.2026)
22. НКИ БРИКС. (2017, 20 июля). БРИКС-плюс: альтернативная глобализация. <https://nkibrics.ru/posts/show/5970805d62726924db540000> (дата обращения: 25.02.2026)
23. Российский союз молодёжи. (2026, 21 апреля). В Ульяновской области стартовал Международный проект «Мелодия БРИКС» с участием музыкантов из девяти стран. <https://ruy.ru/press/news/v-ulyanovskoy-oblasti-startoval-mezhdunarodnyy-proekt-melodiya-briks-s-uchastiem-muzykantov-iz-devya/> (дата обращения: 19.05.2025)
24. Президентский фонд культурных инициатив. Мелодия БРИКС. <https://vk.cc/cYc6U3> (дата обращения: 26.05.2026)
25. PR Newswire. (2025, 1 июля). Civilization Series brings BRICS together in Rio. <https://en.prnasia.com/releases/apac/civilization-series-brings-brics-together-in-rio-495145.shtml> (дата обращения: 19.05.2026)

References

1. Astafyeva, O. N. (2022). Expert-analytical activity of a culturologist: Goal-setting and intellectual resources for decision-making. *Observatory of Culture*, 19(6), 564–573. <https://doi.org/10.25281/2072-3156-2022-19-6-564-573>. EDN: <https://elibrary.ru/LEUHHM>
2. Bolokhov, I. I. (2016). China and South Africa – a strategic partnership? *Moscow University Bulletin. Series 12: Political Sciences*, (2), 80–99.

3. Senger, H. (2024). *Strategems. On the Chinese art of living and surviving* (In 2 vols.). Eksmo.
4. Krivich, N. A. (comp.), Rabosh, V. A., Nikiforova, L. V., Krivich, N. A. (Eds.). (2011). *Culturological expertise: Theoretical models and practical experience*. Asterion.
5. Kurumchina, A. E. (2019). Russia's cultural diplomacy within BRICS in the context of modern challenges. In *Current problems of global studies: Russia in a globalizing world* (pp. 170–175). EDN: <https://elibrary.ru/DXNFMX>
6. Kurumchina, A. E. (2019). Digital diplomacy of BRICS in the cultural sphere. In *Proceedings of the 1st International Scientific Conference on Modern Management Trends and the Digital Economy — from Regional Development to Global Economic Growth (MTDE)* (pp. 757–760). <https://doi.org/10.2991/mtde-19.2019.155W9683>
7. Muratshina, K. G. (2016). *20 years of partnership between Russia and China: Lessons and results*. Ural Federal University.
8. Novichkov, N. V., Protasevich, A. R., Novichkova, A. V. (2025). International sociocultural cooperation of BRICS countries: The case of the “Cultural Capital” project to unlock the potential for advanced development of regions of the member states. *International Economics*, (5). <https://doi.org/10.33920/vne-04-2505-01>. EDN: <https://elibrary.ru/AGTSVR>
9. Chadrudee, S., & Wasim, K. (2026). Measuring the benefits of cultural capital management: An SROI perspective. In *The Kyoto Conference on Arts, Media & Culture* (pp. 143–158). <https://doi.org/10.22492/issn.2436-0503.2025.14>
10. Ferri, P., & Napolitano, S. (2025). Evaluative practices on action: Features, tensions, and resolutions. In *Plural values in culture on Europe* (pp. 107–121). Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781003500551-6>
11. Jaskula, S. (2025). Intercultural evaluation: Content of the concept. *Interdisciplinary Studies of Complex Systems*, (26), 139–150. <https://doi.org/10.31392/iscs.2025.26.139>. EDN: <https://elibrary.ru/KWWYGR>
12. Okker, S. (2025). Grassroots cultural participation in Oulu: Towards the Oulu2026 European Capital of Culture. *Yearbook of Cultural Policy Research*, 9(1), 30–50. <https://doi.org/10.17409/kpt.143908>. EDN: <https://elibrary.ru/ADMFI>
13. Scott, M., & Neelands, J. (2024). Measuring the changes: How can a perceived cultural mega-event evidence its “value”? Insights from implementing evaluation methodologies for Coventry 2021. *Arts and the Market*, 14(1), 78–95. <https://doi.org/10.1108/aam-08-2021-0042>. EDN: <https://elibrary.ru/UHKSZT>
14. Stuenkel, O. (2016). Do the BRICS possess soft power? *Journal of Political Power*, 9(3), 353–367. <https://doi.org/10.1080/2158379X.2016.1232285>

Research Materials

15. United Nations. (2007). *Participatory dialogue: Towards a stable, safe and just society for all*. [https://www.un.org/esa/socdev/publications/prtcprtry_dlg\(full_version\).pdf](https://www.un.org/esa/socdev/publications/prtcprtry_dlg(full_version).pdf) (Accessed: 23.02.2026)
16. XII St. Petersburg International Legal Forum. (2024). BRICS — unity in diversity: Contribution to the development of the principle of international cooperation. https://legalforum.content.rcmedia.ru/upload/SPJF-2024_Magazine.pdf (Accessed: 25.02.2026)
17. *BRICS expansion. The new partnership format changes the rules of the global game*. <https://cdnweb.roscongress.org/upload/medialibrary/ffe/БРИКС0711.pdf?17310554223866357> (Accessed: 25.02.2026)
18. Rio de Janeiro Declaration. (2025, July 6). Strengthening Global South cooperation for more inclusive and sustainable governance. <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/gvTarkWauqwuryk9xzLt3Huul7EBmqRC.pdf> (Accessed: 25.02.2026)
19. BRICS National Committee. Summits and documents. <https://www.nkibrics.ru/pages/summit-docs> (Accessed: 25.02.2026)
20. *Octagon*. BRICS members do not understand what kind of world they want to build. https://octagon.media/politika/chleny_briks_ne_ponimayut_kakoj_mir_xotyat_postroit.html (Accessed: 25.02.2026)
21. *Expert*. (2024, June 21). The entry of new countries into BRICS will turn this alliance into a “stronger counterbalance” to the Group of Seven, Bloomberg reports. <https://expert.ru/news/bloomberg-rasshirenie-briks-sdelaet-obedinenie-bolee-silnym-protivovesom-g7-i-gegemonii-ssha/> (Accessed: 25.02.2026)
22. BRICS National Committee. (2017, July 20). BRICS-plus: Alternative globalization. <https://nkibrics.ru/posts/show/5970805d62726924db540000> (Accessed: 25.02.2026)
23. Russian Union of Youth. (2026, April 21). International project “Melody of BRICS” launched in the Ulyanovsk Region with the participation of musicians from nine countries. <https://ruy.ru/press/news/v-ulyanovskoy-oblasti-startoval-mezhdunarodnyy-proekt-melodiya-briks-s-uchastiem-muzykantov-iz-devya/> (Accessed: 19.05.2025)
24. Presidential Fund for Cultural Initiatives. Melody of BRICS. <https://vk.cc/cYc6U3> (Accessed: 26.05.2026)
25. PR Newswire. (2025, July 1). Civilization Series brings BRICS together in Rio. <https://en.prnasia.com/releases/apac/civilization-series-brings-brics-together-in-rio-495145.shtml> (Accessed: 19.05.2026)

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Курумчина Анна Эдхемовна, доцент кафедры культурологии и дизайна,
кандидат философских наук

*Уральский федеральный университет
ул. Мира, 19, г. Екатеринбург, Свердловская область, 620000, Россий-
ская Федерация
a.e.kurumchina@urfu.ru*

Кардапольцева Валентина Николаевна, зав. кафедрой Художественного проектирования и теории творчества, профессор, доктор культурологии
*Уральский государственный горный университет
ул. Куйбышева, 30, г. Екатеринбург, Свердловская область, 620144,
Российская Федерация
ief.hptt@m.ursmu.ru*

DATA ABOUT THE AUTHORS

Anna E. Kurumchina, Associate Professor, Cultural Studies and Design department, PhD in Philosophy
*Ural Federal University
19, Mira Str., Yekaterinburg, Sverdlovsk Region, 620000, Russian Federation
a.e.kurumchina@urfu.ru
SPIN-code: 2531-1873
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0022-0882>
ResearcherID: K-7762-2017*

Valentina N. Kardapoltseva, Head of the Department of Artistic Design and Theory of Creativity, Professor, Doctor of Cultural Studies
*Ural State Mining University
30, Kuibysheva Str., Yekaterinburg, Sverdlovsk Region, 620144, Russian Federation
ief.hptt@m.ursmu.ru
SPIN-code: 6423-3221*

Поступила 27.05.2026
После рецензирования 17.06.2026
Принята 22.06.2026

Received 27.05.2026
Revised 17.06.2026
Accepted 22.06.2026

Теория и история культуры, искусства / Theory and History of Culture, Art

Научная статья

DOI: [10.12731/2576-9782-2026-10-2-339](https://doi.org/10.12731/2576-9782-2026-10-2-339)

UDC 37.01:792

EDN: [MLCBDK](#)

Original article

Theatre as a bridge between cultures: the educational and humanistic potential of theatre in Russia and Bangladesh

Sarmin Sultana

Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russian Federation

Abstract

Background. The article examines theatre-in-education practices in Russia and Bangladesh as forms of humanistic and socio-cultural educational activity aimed at the development of children and youth. The relevance of the study is determined by the growing attention to intercultural dialogue, ethno-cultural education, and the search for humanistic educational practices in the context of globalization and cultural diversity.

Purpose. The purpose of the study is to identify the pedagogical, cultural, and social functions of theatre practices in the educational environments of Russia and Bangladesh and to determine their common and distinctive features.

Methodology. The research is based on comparative, socio-cultural, and interdisciplinary approaches. The theoretical framework includes L. S. Vygotsky's socio-cultural theory, A. Boal's concept of participatory theatre, and contemporary pedagogical approaches to theatre in education. The research material includes academic publications, educational programmes, analytical studies, and cultural-pedagogical materials related to theatre practices in Russia and Bangladesh.

Results. The study demonstrates that theatre practices in both countries contribute to the development of creativity, communication skills, emotional intelligence, empathy, and cultural identity among children and adolescents. Significant differences were identified in organizational models and pedagogical strategies: in Russia, children's and youth theatre is mainly connected with institutional educational systems and supplementary education, whereas in Bangladesh theatre-in-education initiatives are more frequently community-based and socially oriented. The scientific novelty of the study lies in the comparative analysis of theatre-in-education practices in Russia and Bangladesh through the integration of humanistic, socio-cultural, and intercultural approaches.

Practical implications. The results of the study may be applied in the development of educational programmes, ethno-cultural and intercultural initiatives, as well as in further research in the fields of theatre pedagogy and humanistic education.

Keywords: theatre in education; intercultural dialogue; ethno-cultural education; humanistic pedagogy; Russia; Bangladesh

For citation. Sultana, S. (2026). Theatre as a bridge between cultures: the educational and humanistic potential of theatre in Russia and Bangladesh. *Russian Studies in Culture and Society*, 10(2), 122-140. <https://doi.org/10.12731/2576-9782-2026-10-2-339>

Театр как мост между культурами: образовательный и гуманистический потенциал театра в России и Бангладеш

Сармин Султана

*Московский педагогический государственный университет,
Москва, Российская Федерация*

Аннотация

Обоснование. Статья посвящена исследованию театрально-педагогических практик в России и Бангладеш как форм гуманистической и социокультурной образовательной деятельности, направленной на развитие детей и молодежи. Актуальность исследования обусловлена возрастающим вниманием к проблемам межкультурного диалога, этнокультурного образования и поиску гуманистических образовательных практик в условиях глобализации и культурного многообразия.

Цель. Цель исследования заключается в выявлении педагогических, культурных и социальных функций театральных практик в образовательной среде России и Бангладеш, а также в определении их общих и отличительных особенностей.

Методология. Исследование основано на сравнительном, социокультурном и междисциплинарном подходах. Теоретическую основу составляют социокультурная теория Л. С. Выготского, концепция партисипаторного театра А. Боаля и современные педагогические подходы к theatre in education. Материалом исследования выступают научные публикации, образовательные программы, аналитические и культурно-педагогические материалы, посвященные театральным практикам в России и Бангладеш.

Результаты. Установлено, что театральные практики в обеих странах способствуют развитию творческих способностей, коммуникативных навыков, эмоционального интеллекта, эмпатии и культурной идентичности детей и подростков. Выявлены различия в организационных моделях и педагогических стратегиях: в России детский и молодежный театр преимущественно связан с институциональной системой образования и дополнительного образования, тогда как в Бангладеш

театрально-педагогические инициативы чаще реализуются в рамках общественных и community-based практик. Научная новизна исследования заключается в сравнительном анализе театрально-педагогических практик России и Бангладеш через интеграцию гуманистического, социокультурного и интеркультурного подходов.

Практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы при разработке образовательных программ, проектов в области этнокультурного образования и межкультурного взаимодействия, а также в дальнейших исследованиях театральной педагогики и гуманистического образования.

Ключевые слова: театральные практики в образовании; межкультурный диалог; этнокультурное образование; гуманистическая педагогика; Россия; Бангладеш

Для цитирования. Султана, С. (2026). Театр как мост между культурами: образовательный и гуманистический потенциал театра в России и Бангладеш. *Russian Studies in Culture and Society / Российские исследования. Культура и общество*, 10(2), 122-140. <https://doi.org/10.12731/2576-9782-2026-10-2-339>

Introduction

In the context of globalization and increasing cultural diversity, contemporary education is increasingly oriented not only toward the transmission of academic knowledge, but also toward the development of learners' ability to engage in dialogue, demonstrate empathy, and respect cultural differences [11; 27]. Under these conditions, the search for humanistic educational practices that support intercultural understanding among children and adolescents becomes especially relevant [28].

One such practice is theatre, which possesses significant educational and formative potential. In this article, "theatre in education (TiE)" is understood as the use of theatrical methods, such as role-taking, improvisation, collective performance, and discussion, within educational contexts to support learning, social development, and value formation, rather than as professional theatre training or theatrical production for purely artistic purposes. The field of TiE has a well-documented history, originating in the mid-20th century and evolving continuously to meet new educational and social needs [19, p. 590]. The Theatre integrates artistic expression, imagination, and social interaction, creating a space in which cultural values are explored through collective creative activity[23]. Through role-taking, ensemble work, and emotionally meaningful engagement with dramatic situations, children are able to reflect on

social roles, ethical choices, and forms of interaction with others [20, p. 20] In this sense, theatre may be regarded as a meaningful resource for ethno-cultural education and intercultural dialogue. Within the framework of this study, ethno-cultural education is understood as educational processes aimed at developing awareness of cultural traditions and values, as well as readiness for respectful interaction with cultural diversity.

The educational significance of theatre is also emphasized in international cultural and educational discourse. UNESCO documents highlight the arts as an important factor in fostering cultural diversity, dialogue between cultures, and the transmission of humanistic values [27]. Theatre-based educational practices can be seen as corresponding to this perspective by combining artistic experience with processes of moral reflection and social learning, thereby contributing to the formation of communicative competence and cultural sensitivity [20; 24].

From a research perspective, particular interest is presented by the comparative analysis of theatre as an educational practice in different cultural contexts. A comparison of Russia and Bangladesh makes it possible to identify how theatre performs humanistic and pedagogical functions under conditions shaped by distinct historical traditions, cultural heritage, and institutional organization of education [8; 12; 14]. Despite significant differences between the two countries, theatre occupies an important place in the education and development of children and youth in both contexts.

The study addresses the following research questions:

1. How are theatre-in-education practices organized in Russia and Bangladesh?
2. What educational and socio-cultural functions do these practices perform?
3. How do institutional and community-based models differ in their pedagogical orientation and forms of participation?

The scientific novelty of the study lies in the comparative analysis of theatre-in-education practices in Russia and Bangladesh through an integrated humanistic framework combining socio-cultural, participatory, and pedagogical approaches, which has not been systematically examined in existing research.

Literature Review and Theoretical Framework

The present study conceptualizes theatre as a humanistic educational practice that supports cognitive, emotional, and social development through culturally mediated interaction. The theoretical framework is based on three complementary perspectives: L. S. Vygotsky's socio-cultural theory of development, A. Boal's concept of participatory theatre, and Helen Nicholson's pedagogical interpretation of theatre in education [17; 24; 29]. Recent research has further developed each of these approaches extending them into contemporary educational contexts [4; 21; 23]. Taken together, these approaches make it possible to analyze theatre not only as an artistic activity, but also as a pedagogical space in which imagination, social learning, and intercultural understanding are formed.

From a socio-cultural perspective, Vygotsky's theory emphasizes that learning and development occur through social interaction and are mediated by cultural tools, including language and artistic forms [29, p. 12-17]. Within this framework, theatre may be understood as a complex cultural tool that integrates speech, movement, narrative, and emotion within a shared creative activity. Vygotsky's concept of imagination, closely connected with play and symbolic action, is of particular relevance for educational theatre [4 p.6-7]. Through role-taking and engagement with fictional situations, children are able to experiment with perspectives that extend beyond their immediate experience [29 p.11-12]. Imaginative activity in theatre is not an escape from reality, but a culturally mediated transformation of social experience realized through guided collaboration within the zone of proximal development [9 p.65].

Boal's concept of participatory theatre provides an additional theoretical perspective focused on agency and dialogue [17 p. 120]. Rejecting the rigid division between performer and spectator, Boal introduced the notion of the "spect-actor," emphasizing participation as a central condition of meaning-making [21 p.156-157]. In educational contexts, participatory theatre encourages children and youth to engage in dialogue, explore social roles, and reflect on lived experience through embodied action. This approach can be associated with humanistic educational principles that prioritize learner involvement, ethical reflection, and the

co-construction of meaning [17 p 134-15]. Boal's framework is particularly relevant for the analysis of community-based theatre-in-education practices, while its emphasis on participation also informs institutional educational theatre.

Helen Nicholson's approach to theatre in education foregrounds empathy, relational learning, and the formation of learning communities [23; 24]. According to Nicholson, educational theatre functions as a relational space in which meaning emerges through interaction rather than transmission. Empathy is understood not as passive identification, but as an active process of engaging with perspectives different from one's own. Through collective theatrical activity, participants take part in shared emotional and ethical exploration, which supports the development of communicative competence and intercultural sensitivity [24]. In this way, theatre contributes to the formation of educational communities grounded in dialogue, cooperation, and mutual responsibility.

Taken together, the perspectives of Vygotsky, Boal, and Nicholson form a coherent theoretical basis for the analysis of theatre as a pedagogical practice oriented toward humanistic and ethno-cultural aims [8; 10]. The scientific novelty of the present study lies in the integrative application of these theoretical approaches to a comparative analysis of theatre-in-education practices in Russia and Bangladesh. This theoretical synthesis provides the analytical criteria for interpreting theatre as a culturally mediated educational process that supports intercultural dialogue and ethno-cultural education in diverse social contexts.

Materials and methods

The study is based on a qualitative comparative analysis of theatre-in-education practices in Russia and Bangladesh. The research focuses on theatre as a humanistic and socio-cultural educational phenomenon and examines how similar educational aims, such as the development of empathy, communicative competence, and intercultural sensitivity, are realized in different cultural and pedagogical contexts.

The research material includes academic publications on theatre pedagogy, theatre in education, ethno-cultural and arts education, policy

documents related to intercultural dialogue and cultural diversity, as well as materials published by educational and cultural organizations in both countries. Examples of community-based theatre initiatives in Bangladesh and institutional children's and youth theatre practices in Russia are used as illustrative cases representing broader pedagogical models.

The interpretation of the material is based on L. S. Vygotsky's socio-cultural theory, A. Boal's concept of participatory theatre, and Helen Nicholson's pedagogical approaches to theatre in education. These perspectives make it possible to examine theatre as a culturally mediated educational practice combining artistic activity, social interaction, and value formation. The study does not aim to provide an exhaustive overview of all theatre practices in either country, but rather offers a comparative theoretical interpretation within the framework of humanities and pedagogical research.

Results and discussions

Results

The comparative analysis made it possible to identify both shared and distinctive features of theatre-in-education practices in Russia and Bangladesh. The findings are presented through the examination of organizational models, pedagogical approaches, forms of participation, and socio-cultural educational functions characteristic of each context.

Theatre-in-education in Bangladesh

The analysis shows that theatre-in-education practices in Bangladesh are predominantly realized as community-oriented and socially engaged forms of educational activity. These practices demonstrate a strong emphasis on participation, dialogue, and accessibility within local socio-cultural contexts. These practices are rooted in long-standing performative traditions. Bangladeshi theatre has historically served as a collective medium for storytelling, moral reflection, and social communication, particularly in community settings. Folk and ritual forms such as Jatra, Pala gaan, Gambhira, and various puppetry traditions have played an important role in transmitting cultural values and social norms across generations [13; 15]. These traditions continue to inform contemporary theatrical practices, including those addressed to children and youth.

Alongside traditional forms, Bangladesh has developed institutional frameworks that support children's and youth engagement with theatre. Theatre departments within universities, as well as national cultural institutions such as the Bangladesh Shilpakala Academy and the Bangladesh Shishu Academy, provide opportunities for theatrical education and artistic development [15]. In these contexts, theatrical activities often emphasize performance skills, cultural heritage, and participation in festivals and public events, reflecting a broader recognition of theatre as a meaningful component of educational and cultural life [14].

A distinctive feature of the Bangladeshi context is the prominent role of applied theatre and theatre-in-education initiatives operating within community-based and non-formal educational settings [12; 22]. Many of these initiatives have emerged in response to social challenges such as unequal access to education, social stratification, and the need for dialogic approaches to learning [25]. While not all such projects explicitly identify themselves as theatre-in-education, they employ theatrical methods with educational aims, including the development of communication skills, social awareness, and ethical reflection among children and adolescents [26].

One of the most visible characteristics of Bangladeshi theatre-in-education practices is their participatory orientation [18]. Drawing on principles articulated in participatory and applied theatre theory, these initiatives seek to minimize hierarchical distinctions between performers and audiences and to position children as active participants in the learning process [17 p.97]. Participation is understood not merely as audience engagement, but as a pedagogical strategy that supports dialogue, reflection, and collective meaning-making. This approach may be interpreted in light of socio-cultural theories of learning, particularly Vygotsky's understanding of imaginative activity as a means through which children transform social experience in a culturally mediated environment [29 p.11].

An illustrative example of this model can be found in the theatre-in-education programmes implemented by the Bangladesh Institute of Theatre Arts (BITA), a non-governmental cultural organization engaged in

arts-based educational initiatives for children and youth. BITA develops structured theatrical interventions designed specifically for classroom contexts in collaboration with schools, organizing sessions during school hours that combine short performances with interactive activities rather than replacing regular lessons [16 p.32; 18]. Performances addressing culturally meaningful themes, such as the six seasons of Bangladesh or the language movement - are followed by games, competitions, and facilitated discussions in which students are invited to comment on the situations presented, articulate their own viewpoints, and propose alternative actions [18]. Through this dialogic structure, children temporarily assume the role of “spect-actors,” thereby actively shaping the educational process through embodied participation and discussion [16 p.44]. Similar dialogic models are documented in other Bangladeshi programmes, where post-performance interaction is designed to foster critical reflection and empower children to articulate their perspectives on issues affecting their lives [25].

From an educational perspective, such practices illustrate how theatre can function as a space of dialogic learning that integrates emotional engagement with cognitive reflection. The emphasis on interaction, improvisation, and collective discussion contributes to the development of empathy, communicative competence, and critical thinking [20 p.19, 24]. At the same time, the use of culturally familiar narrative forms and performative elements reinforces children’s sense of cultural identity and belonging, which is particularly significant in the context of ethno-cultural education [18]. This dual focus on empowering individual voice and strengthening cultural identity is a noted feature of community-based theatre projects in Bangladesh, which often report outcomes related to both personal development and increased cultural pride among participants from minority communities [25].

Overall, theatre-in-education in Bangladesh may be described as a flexible and culturally embedded pedagogical practice that remains responsive to local social contexts. Its community-based orientation and participatory logic allow theatre to address educational aims related to value formation, social responsibility, and intercultural openness, posi-

tioning it as an important humanistic resource within the broader field of ethno-cultural education.

Children's and Youth Theatre in Russia

While theatre-in-education practices in Bangladesh are largely community-based and participatory, the Russian model demonstrates a more institutionalized and mentorship-oriented approach to children's theatrical education. The comparison of these models reveals different pedagogical strategies through which theatre contributes to children's social, emotional, and cultural development.

In the Russian context, children's and youth theatre is predominantly realized within institutional frameworks closely connected to the formal education system and state-supported cultural infrastructure. Historically, Russian theatrical culture has attributed significant educational and formative value to theatre, viewing it not only as an artistic form, but also as a means of moral reflection, social education, and personal development within pedagogical discourse [8]. The traditions of psychological realism, ensemble work, and ethical engagement associated with figures such as K. S. Stanislavski and E. B. Vakhtangov have contributed to a pedagogical understanding of theatre as a space for exploring human character, values, and social responsibility [5].

In contemporary Russia, children's and youth theatre functions within a wide range of institutional settings, including general education schools, children's art schools, cultural centers, Palaces of Creativity, state-supported theatres, and extracurricular theatre studios. These institutions provide organizational stability, continuity of training, and access to professional pedagogical expertise, enabling theatre to operate as a long-term educational environment rather than as a short-term intervention. Such institutionalization reflects a pedagogical tradition in which artistic education is closely linked to structured guidance and sustained developmental processes [3, 6].

One of the central features of the Russian model is the mentorship-based organization of theatrical education. Theatre studios and school theatre collectives are typically led by trained drama teachers, directors, or professional actors who structure the educational process through regular

rehearsals, staged productions, and progressive mastery of theatrical skills [1 p.8-10]. Participation in theatrical activity is therefore characterized by guided involvement rather than spontaneous or purely horizontal interaction. This pedagogical logic can be interpreted in relation to socio-cultural theories of learning, particularly L. S. Vygotsky's emphasis on cultural mediation, adult guidance, and the zone of proximal development as key mechanisms of child development [29 P.31].

Within this framework, theatre education in Russia integrates aesthetic, social, and moral dimensions. Alongside the development of expressive speech, movement, rhythm, and ensemble coordination, children are encouraged to cultivate discipline, responsibility, attentiveness to others, and ethical awareness. Engagement with dramatic texts and character interpretation serves as a means of emotional and moral reflection, allowing young participants to explore complex human situations within an artistic and reflective form [7].

An illustrative example of this institutional–aesthetic model can be found in children's theatre studios operating within regional cultural centers and Palaces of Creativity. Such studios function as stable educational communities in which children participate in long-term rehearsal processes and public performances based on folk tales, classical literature or contemporary plays for young audiences, under professional guidance. Educators involved in these practices note that sustained theatrical engagement contributes not only to artistic development, but also to the formation of self-confidence, empathy, and social responsibility among children and adolescents [1 p.8-9, 2].

From the perspective of ethno-cultural education, Russian children's and youth theatre also plays an important role in transmitting cultural narratives, literary heritage, and collective values [3]. At the same time, participation in theatre festivals, touring activities and interinstitutional collaborations increasingly exposes young performers to diverse cultural traditions and performative styles [1p.15-17, 27-19]. Through such encounters, theatre becomes a medium for developing openness to cultural difference and readiness for dialogue within a structured pedagogical environment.

Thus, theatre education in Russia may be characterized as an institutionalized and mentor-guided pedagogical practice with a strong aesthetic orientation. Its emphasis on continuity, artistic discipline, and collective responsibility allows theatre to function as a humanistic educational resource that supports children's emotional development, social learning, and ethno-cultural awareness.

Discussions

A comparative analysis of theatre-based educational practices in Russia and Bangladesh points to two culturally distinct yet pedagogically complementary models of theatre as a humanistic educational practice. While these models differ in institutional organization, pedagogical logic, and modes of participation, both contexts conceptualize theatre as a space for social learning, emotional development, and the formation of intercultural sensitivity among children and youth.

One of the key points of divergence concerns the institutional conditions within which theatre-in-education is organized. In the Russian context, children's and youth theatre is predominantly embedded within formal and semi-formal educational institutions, including schools, cultural centers, state-supported theatres, and extracurricular studios. These structures ensure continuity, professional pedagogical guidance, and sustained engagement with theatrical practice. In contrast, theatre-in-education in Bangladesh has developed primarily within community-based and non-formal educational environments, often implemented by non-governmental and cultural organizations. This model tends to demonstrate greater flexibility and accessibility, particularly in socially diverse or resource-limited contexts, but is less dependent on stable institutional frameworks.

A second axis of comparison relates to pedagogical orientation and participation. In Bangladeshi theatre-in-education practices, participation functions as a core pedagogical principle. Children are positioned as active contributors to the learning process through dialogue, improvisation, and collective meaning-making. This horizontal pedagogical logic can be associated with participatory theatre theory and emphasizes agency, reflection, and social engagement. In the Russian model, participation

is structured and mentor-guided. Children actively engage in rehearsal processes, ensemble work, and performance, but within a pedagogical framework shaped by professional leadership and clearly defined artistic objectives. Participation thus unfolds as a gradual process of cultural transmission and mastery supported by adult guidance.

Despite these differences, both models show convergence at the level of educational outcomes. In both Russia and Bangladesh, theatre contributes to the formation of empathy, communicative competence, cooperation, and ethical awareness. These outcomes emerge through embodied participation, role-taking, and collective creative activity, which allow children to encounter perspectives different from their own within a shared symbolic space. From the perspective of socio-cultural theory, such processes may be understood as forms of culturally mediated learning that emerge through social interaction and imagination.

Differences are also evident in the relationship between aesthetic and social priorities. Russian educational theatre places strong emphasis on artistic form, discipline, and engagement with dramatic texts, viewing aesthetic education as a pathway to moral and emotional development. In Bangladesh, theatre-in-education tends to prioritize social relevance, accessibility, and responsiveness to community needs, often adapting artistic form to address socially meaningful themes in culturally familiar ways. At the same time, in both contexts artistic expression remains essential for sustaining emotional engagement and imaginative exploration, preventing theatre from being reduced to a purely instrumental educational tool.

From the standpoint of ethno-cultural education, the comparison highlights theatre's capacity to function as a culturally adaptive pedagogical medium. Rather than requiring a unified organizational model, theatre appears capable of supporting intercultural dialogue through practices that are sensitive to local cultural traditions while oriented toward shared humanistic values. The Russian and Bangladeshi cases illustrate that ethno-cultural learning is fostered not through the erasure of cultural differences, but through pedagogical practices that create spaces for dialogue, cooperation, and mutual recognition.

Thus, the comparative analysis suggests not opposition between the two models, but their complementarity. The Russian model demonstrates the pedagogical value of institutional support, sustained artistic training, and aesthetic depth, while the Bangladeshi model illustrates the educational potential of participation, flexibility, and community engagement. Together, these approaches expand the understanding of theatre as a humanistic educational practice capable of supporting ethno-cultural education and intercultural dialogue in diverse socio-cultural environments.

Conclusion

1. The comparative analysis demonstrates that theatre functions as a stable humanistic and educational resource in both Russian and Bangladeshi socio-cultural contexts, contributing to the development of children and youth through creative, communicative, and emotionally oriented practices.
2. Educational theatre in Russia is predominantly implemented within institutional frameworks connected with schools and systems of supplementary education, while theatre-in-education practices in Bangladesh are mainly community-based, participatory, and socially oriented.
3. Despite differences in organizational models and pedagogical strategies, theatre practices in both countries perform similar educational functions related to social learning, emotional development, communicative competence, ethical reflection, and collaborative interaction among children and adolescents.
4. The application of socio-cultural and pedagogical approaches makes it possible to interpret theatre as a culturally mediated educational process based on imagination, dialogue, participation, and collective creative activity.
5. The study shows that theatre possesses significant potential for ethno-cultural education and intercultural dialogue, supporting the development of intercultural sensitivity and mutual understanding in diverse educational environments.
6. The results of the research may be applied in the development of educational programmes, intercultural initiatives, and further theoretical studies in the field of arts and ethno-cultural education.

References

1. Domnikova, S. V., Nikiforova, E. A., Tashchilkina, I. Yu., & Mitrofanova, L. M. (2022). *Updating the content of additional education: Model examples of school theatres*. Saratov: GAU DPO "SOIRO". 80 p.
2. Klimova, T. A., Kosinets, E. I., & Nikitina, A. B. (2012). Theatre pedagogy in modern school. *GRANI MASTERSTVA (TEATRANAYA PEDAGOGIKA)*, 8(8). Retrieved from https://www.e-osnova.ru/PDF/osnova_17_8_2925.pdf
3. Klimova, T. A. (2023). Educational potential of theatre-pedagogical practices. *Psychological Science and Education*, 18(3), 183–190. <https://doi.org/10.11621/npj.2023.0318>. EDN: <https://elibrary.ru/XHSFOO>
4. Kravtsov, G. G., & Kravtsova, E. E. (2019). Play as the zone of proximal development for preschool children. *Psychological and Pedagogical Research*, (4), 5–21. <https://doi.org/10.17759/psyedu.2019110401>. EDN: <https://elibrary.ru/DVYGGQ>
5. Kruk, D. S. (2022). The history of children's theatre development in Russia. *Culture and Education*, (1), 49–60.
6. Nikitina, A. B. (2019). Theatre pedagogy in education in Russia and abroad. *School Technologies*, (5), 47–51. EDN: <https://elibrary.ru/BVDHGK>
7. Nikitina, A. B. (2024). School theatre as an educational tool. *Cultural Management*, (2), 17–24. EDN: <https://elibrary.ru/MEBSEU>
8. Poskalovalova, T. A. (2021). The history of the development of theatrical practices in education: Foreign and domestic experience. *Modern Foreign Psychology*, 10(2), 96–104. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2021100210>. EDN: <https://elibrary.ru/YYHHAM>
9. Rubtsova, O. V. (2023). Role-based experimentation of adolescents in the context of L. S. Vygotsky's ideas: Activity-based technology "Multimedia Theatre". *Cultural-Historical Psychology*, 19(2), 61–69. <https://doi.org/10.17759/chp.2023190208>. EDN: <https://elibrary.ru/GHKPIM>
10. Sukhov, A. O. (2022). Methodological aspects of the formation of theatre pedagogy. *Bulletin of Tomsk State Pedagogical University*, (2), 19–30. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-2-19-30>. EDN: <https://elibrary.ru/NBJFHC>
11. Takhokhov, B. A. (2019). Formation of students' ethnocultural competence in the context of globalization. *Bulletin of NSPU*, (4), 73–92. <https://doi.org/10.15293/2658-6762.1904.05>. EDN: <https://elibrary.ru/KIRLMJ>
12. Ahmed, J. (2016). Applied theatre and climate change in Bangladesh. In J. Hughes & H. Nicholson (Eds.), *Critical perspectives on applied theatre* (pp. 150–171). Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9781107587977.008>
13. Ahmed, S. J. (2000). *Acinpakhi infinity: Indigenous theatre of Bangladesh*. University Press Limited. 375 p.

14. Ahmed, S. J. (2021). Theatre traditions in Bangladesh. In *Oxford research encyclopedia of Asian history*. Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190277727.001.0001/acrefore-9780190277727-e-649>
15. Ansarey, D. (2020). Evolution of theatre in Bangladesh as a form of democracy: A post-war analysis. *International Journal of Innovation, Creativity and Change*, 14(11), 564–579.
16. Bangladesh Institute of Theatre Arts (BITA). (2020). *Annual report 2020*. BITA. Retrieved January 15, 2026, from <http://bitactg.org/wp-content/uploads/2021/09/BitA-Annual-.pdf>
17. Boal, A. (2008). *Theatre of the oppressed* (C. A. McBride, M.-O. L. McBride, & E. Fryer, Trans., 2nd ed.). Pluto Press. 184 p.
18. Dutta, S., & Chowdhury, M. (2019). Theatre in education: Connecting children with entertaining education. In B. Giannouli & M. Koukounaras-Liagkis (Eds.), *Theatre & performing arts in education: Utopia or necessity?* (pp. 552–555). Panellinio Diktyo gia to Theatro stin Ekpaideusi.
19. Fletcher-Watson, B. (2016). Learning through theatre: The changing face of theatre in education; Theatre in education in Britain: Origin, development and influence. *Research in Drama Education: The Journal of Applied Theatre and Performance*, 21(4), 590–592. <https://doi.org/10.1080/13569783.2016.1228451>
20. Goldstein, T. R., & Winner, E. (2012). Enhancing empathy and theory of mind. *Journal of Cognition and Development*, 13(1), 19–37. <https://doi.org/10.1080/15248372.2011.573514>
21. Lee, Y. (2015). Theatre for the less oppressed than I: Reconsidering Augusto Boal's concept of spect-actor. *Theatre Research International*, 40(2), 156–169. <https://doi.org/10.1017/S0307883315000036>
22. Munier, A., & Etherton, M. (2006). Child rights theatre for development in rural Bangladesh: A case study. *Research in Drama Education: The Journal of Applied Theatre and Performance*, 11(2), 175–183. <https://doi.org/10.1080/13569780600671047>
23. Nicholson, H. (2010). The promises of history: Pedagogic principles and processes of change. *Research in Drama Education: The Journal of Applied Theatre and Performance*, 15(2), 147–154. <https://doi.org/10.1080/13569781003700045>
24. Nicholson, H. (2011). *Theatre, education and performance*. Palgrave Macmillan. 214 p. <https://doi.org/10.1007/978-0-230-34502-7>
25. Nygren, C. (Ed.). (2009). *Theatre for development: Experiences from an international theatre project in Asia "Children's voice"*. Svensk Teaterunion — Swedish Centre of the ITI. 90 p.
26. Pervez, A., & Samadder, M. (2014). *An assessment of BRAC's popular theatre: Knowledge grounding and effects* (Research Report No. 41). Research and Evaluation Division, BRAC. 36 p.

27. UNESCO. (2025). *UNESCO framework for culture and arts education*. UNESCO. 93 p. <https://doi.org/10.54675/APCF2495>
28. UNESCO. (2023). *The future of culture and arts education: Highlights from the UNESCO multistakeholder dialogue (25–26 May 2023)*. Retrieved January 15, 2026, from <https://www.unesco.org/en/articles/future-culture-and-arts-education-highlights-unesco-multistakeholder-dialogue-25-26-may-2023>
29. Vygotsky, L. S. (2004). Imagination and creativity in childhood. *Journal of Russian and East European Psychology*, 42(1), 7–97. <https://doi.org/10.1080/10610405.2004.11059210>

Список литературы

1. Домникова, С. В., Никифорова, Е. А., Тащилкина, И. Ю., & Митрофанова, Л. М. (2022). *Обновление содержания дополнительного образования: примерные модели школьных театров*. Саратов: ГАУ ДПО «СОИРО». 80 с.
2. Климова, Т. А., Косинец, Е. И., & Никитина, А. Б. (2012). Театральная педагогика в современной школе. *Грани мастерства (театральная педагогика)*, 8(8). Получено с https://www.e-osnova.ru/PDF/osnova_17_8_2925.pdf
3. Климова, Т. А. (2023). Образовательный потенциал театрально-педагогических практик. *Психологическая наука и образование*, 18(3), 183–190. <https://doi.org/10.11621/npj.2023.0318>. EDN: <https://elibrary.ru/XHSFOO>
4. Кравцов, Г. Г., & Кравцова, Е. Е. (2019). Игра как зона ближайшего развития детей дошкольного возраста. *Психолого-педагогические исследования*, (4), 5–21. <https://doi.org/10.17759/psyedu.2019110401>. EDN: <https://elibrary.ru/DVYGGQ>
5. Крук, Д. С. (2022). История развития детского театра в России. *Культура и образование*, (1), 49–60.
6. Никитина, А. Б. (2019). Театральная педагогика в образовании в России и за рубежом. *Школьные технологии*, (5), 47–51. EDN: <https://elibrary.ru/BVDH GK>
7. Никитина, А. Б. (2024). Школьный театр как образовательный инструмент. *Управление культурой*, (2), 17–24. EDN: <https://elibrary.ru/MEBSEU>
8. Посакалова, Т. А. (2021). История развития театральных практик в образовании: зарубежный и отечественный опыт. *Современная зарубежная психология*, 10(2), 96–104. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2021100210>. EDN: <https://elibrary.ru/YUNHAM>
9. Рубцова, О. В. (2023). Ролевое экспериментирование подростков в контексте идей Л. С. Выготского: деятельностная технология «Мультимедиа-театр». *Культурно-историческая психология*, 19(2), 61–69. <https://doi.org/10.17759/chp.2023190208>. EDN: <https://elibrary.ru/GHKPIM>

10. Сухов, А. О. (2022). Методологические аспекты становления театральной педагогики. *Вестник Томского государственного педагогического университета*, (2), 19–30. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-2-19-30>. EDN: <https://elibrary.ru/NBJFHC>
11. Тахохов, Б. А. (2019). Формирование этнокультурной компетентности учащихся в контексте глобализации. *Вестник НГПУ*, (4), 73–92. <https://doi.org/10.15293/2658-6762.1904.05>. EDN: <https://elibrary.ru/KIRLMJ>
12. Ahmed, J. (2016). Applied theatre and climate change in Bangladesh. В J. Hughes & H. Nicholson (Ред.), *Critical perspectives on applied theatre* (pp. 150–171). Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9781107587977.008>
13. Ahmed, S. J. (2000). *Acinpakhi infinity: Indigenous theatre of Bangladesh*. University Press Limited. 375 p.
14. Ahmed, S. J. (2021). Theatre traditions in Bangladesh. В *Oxford research encyclopedia of Asian history*. Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190277727.001.0001/acrefore-9780190277727-e-649>
15. Ansarey, D. (2020). Evolution of theatre in Bangladesh as a form of democracy: A post-war analysis. *International Journal of Innovation, Creativity and Change*, 14(11), 564–579.
16. Bangladesh Institute of Theatre Arts (BITA). (2020). *Annual report 2020*. BITA. Получено 15 января 2026 г. с <http://bitactg.org/wp-content/uploads/2021/09/Bita-Annual-.pdf>
17. Boal, A. (2008). *Theatre of the oppressed* (C. A. McBride, M.-O. L. McBride, & E. Fryer, Пер., 2-е изд.). Pluto Press. 184 p.
18. Dutta, S., & Chowdhury, M. (2019). Theatre in education: Connecting children with entertaining education. В B. Giannouli & M. Koukounaras-Liagkis (Ред.), *Theatre & performing arts in education: Utopia or necessity?* (pp. 552–555). Panellinio Diktyo gia to Theatro stin Ekpaideusi.
19. Fletcher-Watson, B. (2016). Learning through theatre: The changing face of theatre in education; Theatre in education in Britain: Origin, development and influence. *Research in Drama Education: The Journal of Applied Theatre and Performance*, 21(4), 590–592. <https://doi.org/10.1080/13569783.2016.1228451>
20. Goldstein, T. R., & Winner, E. (2012). Enhancing empathy and theory of mind. *Journal of Cognition and Development*, 13(1), 19–37. <https://doi.org/10.1080/15248372.2011.573514>
21. Lee, Y. (2015). Theatre for the less oppressed than I: Reconsidering Augusto Boal's concept of spect-actor. *Theatre Research International*, 40(2), 156–169. <https://doi.org/10.1017/S0307883315000036>
22. Munier, A., & Etherton, M. (2006). Child rights theatre for development in rural Bangladesh: A case study. *Research in Drama Education: The*

- Journal of Applied Theatre and Performance*, 11(2), 175–183. <https://doi.org/10.1080/13569780600671047>
23. Nicholson, H. (2010). The promises of history: Pedagogic principles and processes of change. *Research in Drama Education: The Journal of Applied Theatre and Performance*, 15(2), 147–154. <https://doi.org/10.1080/13569781003700045>
 24. Nicholson, H. (2011). *Theatre, education and performance*. Palgrave Macmillan. 214 p. <https://doi.org/10.1007/978-0-230-34502-7>
 25. Nygren, C. (Ed.). (2009). *Theatre for development: Experiences from an international theatre project in Asia “Children’s voice”*. Svensk Teaterunion — Swedish Centre of the ITI. 90 p.
 26. Pervez, A., & Samadder, M. (2014). *An assessment of BRAC’s popular theatre: Knowledge grounding and effects* (Research Report No. 41). Research and Evaluation Division, BRAC. 36 p.
 27. UNESCO. (2025). *UNESCO framework for culture and arts education*. UNESCO. 93 p. <https://doi.org/10.54675/APCF2495>
 28. UNESCO. (2023). *The future of culture and arts education: Highlights from the UNESCO multistakeholder dialogue (25–26 May 2023)*. Получено 15 января 2026 г. с <https://www.unesco.org/en/articles/future-culture-and-arts-education-highlights-unesco-multistakeholder-dialogue-25-26-may-2023>
 29. Vygotsky, L. S. (2004). Imagination and creativity in childhood. *Journal of Russian and East European Psychology*, 42(1), 7–97. <https://doi.org/10.1080/10610405.2004.11059210>

DATA ABOUT THE AUTHOR

Sarmin Sultana, Postgraduate Student, Department of Cultural Studies, Institute of Social and Humanitarian Education
Moscow Pedagogical State University
 1, Bldg. 1, Malaya Pirogovskaya Str., Moscow, 119435, Russian Federation
sarminsultanarasha@yandex.com

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Султана Сармин, аспирантка, кафедра культурологии, институт социально-гуманитарного образования
Московский педагогический государственный университет
 ул. Малая Пироговская, 1, стр. 1, г. Москва, 119435, Российская Федерация
sarminsultanarasha@yandex.com

Поступила 05.05.2026

После рецензирования 02.06.2026

Принята 10.06.2026

Received 05.05.2026

Revised 02.06.2026

Accepted 10.06.2026

Теория и история культуры, искусства / Theory and History of Culture, Art

Научная статья

DOI: [10.12731/2576-9782-2026-10-2-336](https://doi.org/10.12731/2576-9782-2026-10-2-336)

EDN: [HYIGLN](https://hyigln.ru)

УДК 781.6+82-146.2

Original article

Дихотомичность¹ образов «возвышенное – земное» поэзии С. Есенина в романах Д. Котылева

В.Л. Бойко

*Сибирский государственный институт искусств
имени Дмитрия Хворостовского, Красноярск, Российская Федерация*

Аннотация

Обоснование. На сегодняшний момент достаточно остро стоит вопрос о сохранении и «переиздании» отечественных культурных традиций. В рамках данного процесса находится и ряд мероприятий, связанных с сохранением творческого наследия российских поэтов, музыкантов, художников. Одним из таких культурных проектов в России стал прошедший в 2025 году фестиваль, посвященный 130-летию со дня рождения С. Есенина. Весомым вкладом в процесс сохранения творческого наследия поэта является и создание современными композиторами музыкальных произведений на стихи С. Есенина.

Цель - изучить характерные приемы композиторского письма камерно-вокального творчества Д. Котылева, раскрывающие дихотомичность образов и музыкальность поэзии С. Есенина.

Методология. Материалом для исследования являются вокальные сочинения красноярского композитора Д. Котылева на стихи Сергея Есенина «Мне осталась одна забава...» и «Вечером синим». Метод изучения опирается на синтез музыкально-теоретических и исторических методов исследования.

Результаты. Два романа на стихи С. Есенина – «Мне осталась одна забава...» и «Вечером синим» – современного красноярского композитора Д. Котылева – посвящены композиторам Д. Пименову и Ю. Шибанову. Обращение красноярского автора к позднему, наиболее противоречивому, творческому периоду русского поэта предопределило и поиск композитором особых форм и средств музыкальной выразительности. Следуя логике развертывания драматургии художественного образа и чутко улавливая малейшие изменения в поэтическом настроении, Д. Котылев пред-

¹ Дихотомия – термин происходит от греческого «dichotomia», что означает «раздвоенность» или «разделение надвое».

стает не только как композитор, но и как режиссер. В этом ракурсе автор романсов продолжает лучшие традиции русской камерно-вокальной лирики, начало которым было положено А. Даргомыжским, М. Мусоргским и продолжилось в дальнейшем в творчестве И. Стравинского, С. Прокофьева, Г. Свиридова.

Умело выстраивая процесс работы со словом, филигранно считывая весь психологический подтекст «исторического периода» создания поэтом стихотворений, используя индивидуальные творческие приемы построения композиции (а также детали сценографии), автору романсов удастся создать философски осмысленный, музыкально-художественный образ, раскрывающий дихотомичность поэзии С. Есенина.

Выводы. Изучив романсы красноярского композитора Д. Котылева отмечаем:

- 1) автору романсов удастся наиболее полно раскрыть «психологический» аспект поэзии С. Есенина, «...изображая природу ...России как музыкальную стихию»;
- 2) композитор умело пользуется многослойной палитрой современных музыкально-художественных средств, формируя обновленное акустическое пространство;
- 3) обновление акустического пространства связано с композиторской техникой «подсветки» фактуры, «колорования» тембров, расширением концепта «музыка и слово» - когда текстом становятся звуки человеческого голоса – свист, вздохи и другое;
- 4) вокальное творчество красноярского автора романсов есть один из многообразных подходов в процессе сохранения поэтического наследия русского поэта, соответствующее современному музыкальному контексту.

Ключевые слова: романс; взаимодействие слова и музыки; красноярские композиторы; музыкально-художественный образ

Для цитирования. Бойко, В. Л. (2026). Дихотомичность образов «возвышенное – земное» поэзии С. Есенина в романсах Д. Котылева. *Russian Studies in Culture and Society / Российские исследования. Культура и общество*, 10(2), 141-157. <https://doi.org/10.12731/2576-9782-2026-10-2-336>

Dichotomy of images «sublime – earthly» of S. Esenin's poesy in romances by D. Kotylev

V.L. Boiko

*Dmitri Hvorostovsky Siberian State Academy of Arts, Krasnoyarsk,
Russian Federation*

Abstract

Background. The preservation and re-publication of Russian cultural traditions is a pressing issue today. This process includes a number of activities related to preserving

the creativity of Russian poets, musicians, and artists. One such cultural project in Russia was the 2025 festival dedicated to the 130th anniversary of Sergei Yesenin's birth. Contemporary composers' creation of musical works based on Yesenin's poems also makes a significant contribution to preserving the poet's creativity.

Purpose of this study is to explore the characteristic compositional techniques of D. Kotylev's chamber-vocal works in interaction with words, revealing the dichotomous of Sergei Yesenin's poetry.

Methodology. The material for this study is the vocal compositions of Krasnoyarsk composer D. Kotylev based on Sergei Yesenin's poems "I Have Only One Amusement Left..." and "On a Blue Evening". Method of the study is based on the synthesis of music-theoretical and historical musicology research method.

Results. Two romances based on poems by Sergei Yesenin, "I Have Only One Amusement Left..." and "On a Blue Evening," by contemporary Krasnoyarsk composer D. Kotylev, are dedicated to the composers D. Pimenov and Yu. Shibyanov. The Krasnoyarsk composer's revisitation of the Russian poet's late, most controversial creative period predetermined the composer's search for unique forms and means of musical expression. Following the logic of the unfolding dramaturgy of the artistic image and sensitively capturing the slightest changes in the poetic mood, D. Kotylev emerges not only as a composer but also as a director. In this perspective, the author of the romances continues the finest traditions of Russian chamber vocal lyricism, which were initiated by A. Dargomyzhsky and M. Mussorgsky and continued in the works of I. Stravinsky, S. Prokofiev, and G. Sviridov.

By skillfully constructing the process of working with words, filigree reading the entire psychological subtext of the "historical period" of the poet's creation of poems, using individual creative techniques for constructing a composition (as well as details of scenography), the author of romances manages to create a philosophically meaningful, musical and artistic image that reveals the dichotomy of S. Yesenin's poetry.

Conclusion. Having studied the romances of Krasnoyarsk composer D. Kotylev we note:

- 1) the author of romances manages to fully reveal the "psychological" aspect of Sergei Yesenin's poetry "...depicting the nature of Russia as a musical unstoppable force";
- 2) the composer skillfully uses a multi-layered palette of modern musical and artistic means, creating a renewed acoustic space;
- 3) the renewal of the acoustic space is connected with the composer's technique of "illuminating" the texture, "coloring" the timbres, expanding the concept of "music and words" - when the sounds of the human voice - whistles, sighs, etc. - become the text;
- 4) the vocal creativity of the Krasnoyarsk author of romances is one of the diverse approaches in the process of preserving the poetic heritage of the Russian poet, corresponding to the modern musical context.

Keywords: romance; connection between word and music; Krasnoyarsk's composers; musical-art image

For citation. Boiko, V. L. (2026). Dichotomy of images «sublime – earthly» of S. Esenin's poesy in romances by D. Kotylev. *Russian Studies in Culture and Society*, 10(2), 141-157. <https://doi.org/10.12731/2576-9782-2026-10-2-336>

Введение

В отечественной литературе трудно, наверное, найти другого такого поэта, который вызывал бы настолько разные, а порой даже и полярные суждения современников, исследователей, филологов и просто любителей поэзии. Так, М. Пьяных отмечает: «Есенина называли одновременно и ... „цветком неповторимым”, и „беспутным гением”» [10, с. 175]. Творчество С. Есенина чрезвычайно музыкально, а лирические образы, рожденные в поэтических строках, удивительно пластичны и ритмичны одновременно – все это, пожалуй, и является основанием постоянного и столь пристального внимания к его творчеству как композиторов академических жанров *серьезной* музыки, так и авторов, работающих в различных направлениях *поп*-музыки. На стихи поэта написано свыше трехсот песен и романсов [5].

Взаимодействие поэзии Есенина с музыкой, работа композиторов с поэтическим словом русского поэта уже рассматривалась в работах исследователей его творчества, назовем лишь несколько из них – Ю.А. Южакова («Особенности мировосприятия С.А.Есенина, отраженные в его поэтическом языке», 2024), А.В. Сухов («Музыкальные образы в творчестве С.А. Есенина: мифопоэтика и контекст», 2017), Г.Р. Бойко («Вокальное творчество Ростислава Бойко: четыре стихотворения на стихи С. Есенина», 2024) и другие.

Камерно-вокальные произведения красноярского композитора Д. Котылева до сих пор получили лишь концертно-исполнительскую интерпретацию и не были представлены в теоретических трудах исследователей.

Цель исследования – изучить характерные приемы композиторского письма камерно-вокального творчества Д. Котылева во взаимодействии со словом, раскрывающие дихотомичность образов и музыкальность поэзии С. Есенина.

Материалом для исследования являются вокальные сочинения

красноярского композитора Д. Котылева на стихи Сергея Есенина «Мне осталась одна забава...» и «Вечером синим».

Методы исследования связаны с комплексным подходом к изучению рассматриваемых музыкальных произведений. В этой связи был сделан акцент на синтезе музыкально-теоретических и исторических методов исследования.

В процессе создания произведений камерно-вокальной лирики выбор стихотворения-первоисточника играет важную роль. «Выхватывая, выделяя из множества поэтических источников те или иные тексты-константы, пригодные для реального омузыкаливания, – отмечает Дурандина Е.Е. – именно музыка порой делает эти поэтические строки подлинными памятниками художественной культуры своего времени» [4, с. 4].

К позднему творчеству русского поэта обратился современный композитор Дмитрий Котылев¹, чье музыкальное прочтение стихотворения С. Есенина «Мне осталась одна забава...» (из цикла «Москва кабацкая»), обрело черты музыкальной версии стихотворного текста.

«Мне осталась одна забава:	Розу белую с черною жабой
Пальцы в рот – и веселый свист	Я хотел на земле повенчать.
Прокатилась дурная слава	Пусть не сладились, пусть не сбылись
Что похабник я и скандалист	Эти помыслы розовых дней.
Ах! Какая смешная потеря!	Но коль черти в душе гнездились -
Много в жизни смешных потерь	Значит, ангелы жили в ней.
Стыдно мне, что я в Бога верил	Вот за это веселие мути,
Горько мне, что не верю теперь	Отправляясь с ней в край иной,
Золотые далекие дали!	Я хочу при последней минуте
Все сжигает житейская мреть.	Попросить тех, кто будет со мной, -
И похабничал я, и скандалил	Чтоб за все за грехи мои тяжкие,
Для того, чтобы ярче гореть	За неверие в благодать
Дар поэта - ласкать и карябать,	Положили меня в русской рубашке
Роковая на нем печать.	Под иконами умирать» [5, с.140]

¹ Котылев Дмитрий Евгеньевич – композитор, член Красноярской региональной организации Всероссийской общественной организации «Союз композиторов России», проживает в Томске. Плодотворно работает во многих жанрах академической музыки. Наибольшее количество произведений представлено в области камерно-инструментальной и камерно-вокальной музыки.

В поэтических строках русского поэта «..под аккомпанемент гармоники и гитары, – как пишет исследователь Сухов А.В. – разыгрывается трагедия лирического героя, ...раскрывающая внутренний мир через взаимодействие с его двойником-музыкантом» [14, с. 4]). Воплощение дихотомии художественных образов стихотворения, в котором всплывающие жизненные воспоминания подобно вспышкам пронзают чувства и мысли поэта, потребовало поиска композитором особенных средств выразительности и новой формы воплощения. Д. Котылев называет свое сочинение не романс, а «синтетическая вокально-драматическая сцена». И в этой сцене он становится не только автором музыки, но и режиссером всего «мини-спектакля». Произведение посвящено композитору Д. Пименову и написано для солиста, хора и фортепиано (см. пример 1), но может исполняться и без участия хора (в дальнейшем рассматривается версия солист+фортепиано).

Пример 1

Moderato Буйно *Коричневый свет на сцене. В зале темно. Пахнет женщинами и вином. Зрители сидят на белых холщовых креслах. У них заготовлена просфора (хлеб), замоченная в нагаре (вино).*
Выходит Поэт (Образ Есенина). Пьяный. Сидит (сидит из-за сцены).
Пританцовывает.
(Фортепиано (оркестр, ансамбль) и хор находятся за сценой).

Тенор (соло) *с весёлой горечью*
 ☐ Синт rubato *Мне ос-*

Сопрано

Альты

Тенора

Басы

Фортепиано *сильно* *цыганочка (танец)*
 ☐ Синт rubato *Con Ped.* *simile*

☼ Сочинение написано для певца и композитора Дмитрия Пименова.

☼ Сочинение может исполняться без хора.

В партитуре музыкального произведения достаточно скрупулезно проставлены сценические ремарки для исполнителей. Помимо этого даются пояснения и к сценографии, по оформлению определенного театрального «света на сцене». (*Нечто подобное в истории музыки встречалось в творчестве А.Н. Скрябина при исполнении симфонической поэмы–мистерии «Прометей», где «партия света» как равноправного участника всего музыкально-симфонического действия прилагалась к нотной партитуре.* – прим. В.Б.)

В начале сцены Поэт (образ Есенина) должен выйти «пританцовывая» под свист. Здесь стоит отметить, что современными композиторами в работе со «словом» применяется не только «озвучивание» текста, но и появление некоторых структур, которые собственно не являются текстом. Новый подход с созданием вокальной музыки связан «...со взглядами на слово как на самостоятельную семантическую структуру, а не пассивный объект музыкальной интерпретации» [13, с. 4]. Вот как о таких элементах композиторской практики пишет Мельникова Е.В.: «В некоторых композициях новейшего периода «словом» ...может ...быть текст, состоящий из междометий, отдельных фонем, или даже непроизносимых слов. А также – предполагающий различные словесные и внесловесные проявления человеческого голоса: крик, смех, плач, мычание, рычание, кашель, стоны, свист, вздохи и другие звуки» [8, с. 5].

Поскольку композитор Д. Котылев предпосылал и более демократичный вариант (возможно исполнение и без свиста – *ремарка композитора*), автор статьи предлагает несколько другое исполнительское решение: в условиях, когда нет театрального света и представление романа происходит на академической сцене, вместо свиста – фортепианное *глитсандо* через всю клавиатуру сверху-вниз прямо в первый аккорд в басу.

«Считывание» малейших нюансов поэтического слова и изменений настроения Поэта очень чутко улавливаются композитором. Примером этому может служить работа с фразой «...стыдно мне, что я в Бога верил, горько мне, что не верю теперь!» Так, после слов «...стыдно мне, что я в Бога верил...» буквально на один такт воз-

никает образ церковного песнопения – партия рояля «*молитвенно*» как указывает автор романа (*пример 2*) - и в контрасте врывается следующая фраза «Горько мне, что не верю теперь...».

Пример 2

Бьёт себя в грудь, как мытарь.

покаянно

Т.(соло)

8

15

терь. Стыд-но мне, что я в бо-га ве-рил. Горь-ко мне, что не ве-рю те-

Ф-но

15

МОЛИТВЕННО
(один такт)

mf

Обращение Есенина в этом стихотворении к идее «миссии Поэта на земле», к поискам его места в мире, как отмечает сам поэт, заканчиваются обычно в «кабаке», а меняющиеся настроения при этом подобны «взрывам». Автор романа следует за поэтической логикой стихотворных строк. Так, фраза «Золотые, далёкие дали!» должна быть исполнена светло на *piano*. Над следующими за ней поэтическими строчками «Все сжигает житейская мреть! / И похабничал я и скандалил / Для того, чтобы ярче гореть» автор музыки делает ремарку – «с агрессией» и *ff*.

Изменение темпа – *Meno mosso* – связано с появлением среднего раздела. Он написан в лирическом повествовательном ключе.

Интересное решение композитором найдено и для исполнения фразы, дихотомичность образов которой является своего рода творческим манифестом поэта – «Но коль черти в душе гнездились – Значит, ангелы жили в ней». Для солиста-вокалиста выписаны даже жесты – «пальцы делают знак „коза”», движения – «быстро сделать полукруг руками», в партии фортепиано – ремарка «танцевально», появление форшлагов на словах «Но коль черти...».

Пример 3

6

Мне остался одна забава

Светло-розовый свет.
Плещет розею
и веселым ветром.

*Просветлевший взгляд. Глаза смотрят в небеса
(голова наклонена чуть вверх).*

середь Поэта

Meno mosso Светло

Т.(соло)

ре-ть. Дар по - э - та-лакать и ка - ря - бать, ро-ко -

Ф-но

legato poco dim.

Свете Тихий

pp

tr Сильно!

tenuto

Пример 4

Пальцы делают знак "коза"
(2й и 5й пальцы торчат вверх, остальные загнуты.
1й палец накладывается на 3й и 4й).
Вначале "коза" повернута ладонями к себе (вовнутрь),
потом - ладонями к зрителям (наружу).
Также можно отбить ногами ритм вокальной партии
(41й и 2е доли 42го такта).

*Быстро делает крюк (полукруг) руками вниз.
"Коза" превращается в - - -*

Восторженно!!!

T. (со́ло)

Ф-но

танцевально

sub.

Allegretto

Далее следует развернутая фортепианная интерлюдия, состоящая из мелодии, изложенной аккордами в правой руке, которую «накрывает» изобилующая пассажами из шестнадцатых партия левой руки. Это кульминация всего номера. Солист в это время не поет, но его действия на сцене регламентированы.

Руки, голова и глаза распростёрты к небесам (смотрят прямо наверх). Поэт обнимает Небо. Ладони "открыты", голова наклонена 90% к потолку, из глаз проступают слёзы Счастья.

The first system of the musical score for 'The Song of the Nightingale' features a treble and bass staff. The treble staff begins with a treble clef, a key signature of three sharps (F#, C#, G#), and a common time signature (C). It contains a series of chords and single notes, including a whole note chord in the first measure, a half note chord in the second, and a quarter note chord in the third. The bass staff begins with a bass clef and contains a series of eighth notes, with a '6' indicating a sextuplet in the first measure. The system concludes with a double bar line.

Окончание этой сцены решено почти в сакральном ключе. В темноте, уходя, почти шепотом Поэт произносит *без пения*: «Положили меня в русской рубашке / Под иконами умирать». (см. пример 6) «...Перед нами зримая картина невыразимой печали и усталости от жизни» [9, с. 167].

Музыкальный фрагмент из оперы «Воскресение» А. Г. Шостаковича. Фрагмент включает вокальные партии (сопрано, альт, тенор, бас) и фортепиано. Текст песни на русском языке: «дать по-ло-жи-ли ме-ня в рус-ской ру-баш-ке под и-ко-ня-ми у-ми-рать.» и «Прекрасие, венчаніе Поэта со Христом».

В композиторской практике умелое владение техникой композиторского письма, современный интонационный язык, чуткое отношение к поэтическому слову – это не единственные, но те необходимые «инструменты» для творчества композитора, помогающие создать глубокий музыкально-художественный образ, выражающий «...дух страны, в которой он родился, его любовь, его веру и мысли...» [11, с.145].

Обратимся к рассмотрению еще одного романа композитора на стихи С. Есенина – «Вечером синим...». Это сочинение Д. Ко-

тылев посвятил своему учителю – новосибирскому композитору Ю.И. Шибанову.

Изысканная миниатюра поэта уместилась всего в шесть строк:

«Вечером синим, вечером лунным
Был я когда-то красивым и юным.
Неудержимо. Неповторимо
Все пролетело...далече...мимо...
Сердце остыло, и выпвели очи...
Синее счастье! Лунные ночи!»[3, с. 146].

Но как замечает исследователь Ю. Южакова: «Поэтическая картина мира у С.А. Есенина почти всегда содержит многоплановую характеристику...» [17, с. 62]. Стихотворная форма предопределила музыкальную композицию романса, следуя за словом, композитор передает внутренние состояния поэта. И как тонко удалось Д. Котылеву передать музыкально-поэтическую атмосферу, в которой «воспоминания и светлые образы юности тесно переплетаются с плачем человеческой души» [1, с. 104].

Пример 7

Moderato sostenuto Светло...

Тенор (соло) * *mp* Ве - че - ром си - ним,

Синяя дымка...

Фортепиано * *mp legato* *simile* *con Ped. simile*

Данное сочинение (также как и предыдущий романс) может исполняться в двух версиях: 1) солист, хор, фортепиано (при этом хор, исполняющий вокализ на различных звуках – «м», «о», «а» – подчеркивает как бы имманентную связь героя со временем), 2) и в более «демократичной версии» – солист и фортепиано (в статье рассматривается второй вариант).

Небольшое фортепианное вступление создает атмосферу вечера, окутанного синей дымкой (см. пример 7):

Поэтическая строфа «Неудержимо, неповторимо...», передающая волнующие образы юности, находит отражение и в партитуре романса. В этом разделе композитор намеренно изменяет темп движения (в партитуре романса – *piu mosso*). Партия солирующего тенора, поддерживаемая аккордами и насыщенными пассажами фортепианной партии, усиливающими звучание, приводит к кульминации (фраза «Синее счастье!», *пример 8*).

Пример 8

Meno mosso Счастливо!..
Штрихи *sim.*

26 sub. *ff*

Т. (соло)

Си - не - е счастье - е!

26 sub. *ff*

Ф-но

Автору романса становится как будто бы недостаточно возможностей фортепиано для создания нового звукового пространства. «Фортепиано с темперированным строем, – как пишет Смирнова Н.М. – не всегда становится удобным инструментом для выражения художественных образов современных композиций, определяющих новую концепцию акустического пространства» [12, с. 37]. Фортепианная партия, исполняемая в быстром темпе шестнадцатыми на предельной звучности – от *ff* до *fff* – стремится «разорвать» пространство.

Мир как единое целое, как поэтический образ «возвышенного и земного» стал раскачиваться как маятник. И как замечает в своей статье А.А. Сынах: «...стало <...> трудно жить одновременно по двум зако-

нам – абсолютной красоты и по циничным житейским законам, находится в двух стихиях – мире воображаемом и мире реальном» [см. 15].

Фортепианная постлюдия (пример 9), обрамляющая вокальную миниатюру, «...помогает представить музыкально-поэтический образ во всей его полноте благодаря изобразительным приемам...» [16, с. 32]. Холодный и слегка отстраненный образ лунной ночи прорисован удаленными друг от друга регистрами фортепиано, динамическим указанием в нижней точке амплитуды звучания рояля от *pp* до *ppp*, ремаркой в партитуре романса – «необходимо исполнить в состоянии «уходя в небытие...». Все используемые автором романса выразительные приемы на фоне «исчезающей» в *diminuendo* партии фортепиано (на *ppp*) – подчеркивают призрачность лунного света, состояние опустошенности и разочарования. «...Перед нами зримая картина невыразимой печали и усталости от жизни».

Пример 9

Tempo I Пустота

Уходя в небытие...

Заключение

Исследовав романсы Д. Котылева на стихи С. Есенина, отмечаем следующее:

1) при обращении автора романсов к определенным поэтическим строкам С. Есенина, обусловленном тем, что «...он нашел в них свою музыку» [2, с. 38], – композитору удастся раскрыть тончайшие нюансы психологического подтекста поэзии русского поэта;

2) умелое владение техникой композиторского письма – «подсветка» фактуры, флюидное «колорование» тембров, чуткое отношение к поэтическому слову – это те слагаемые, которые позволяют композитору создать философски осмысленный и достаточно глубокий музыкально-художественный образ, хотя и не лишенный противоречий;

3) современный достаточно разнообразный интонационный язык красноярского композитора позволяет сформировать обновленное акустическое пространство;

4) одним из слагаемых обновления акустического пространства является композиторская техника взаимодействия «слова» с музыкальным началом, «...когда концепт «музыка и слово» ...на практике значительно расширяется» [8, с. 10];

5) Д. Котылев – композитор, музыкальное творчество которого, в данном случае, выступает «...одним из многообразных подходов в осмыслении духовной сущности человека» [18, с. 466]. Это композитор – способный анализировать действительность, умеющий найти особые формы и средства выразительности, соответствующие современному музыкальному контексту.

Вместо послесловия

В прошедшем 2025 году в рамках сохранения поэтического наследия С. Есенина в России прошел ряд культурных и творческих мероприятий, посвященных 130-летию со дня рождения поэта. Весомым вкладом в процесс сохранения отечественных культурных традиций является и создание современными композиторами музыкальных произведений на стихи С. Есенина. Известный советский музыковед-исследователь Асафьев Б.В. как то заметил, что сочинение и исполнение музыки есть «прежде всего реалистически обоснованный отбор средств, с необходимостью изобретения новых технических возможностей, логически вытекающих из предшествующего опыта мастеров» [2, с. 197]. Романсы красноярского композитора Д. Котылева на стихи С. Есенина являются одним из ярких примеров этому. Автору музыки удастся полностью донести свой творческий замысел современными музыкальными средствами выразительности, не потеряв связь с традициями мастеров прошлых лет.

Список литературы

1. Алексеева, А. А. (2015). «Москва кабацкая» С. А. Есенина как художественное единство. *Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова*, (3), 103–106. EDN: <https://elibrary.ru/UCKTIZ>
2. Асафьев, Б. В. (1982). *О музыке XX века*. Ленинград: Музыка. 200 с.
3. Бойко, Г. Р. (2024). Вокальное творчество Ростислава Бойко: четыре стихотворения на стихи С. Есенина. *Актуальные проблемы высшего музыкального образования*, (1), 36–43. <https://doi.org/10.26086/NK.2024.72.1.006>. EDN: <https://elibrary.ru/WGNPHD>
4. Дурандина, Е. Е. (2002). *Камерные вокальные жанры в русской музыке XIX–XX веков: историко-стилевые аспекты* [Автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора искусствоведения]. Москва. 52 с. EDN: <https://elibrary.ru/ONUQXJ>
5. Есенин, С. А. (1991). *Собрание сочинений: в 2 т. Т. 1: Стихотворения. Поэмы* / Слово о поэте Ю. В. Бондарева; сост., вступ. ст. и коммент. Ю. Л. Прокушева. Москва: Сов. Россия: Современник. 480 с. ISBN 5-268-00100-0
6. Котылев, Д. Е. (2025). *Вечером синим...* [Ноты]. Рукопись.
7. Котылев, Д. Е. (2025). *Мне осталась одна забава...* [Ноты]. Рукопись.
8. Мельникова, Е. В. (2022). «Музыка и слово»: новые формы взаимодействия в творчестве композиторов второй половины XX — начала XXI веков [Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата искусствоведения]. Екатеринбург. 27 с. EDN: <https://elibrary.ru/BGIWTF>
9. Мур, Дж. (1987). *Певец и аккомпаниатор*. Москва: Радуга. 167 с.
10. Пьяных, М. Ф. (1995). Трагический Есенин. *Нева*, (10), 175–182.
11. Рахманинов, С. (1978). *Литературное наследие: в 3 т. Т. 1*. Москва: Советский композитор. 145 с.
12. Смирнова, Н. М. (2022). Фортепианная музыка второй половины XX века: реалии современной интерпретации. В *Актуальные проблемы современного композиторского творчества: материалы V Всероссийской научной конференции, 28 ноября 2022 г.* (с. 32–37). Красноярск: СГИИ имени Д. Хворостовского. EDN: <https://elibrary.ru/INPQPW>
13. Степанова, И. И. (1999). *Слово и музыка. Дialeктика семантических связей* [Автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора искусствоведения]. Москва. 39 с. EDN: <https://elibrary.ru/KOMMHZ>
14. Сухов, А. В. (2017). *Музыкальные образы в творчестве С. А. Есенина: мифопоэтика и контекст* [Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук]. Нижний Новгород. 18 с. EDN: <https://elibrary.ru/ZQFENL>
15. Сынах, А. А. (б. д.). *Поэзия С. А. Есенина и философия: точки соприкосновения*. Получено с <https://esenin-lit.ru/esenin/kritika/synah-poeziya-esenina-i-filosofiya.htm> (дата обращения: 12.01.2026)

16. Чайкин, С. Г., Бойко, В. Л., Илясова, Л. А., Кусакина, В. Г., Прыгун, Е. В. (2014). Певческий голос – фортепиано: особенности ансамблевого объединения. В *Концертное ансамблевое искусство: учебное пособие для студентов специалитета по направлению 53.05.01 «Искусство концертного исполнительства»* (с. 24–33). Красноярск.
17. Южакова, Ю. А. (2024). Особенности мировосприятия С. А. Есенина, отражённые в его поэтическом языке. *Мир русского слова*, (1), 55–63. <https://doi.org/10.21638/spbu30.2024.106>. EDN: <https://elibrary.ru/QJATXA>
18. Boiko V.L., Chaikin S.G. (2014). Communicative Space “Composer-Performer” as an Important Factor of Creating a Modern Musical Interpretation. *Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 7(3), 462–466. EDN: <https://elibrary.ru/RVELDP>

References

1. Alekseeva, A. A. (2015). “Moskva kabatskaya” by S. A. Yesenin as an artistic unity. *Vestnik KGU im. N. A. Nekrasova*, (3), 103–106. EDN: <https://elibrary.ru/UCKTIZ>
2. Asafiev, B. V. (1982). *On the Music of the 20th Century*. Leningrad: Muzyka. 200 pp.
3. Boyko, G. R. (2024). Vocal works of Rostislav Boyko: Four poems to the verses by S. Yesenin. *Actual Problems of Higher Musical Education*, (1), 36–43. <https://doi.org/10.26086/NK.2024.72.1.006>. EDN: <https://elibrary.ru/WGNPHD>
4. Durandina, E. E. (2002). *Chamber Vocal Genres in Russian Music of the 19th–20th Centuries: Historical and Stylistic Aspects* [Doctoral dissertation, abstract]. Moscow. 52 pp. EDN: <https://elibrary.ru/ONUQXJ>
5. Yesenin, S. A. (1991). *Collected Works: in 2 vols. Vol. 1: Poems and Poems / Word about the poet* by Yu. V. Bondarev; compiled, introductory article and comments by Yu. L. Prokushev. Moscow: Sovetskaya Rossiya: Sovremennik. 480 pp. ISBN 5-268-00100-0
6. Kotylev, D. E. (2025). *In the Blue Evening...* [Sheet music]. Manuscript.
7. Kotylev, D. E. (2025). *I Have Only One Pastime Left...* [Sheet music]. Manuscript.
8. Melnikova, E. V. (2022). “Music and Word”: New Forms of Interaction in the Works of Composers of the Second Half of the 20th — Early 21st Centuries [Candidate dissertation, abstract]. Yekaterinburg. 27 pp. EDN: <https://elibrary.ru/BGIWTF>
9. Moore, J. (1987). *The Singer and the Accompanist*. Moscow: Raduga. 167 pp.
10. Pyanikh, M. F. (1995). The tragic Yesenin. *Neva*, (10), 175–182.
11. Rachmaninoff, S. (1978). *Literary Heritage: in 3 vols. Vol. 1*. Moscow: Sovetskiiy Kompozitor. 145 pp.
12. Smirnova, N. M. (2022). Piano music of the second half of the 20th century: Realities of modern interpretation. In *Actual Problems of Contemporary Compositional Creativity: Proceedings of the 5th All-Russian Scientific Conference*,

- November 28, 2022 (pp. 32–37). Krasnoyarsk: D. Khvorostovsky Siberian State Institute of Arts. EDN: <https://elibrary.ru/IHPQPW>
13. Stepanova, I. I. (1999). *Word and Music: Dialectics of Semantic Connections* [Doctoral dissertation, abstract]. Moscow. 39 pp. EDN: <https://elibrary.ru/KOMMHZ>
 14. Sukhov, A. V. (2017). *Musical Images in the Works of S. A. Yesenin: Mythopoeitics and Context* [Candidate dissertation, abstract]. Nizhny Novgorod. 18 pp. EDN: <https://elibrary.ru/ZQFENL>
 15. Synakh, A. A. (n.d.). *Poetry of S. A. Yesenin and Philosophy: Points of Convergence*. Retrieved from <https://esenin-lit.ru/esenin/kritika/synah-poeziya-esenina-i-filosofiya.htm> (accessed January 12, 2026)
 16. Chaikin, S. G., Boyko, V. L., Ilyasova, L. A., Kusakina, V. G., & Prygun, E. V. (2014). Singing voice – piano: Features of ensemble integration. In *Concert Ensemble Art: A Textbook for Specialists in the Field of 53.05.01 “Art of Concert Performance”* (pp. 24–33). Krasnoyarsk.
 17. Yuzhakova, Yu. A. (2024). Features of S. A. Yesenin’s worldview reflected in his poetic language. *The World of the Russian Word*, (1), 55–63. <https://doi.org/10.21638/spbu30.2024.106>. EDN: <https://elibrary.ru/QJATXA>
 18. Boiko V.L., & Chaikin S.G. (2014). Communicative Space “Composer-Performer” as an Important Factor of Creating a Modern Musical Interpretation. *Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 7(3), 462–466. EDN: <https://elibrary.ru/RVELDP>

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Бойко Валентина Леонидовна, кандидат философских наук, профессор, зав. кафедрой камерного ансамбля и концертмейстерской подготовки Сибирский государственный институт искусств имени Дмитрия Хворостовского
ул. Ленина, 22, г. Красноярск, 660049, Российская Федерация
bovalenti@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Valentina L. Boiko, PhD, Professor, Chief of the Department Chamber Music
Dmitri Hvorostovsky Siberian State Academy of Arts
22, Lenin Str., Krasnoyarsk, 660049, Russian Federation
bovalenti@yandex.ru
SPIN-code: 4429-7223

Поступила 28.03.2026

После рецензирования 20.04.2026

Принята 29.04.2026

Received 28.03.2026

Revised 20.04.2026

Accepted 29.04.2026

Теория и история культуры, искусства / Theory and History of Culture, Art

Научная статья

DOI: [10.12731/2576-9782-2026-10-2-335](https://doi.org/10.12731/2576-9782-2026-10-2-335)

УДК 930.85

EDN: [GIYGIC](https://www.edn.ru/gyigic)

Original article

Историко-культурное наследие малых городов и территорий как фактор развития внутреннего туризма (на примере Лукояновского района Нижегородской области)

А.Н. Белохвостов, Ю.О. Матвеева, В.А. Чистяков

*Нижегородский институт путей сообщения –
филиал Приволжского государственного университета путей сообщения,
Нижний Новгород, Российская Федерация*

Аннотация

Обоснование. Статья посвящена рассмотрению памятников истории и культуры Лукояновского района Нижегородской области, представляющих наибольший интерес в контексте развития различных направлений культурно-познавательного туризма. Изучены историко-культурные ресурсы Лукояновского края, выявлены наиболее привлекательные для туристов достопримечательности, указаны критерии и параметры, которые можно использовать для оценки памятников истории и культуры. Научная новизна исследования состоит в том, что в нем определены перспективные направления развития культурно-познавательного туризма в Лукояновском районе.

Целью исследования является изучение историко-культурного наследия Лукояновского района и разработка рекомендаций по развитию культурно-познавательного туризма.

Материалы и методы. Материалом для исследования послужили реестры, каталоги и перечни памятников исторического, культурного и природного наследия. Использовались также периодические издания и различные документы, регулирующие туристскую деятельность и охрану историко-культурного и природного наследия. Помимо традиционных исторических и географических методов (историко-сравнительного, историко-генетического, сравнительно-географического), широко применяемых в гуманитарных исследованиях, использовался историко-предметный метод, с помощью которого проводился комплексный анализ культурно-исторических памятников.

Результаты. Установлено, что существующие историко-культурные и природно-рекреационные ресурсы Лукояновского района создают благоприятные возможности для развития религиозного, литературного и железнодорожного туризма, а также комплексного туризма, сочетающего культурно-познавательный и природно-экологический компоненты.

Область применения результатов. Материалы исследования могут использоваться при разработке программ и проектов развития культурно-познавательного туризма в Лукояновском муниципальном округе.

Ключевые слова: историко-культурное наследие малых городов; памятники истории и культуры Лукояновского района; культурно-познавательный туризм; Лукоянов; Лукояновский район

Для цитирования. Белохвостов, А. Н., Матвейчева, Ю. О., & Чистяков, В. А. (2026). Историко-культурное наследие малых городов и территорий как фактор развития внутреннего туризма (на примере Лукояновского района Нижегородской области). *Russian Studies in Culture and Society / Российские исследования. Культура и общество*, 10(2), 158-187. <https://doi.org/10.12731/2576-9782-2026-10-2-335>

Historical and cultural heritage of small cities and territories as a factor in the development of internal tourism (on the example of the Lukoyanovsky District of the Nizhny Novgorod Region)

A.N. Belokhvostov, Y.O. Matveicheva, V.A. Chistyakov

*Nizhny Novgorod Institute of Railway Engineering, branch Volga State Transport
University, Nizhny Novgorod, Russian Federation*

Abstract

Background. The present article is devoted to the consideration of historical and cultural monuments of the Lukoyanovsky District of the Nizhny Novgorod Region, which are of the greatest interest in the context of the development of various types of cultural and educational tourism. The historical and cultural resources of the Lukoyanovsky Region have been studied, the most attractive tourist attractions have been identified, and the criteria and parameters that can be used to evaluate historical and cultural monuments have been specified. The scientific novelty of the study lies in the fact that it identifies promising areas for the development of cultural and educational tourism in the Lukoyanovsky District.

Purpose. The author aims to study the historical and cultural heritage of the Lukoyanovsky District and to make recommendations for the development of cultural and educational tourism.

Methodology. The study is based on registers, catalogs, lists of historical, cultural and natural heritage sites, periodicals and various documents related to tourism and the protection of historical, cultural, and natural heritage. In addition to traditional historical and geographical methods (historical-comparative, historical-genetic, and comparative-geographical), which are widely used in humanities research, the author uses the historical-subjective method to conduct a comprehensive analysis of cultural and historical sites.

Results. The results of the study are that the author establishes that the existing historical, cultural, and natural recreational resources of the Lukoyanovsky District create favorable conditions for the development of religious, literary, and railway tourism, as well as integrated tourism that combines cultural, educational, and natural-ecological components.

Practical implications. The results of the study can be applied in the programs and projects for the development of cultural and educational tourism in the Lukoyanovsky Municipal District.

Keywords: historical and cultural heritage of small towns; historical and cultural monuments of the Lukoyanovsky District; cultural and educational tourism; Lukoyanov; Lukoyanovsky District

For citation. Belokhvostov, A. N., Matveicheva, Y. O., & Chistyakov, V. A. (2026). Historical and cultural heritage of small cities and territories as a factor in the development of internal tourism (on the example of the Lukoyanovsky District of the Nizhny Novgorod Region). *Russian Studies in Culture and Society*, 10(2), 158-187. <https://doi.org/10.12731/2576-9782-2026-10-2-335>

Введение

Актуальность данного исследования обусловлена тем, малые города и территории в современной России становятся все более популярными туристическими направлениями. Эффективное использование местных историко-культурных и рекреационных ресурсов позволяет увеличить доходную часть муниципальных бюджетов, создать дополнительные рабочие места, расширить рынок сбыта местной продукции, сформировать положительный имидж территории. С каждым годом растет количество граждан Российской Федерации, желающих приобщиться к историческому наследию страны. Культурно-познавательный туризм, играя важнейшую роль в сохранении культурного достояния регионов, постепенно расширяет географию, вовлекая новые городские центры и территории.

В сравнении с мегаполисами малые города имеют ряд несомненных преимуществ. Путешественники и туристы находят здесь более гостеприимную атмосферу, компактное расположение основных достопримечательностей, относительно низкие цены на товары и услуги. Кроме того, небольшие населенные пункты, имея тесную связь с окружающими ландшафтами, привлекательны для тех, кто ищет гармонию с природой. При этом зачастую малые города не могут в полной мере реализовать туристский потенциал и привлечь необходимые финансовые средства в эту сферу, так как их культурно-исторические ресурсы представляются инвесторам недостаточно уникальными и разнообразными. Муниципальным властям и общественным структурам в городах и районах, еще не получивших известности в качестве центров туризма, приходится прилагать значительные усилия для сохранения, восстановления, учета и популяризации историко-культурного наследия как ключевого фактора туристской привлекательности территории.

Научная новизна исследования состоит в том, что в нем определены перспективные направления развития культурно-познавательного туризма в Лукояновском районе.

Теоретическую базу исследования составляют работы российских и белорусских ученых, посвященные изучению методических аспектов оценки объектов культурного наследия [7; 12; 17; 30], отдельных направлений культурно-познавательного туризма [1; 2; 3; 19; 29] и других вопросов заявленной проблематики [8; 9; 18; 25; 28; 32].

Целью исследования является изучение историко-культурного наследия Лукояновского района и разработка рекомендаций по развитию культурно-познавательного туризма.

Задачи исследования:

- определить критерии историко-культурной ценности объектов, имеющих признаки памятников культурного наследия;
- выявить значимые памятники истории и культуры Лукояновского района;
- найти наиболее перспективные направления в развитии культурно-познавательного туризма в Лукоянове и Лукояновском районе.

Материалом для исследования послужили реестры, каталоги и аннотированные перечни памятников исторического, культурного и природного наследия [4; 11; 13]. Для рассмотрения круга вопросов, связанных с изучением культурно-познавательного туризма, привлекались различные документы, регулирующие туристскую деятельность и охрану историко-культурного и природного наследия [16; 23; 26; 31; 33; 34]. В исследовании также использовались сведения из периодических изданий, краеведческих альманахов и справочников [6; 14; 15; 20; 21; 22].

В работе помимо традиционных исторических и географических **методов** (историко-сравнительного, историко-генетического, сравнительно-географического), широко применяемых в гуманитарных исследованиях, использовался историко-логический метод, с помощью которого проводился комплексный анализ культурно-исторических памятников.

Результаты и обсуждение

За последние годы Нижегородская область вошла в число регионов-лидеров России по темпам развития туризма, имея огромное количество достопримечательностей природного, культурного и исторического наследия. Являясь одним из самых востребованных направлений для путешествий, область ежегодно привлекает свыше 5 млн туристов. При сохранении существующих позитивных тенденций туристская отрасль может стать одной из бюджетообразующих, а дополнительные возможности для ее развития принесет включение ряда населенных пунктов в самый известный в стране маршрут «Золотое кольцо России». Согласно планам Министерства экономического развития РФ, озвученным в январе 2026 г. заместителем председателя Правительства Д. Н. Чернышенко, от Нижегородского края в состав обновленного «Золотого кольца» войдут г. Арзамас, г. Богородск, г. Выкса, с. Большое Болдино, г. Городец, с. Дивеево, с. Пурех, г. Нижний Новгород, г. Павлово и г. Чкаловск [24].

Однако туристский бум обеспечивается в основном за счет традиционных центров, хорошо известных как в России, так и за рубежом.

Диспропорции в развитии отрасли по районам области достаточно велики. Вместе с тем, развитие культурно-познавательного туризма может стать важным инструментом сохранения и реставрации памятников истории и культуры в большинстве муниципальных образований, испытывающих недостаток бюджетных средств для проведения работ по восстановлению заброшенных или полуразрушенных исторических зданий. Тем более, властные структуры на федеральном и региональном уровне декларируют готовность оказывать максимальное содействие муниципалитетам в реализации проектов и программ, связанных с сохранением культурного наследия. «Стратегия развития туризма в РФ на период до 2035 г.», утвержденная распоряжением Правительства РФ от 20 сентября 2019 г., в качестве одного из специальных инструментов развития культурно-познавательного туризма предусматривает «совершенствование системы мер государственной поддержки по компенсации хозяйствующим субъектам части затрат, понесенных в связи с производством реставрационных работ на объектах культурного наследия на туристских территориях» [31].

Нижегородский географ Н. Н. Гировка провел сравнительный анализ историко-культурного потенциала административных районов Нижегородской области, разделив муниципальные образования региона на несколько групп [8].

В число районов, наиболее перспективных с точки зрения развития культурно-познавательного туризма, включены Арзамасский, Богородский, Ветлужский, Выксунский, Городецкий, Лысковский, Павловский и Семеновский. В эту группу попали районы, обладающие памятниками федерального уровня, центры ремесел, промыслов и различных производств. В большинстве своем указанные территории располагаются по берегам Волги и других крупных рек, обладая исключительным в масштабах области разнообразием лесов, озер, плодородных почв. Предполагается, что именно природные характеристики стали первичной основой последующего формирования высокого разнообразия историко-культурного слоя таких территорий.

Ко второй группе муниципальных образований, также имеющих достаточно высокий показатель историко-культурного потенциала, отнесены Балахнинский, Борский, Большемурашкинский, Большеболдинский, Володарский, Варнавинский, Воскресенский, Дзержинский, Дивеевский, Ковернинский, Кстовский, Пильненский, Починковский и Сергачский районы.

Семь районов из числа указанных выше (Богородский, Городецкий, Балахнинский, Борский, Володарский, Дзержинский, Кстовский) географически находятся поблизости от областного центра. Вся территория вокруг Нижнего Новгорода изобилует населенными пунктами с большим количеством разнообразных памятников историко-культурного наследия. По мере удаления от мегаполиса концентрация таких объектов имеет тенденцию к уменьшению.

Лукояновский район наряду с Вачским, Воротынским, Саровским, Чкаловским и Шатковским отнесен к административным образованиям со средним показателем историко-культурного потенциала.

Остальные двадцать муниципальных образований отнесены к территориям с низким или очень низким показателем. Они находятся преимущественно в северо-восточной и юго-восточной частях Нижегородского региона, почти все на значительном расстоянии от областного центра.

Таким образом, по насыщенности культурно-историческими объектами Лукояновский район особенно не выделяется среди других территорий области. Ему трудно перетянуть на себя часть путешественников, экскурсантов и отдыхающих от более известных туристических центров Нижегородского края. Вместе с тем, достаточно богатый природный и историко-культурный потенциал Лукояновской земли позволяет создавать новые точки притяжения туристов, расширять необходимую инфраструктуру, формировать тематические и комплексные экскурсионные маршруты, связанные с познавательной деятельностью и посещением уникальных памятников.

При рассмотрении достопримечательностей и объектов Лукояновской земли, имеющих признаки памятников историко-культурного наследия, нами применялись ценностные критерии (каждому

соответствует своя группа параметров), обычно используемые для оценки исторических зданий, строений и сооружений [17, с. 42-43; 7, с. 58-63; 16]:

1. Историческая и мемориальная ценность:
 - *время сооружения (датировка);*
 - *подлинность (соответствие своему первоначальному виду);*
 - *историческая значимость архитектурных элементов;*
 - *исторические события, связанные с объектом;*
 - *знаменитости, посещавшие объект.*
2. Архитектурная и инженерно-строительная ценность:
 - *установлено или предполагается авторство известного архитектора;*
 - *наличие стиливых признаков (принадлежность к определенному архитектурному стилю);*
 - *место и значимость в мировой и отечественной архитектуре;*
 - *особенности конструктивной схемы;*
 - *разнообразии материалов;*
 - *долговечность материалов;*
 - *использование редких и ценных строительных и отделочных материалов.*
3. Градостроительная ценность:
 - *неординарная планировочная структура;*
 - *значение объекта в силуэте, панораме, ансамбле;*
 - *визуальная связь с исторической застройкой и включенность в исторический градостроительный контекст.*
4. Художественно-эстетическая ценность:
 - *архитектурно-художественная ценность фасадов;*
 - *архитектурно-художественная отделка интерьеров;*
 - *наличие живописи, мозаики, скульптуры, лепного декора на фасадах и в интерьере;*
 - *внешний вид и эстетическое восприятие.*
5. Социальная ценность:
 - *общественное внимание к объекту и необходимости его сохранения;*

- особое значение для представителей той или иной конфессии;
- связь объекта с литературными произведениями;
- ценность с точки зрения включения объекта в образовательно-воспитательный процесс.

Формализация приведенных критериев в численных значениях (балльная система), широко применяемая исследователями для оценки историко-культурных памятников [30; 7, с. 58-63], представляется спорной по ряду причин. Во-первых, рассмотрение памятников культурно-исторического наследия требует учета, в том числе, нематериальных аспектов, которые довольно сложно выразить в численных значениях. Во-вторых, указанные критерии и параметры имеют разную значимость (в целом и применительно к отдельному объекту), что, в случае использования балльной системы, приводит к искажению представлений о реальной ценности историко-культурных памятников. Согласимся с мнением, что самую объективную оценку исторических, архитектурных, градостроительных и художественно-эстетических достоинств объектов культурно-исторического наследия дает общественная практика, а не рейтинги, математические алгоритмы и квалиметрия [17, с. 40].

Наибольший интерес при возможном планировании туристских маршрутов в городе Лукоянов представляют несколько зданий, построенных в XIX - начале XX века и внесенных в государственный реестр объектов культурного наследия народов РФ [11]. Среди них особую историко-культурную значимость имеют дом купца И. Т. Агеева (начало XIX в.), здание железнодорожного вокзала станции «Лукоянов» (1902-1903 гг.) и особняк Лавровых - Блохиных (1912 г.). Каждый из перечисленных объектов, связанный с известными личностями или важными событиями в истории города, может рассматриваться в качестве отправной точки при составлении экскурсионных маршрутов.

Благодаря одному из сохранившихся объектов – дому купца Агеева, Лукоянов претендует на включение в карту пушкинских мест. Историческое здание, безусловно, представляет большой интерес для поклонников творчества величайшего поэта и может заинтересовать

всех туристов и путешественников, посещающих Лукояновский край. В этом доме А. С. Пушкин останавливался дважды осенью 1830 г., так как село Большое Болдино, где располагалось родовое имение Пушкиных, входило тогда в состав Лукояновского уезда. Он задерживался в Лукоянове с целью получения разрешения на выезд в Москву, который затруднялся из-за начавшейся эпидемии холеры. Имея возможность близко познакомиться с городом и его окрестностями, А. С. Пушкин отразил в своем творчестве многие элементы повседневной жизни местных жителей. Неоконченная повесть «История села Горюхина», написанная во время «болдинской осени» 1830 г., содержит в том числе описание города, в котором угадывается Лукоянов [5; 14, с. 36-41].

Трактир известного лукояновского булочника И. Т. Агеева был построен после пожара 1817 г. на самом оживленном месте старого Лукоянова, в непосредственной близости от базара, на перекрестке четырех дорог. Гостиница считалась лучшей в городе. На протяжении XIX-XX веков двухэтажное здание переделывали, но основная постройка датируется началом XIX в.

После революции дом Агеева был конфискован и передан под квартиры. В то же время несколько улиц (Ямскую, Солдатскую), Станционный поселок и часть деревни Малая Лукановка объединили в улицу Пушкина, поэтому теперь историческое здание, находится на улице Пушкина под номером 326 [20].

Участники экскурсии по пушкинским местам Лукоянова могли бы увидеть еще одно историческое здание, связанное с именем поэта – дом на улице Коммуны под номером 47, где жила Ольга Калашникова-Ключарева - бывшая крепостная А. С. Пушкина. От их короткой связи родился сын Павел, проживший всего два месяца. Поэт подписал Ольге вольную и ссудил ее деньгами, на которые был приобретен дом. Считается, что Ольга Калашникова стала прототипом русалки в одноименном произведении [15, с. 88-90].

В современной России литературный туризм, предполагающий посещение достопримечательностей, связанных с биографией и творчеством известных писателей, носит все более массовый

характер. В различных городах возникают новые литературно-туристические маршруты, разрабатываются литературные карты, публикуются книги и путеводители, открываются мемориальные музеи, рассказывающие о жизни и творчестве писателей и поэтов разных периодов. В тоже время ряд отечественных авторов отмечают, что литературный туризм в нашей стране еще не достиг должного уровня развития, слабо изучен в научном отношении [19, с. 2911], понятие «литературный туризм» не распространилось среди местных туроператоров [29, 17].

Литературных туристов к путешествиям мотивируют самые разные причины: стремление прикоснуться к творчеству писателя, почувствовать себя частью его «литературного ландшафта», возможность повысить свой образовательный и экспертный уровень (научные литературные туристы), поиск творческого вдохновения, участие в интерактивных мероприятиях, фестивалях и праздниках, посвященных памятным датам в жизни писателя [2, с. 38]. Одной из особенностей литературного туризма является соединение познавательного (научно-познавательного), развлекательного и творческого компонентов. Все это необходимо учитывать при планировании литературных туров и экскурсионных маршрутов по пушкинским местам Лукоянова.

Другой объект, заслуживающий пристального внимания, - особняк Лавровых-Блохиных, принадлежавший семье известного земского врача Н. И. Блохина. Это одно из самых эффектных и красивых зданий Лукоянова. В настоящее время здесь располагается Лукояновский краеведческий музей, созданный в 1958 г. к 40-летию ВЛКСМ преподавателями и учащимися Лукояновского педагогического училища при активной поддержке жителей района.

История дома тесно связана с судьбами семей Блохиных и Лавровых, снискавших большую известность и уважение в Лукояновском уезде в начале XX в. В семье Блохиных был единственный сын Николай Иванович, который учился на медицинском факультете Московского университета, в семье Лавровых была единственная дочь Евдокия Ивановна. Осенью 1906 г. состоялась их свадьба. До окончания учебы Н. И. Блохина в университете молодая семья жила в Москве, а в

1910 г. переехала в Лукоянов, где молодой специалист получил место земского врача. И. И. Лавров, сколотивший солидный капитал благодаря предпринимательской деятельности, в 1912 г. построил для молодой семьи просторный дом. Известно, что в разработке проекта принимали участие шведские архитекторы. Здесь родился и провёл четыре года жизни Николай Николаевич Блохин - всемирно известный хирург и онколог, генеральный директор Всесоюзного онкологического центра, пять раз подряд избиравшийся президентом Академии медицинских наук СССР. Неудивительно, что одно из самых почетных мест в краеведческом музее отведено истории жизни и деятельности Н. Н. Блохина и его семьи [15, с. 142-145].

Ввиду удобного географического положения (на центральной площади), хорошего состояния и богатых экспозиций размещенного в здании краеведческого музея особняк Лавровых-Блохиных претендует на включение в большинство экскурсионно-туристских маршрутов Лукоянова. Он, безусловно, является одной из главных «визитных карточек» города.

К числу важных достопримечательностей районного центра относится и железнодорожный вокзал станции «Лукоянов» (памятник градостроительства и архитектуры регионального значения), построенный в 1902-1903 годах между двумя небольшими притоками реки Теша после прокладки новой линии Московско-Рязанско-Казанской железной дороги.

В 2009 г. завершилась реконструкция здания вокзала. Специалистам удалось сохранить исторический облик этого памятника архитектуры и градостроительства в первозданном виде. Реконструкция, стоимость которой составила около 60 млн рублей, стала примером конструктивного сотрудничества Горьковской железной дороги и региональной власти [6]. В 2011 г. рядом с вокзалом на постамент установили паровоз серии Л, выпущенный в 1951 г., – как напоминание о славном железнодорожном прошлом.

Роль вокзалов в развитии туристских зон трудно переоценить, это ворота любого города, именно их первыми видят туристы и путешественники, прибывая в место назначения. Мировой опыт

развития туризма показывает, что довольно часто вокзалы благодаря архитектурной выразительности и необычным инженерным решениям становятся самостоятельными аттракциями. Многие города предлагают посетителю экскурсию архитектурной и исторической тематик по своим вокзалам и станциям. [3, с. 54].

В 2015 г. в Лукоянове появился музей «Железнодорожник», расположенный в здании бывшей железнодорожной больницы. У истоков его создания стояла известный краевед, журналист и общественный деятель Ф. И. Кедяркина [22]. Многие лукояновцы и гости приносили в музей личные вещи, предметы быта, документы своих далеких и близких родственников, работавших на железной дороге. Через экспозиции музея «Железнодорожник» тянется лента истории станции Лукоянов. Здесь можно увидеть экспонаты XX в., которые были необходимы при содержании и обслуживании железнодорожного пути, посидеть за столом начальника станции, позвонить по стационарному телефону тех времён, подудеть в рожок стрелочника, примерить железнодорожную форму, соприкоснуться с историей и людьми, которые своим самоотверженным трудом помогли фронту в годы Великой Отечественной войны.

Создание железнодорожного музея в небольшом районном центре – достаточно редкое явление. Среди малых городов Нижегородской области аналогичный музей функционирует только в Шахунье, расположенной в северной части региона. Между тем музеи, в том числе железнодорожные, в современной России играют возрастающую роль в сохранении материального и нематериального культурного наследия, музейные пространства превращаются в интересную альтернативу традиционному досугу россиян [32]. Музеи железнодорожного транспорта активно участвуют в формировании специфического туристского продукта как отдельные объекты показа. Многие из них трансформируются в туристическое пространство, охватывая прилегающие территории с железнодорожной специализацией. Такие музеи часто формируются на базе действующих или выведенных из эксплуатации станций, охватывая порою целые комплексы экспозиционных зон [3, с. 55].

Наличие в городе Лукоянов исторического здания вокзала и железнодорожного музея позволяет организовать тематический экскурсионный маршрут, соединяющий знаковые точки станционного поселка. Объектами для осмотра также могли бы стать сохранившаяся водонапорная башня, которая использовалась для подпитки паровозов, и здание водокачки, построенной для направления воды из Казенного пруда по специально проложенному по дну оврага водопроводу на железнодорожную станцию. В 1905-1907 гг. в здании водокачки находилась подпольная типография местной организации РСДРП(б) и проходили нелегальные собрания большевиков, поэтому строение было признано памятником истории регионального значения [11].

Многие города центральной полосы России сохранили старинные храмы, церкви и монастыри, отличающиеся уникальной архитектурой и богатым внутренним убранством. Довольно часто культовые сооружения в малых городах становятся основой экскурсионно-познавательных и паломнических туров, вокруг них создается развитая туристская инфраструктура. На базе таких сооружений могут проводиться тематические фестивали, праздники и ритуальные события, что также привлекает туристов [1].

До революции 1917 г. Лукояновский уезд был одним из центров православия Нижегородской губернии. На его территории располагалась 41 церковь, в т.ч. одна, построенная в XVII веке. В самом уездном центре насчитывалось два храма и три церкви, четыре из которых были освящены в честь Пресвятой Богородицы. В советский период лукояновские храмы и церкви были разрушены [15, с. 29-32]. Лишь в 2001-2008 годах при помощи патриарха Кирилла вновь построили храм в честь Покрова Пресвятой Богородицы. По размеру, внешнему и внутреннему убранству он уступает уничтоженному Покровскому собору, располагаясь уже не на главной площади города, а рядом с ней, в намоленном месте – недалеко когда-то был Свято-Тихоновский женский монастырь.

Отсутствие старинных культовых сооружений в городе, тем не менее, не исключает возможности организации экскурсий на религиозные темы и паломнических поездок, поскольку в Лукоянове

и его окрестностях имеется несколько примечательных объектов, способных вызвать интерес у православных верующих.

В 2022 г. завершились работы по созданию уникального дома-музея «Исповедник веры Христовой иерей Василий Гундяев», связанного с историей семьи Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. Расположен музей в доме, где в начале XX века жили железнодорожники. В их числе был и дед патриарха Кирилла, работавший тогда механиком-машинистом [21].

Первый зал дома-музея посвящен семье Гундяевых. На стендах представлены биографии, фоторепродукции документов, свидетельствующих о судьбе членов этой семьи. Посетители также могут ознакомиться с информацией об упоминании фамилии «Гундяев» в документах XVII в., увидеть «Свидетельство машиниста» Василия Гундяева (аналог современного профессионального удостоверения) и его супруги (женам железнодорожников их тоже выдавали), метрики о рождении детей и многое другое. На одной из стен помещена картина с изображением исторического факта из биографии Василия и Михаила Гундяевых – встречи со святым праведным Иоанном Кронштадтским.

Еще один необычный экспонат – это вырезка статьи из газеты «Безбожник» за 1929 г. под названием «Дети машиниста Гундяева», автор которой утверждал, что в школе они ведут себя грубо, говорят, что власть скоро переменится, а их отец на собрании родителей утверждал, что Бог есть. После выхода этой публикации Василий Гундяев был арестован.

Также в экспозиции представлены копии следственных дел будущего иерея Василия, образцы священнических облачений и даже личные вещи патриарха Кирилла. Отмечается, что специально для дома-музея в Нижегородском епархиальном ателье пошили форму машиниста начала XX в. С этой целью в антикварных магазинах приобрели амуницию – пуговицы, кокарду и прочие знаки отличия форменного костюма железнодорожника конца XIX – начала XX веков.

Во втором зале экспозиции рассказывается история города, его храмов и монастырей, а также гонений на верующих, начавшихся

после революции. Отдельные витрины посвящены истории Свято-Тихоновского Лукояновского женского монастыря и Покровского собора города.

Среди других объектов города и его окрестностей, представляющих интерес в контексте развития религиозного (паломнического) туризма, следует выделить известный с незапамятных времен святой источник Параскевы Пятницы, расположенный поблизости от Лукоянова. Предание сообщает, что после того, как в нём исцелилась девочка, лишённая возможности ходить, источник начал пользоваться всенародным почитанием и стал местной святыней. В 9-й день Пасхи, когда Церковь празднует память великомученицы Параскевы Пятницы, местные жители устраивали у источника масштабные торжества. И каждый год, какая бы знойная погода ни стояла, в районе источника всегда шел дождь. К нему ездили жители со всей округи в надежде получить исцеление от болезней. В 2009 году на источнике установили сруб и купальню, совершили обряд освящения.

При организации паломнических туров и обзорных экскурсий на религиозные темы имеет смысл комбинировать поездки по православным местам города с посещением ряда близлежащих сел, в которых сохранились ценные христианские реликвии, есть святыне источники и другие объекты, интересные верующим людям. Такие поездки, позволяющие глубже познакомиться с культурой и духовной жизнью региона, сделают программу туров более многогранной и запоминающейся. Так, в частности, рядом с Лукояновым расположено село Кудеярово, где по местным преданиям произошло явление Николая Чудотворца. В честь этого события была написана икона, стоявшая в храме Успения Божией Матери в пределе Святителя Николая Чудотворца. В советское время чудотворная икона была утеряна, однако сравнительно недавно жители села вновь обрели ценную реликвию. Кудеярово является одним из старейших населенных пунктов Лукояновского района, имеет богатую историю и традиции [10].

Говоря о потенциальных возможностях развития туристской отрасли в малых городах России, все же нельзя переоценивать

значимость историко-культурного наследия, это важный, но не единственный фактор развития туризма. Другими составляющими туристской привлекательности территории являются природные, инфраструктурные, экономические и социальные ресурсы [25]. Для государственных организаций и бизнес-структур, занимающихся продвижением туристского продукта в небольших населенных пунктах и отдельных районах, одной из ключевых задач, несомненно, является максимально полное раскрытие природно-рекреационного потенциала той или иной территории, а также интеграция культурно-исторического и природного наследия в единый туристский комплекс. Преимущество малых городов заключается в их особой связи, гармонии с природой. По словам известного советского и российского географа-урбаниста Г. М. Лаппо, «малый город живет в согласии с природой, он органично вписывается в окружающий ландшафт. Его улицы раскрываются на поля, луга и леса. Он насквозь продувается свежим ветром окружающих пространств, наполнен их запахом. Природа входит в малый город, продолжается в его садах, скверах, аллеях, парках» [18, с. 155].

Природно-рекреационный потенциал Лукояновского района остается в значительной мере недооцененным и малоизвестным. В пределах Лукояновской земли почти два десятка уникальных объектов признаны памятниками природы и охраняются государством. Среди них рукотворные парки и рощи, необычные геологические объекты, озера, родники, валуны. Особый интерес представляют священные мордовские рощи Явлей и Лукаш, Разинский камень, лукояновская дача Роща в 5 км севернее города, Панзелский пруд и сосновые леса в его окрестностях, пруд имени С. А. Бурова (Орловский пруд), лесные урочища-дубравы в Алатырской зоне [27; 4, с. 242-259].

Следует подчеркнуть, что природные памятники очень часто неразрывно связаны с культурно-историческим наследием, образуя единый комплекс. Этот аспект нашел отражение в российском законодательстве, регулирующем охрану культурно-исторического и природного наследия. Федеральный закон от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории

и культуры) народов Российской Федерации» в перечне объектов культурного наследия называет, в том числе, совместные творения человека и природы, а также природные ландшафты, связанные с историей формирования народов и иных этнических общностей на территории РФ, историческими событиями, жизнью выдающихся исторических личностей [34]. Другой документ, «Положение о памятниках природы федерального значения в Российской Федерации», утвержденное приказом Минприроды РФ от 25 января 1993 г., среди прочих объектов к памятникам природы относит участки с преобладанием культурного ландшафта (старинные парки, аллеи, каналы, древние копи и т.п.) и отдельные объекты живой и неживой природы, имеющие историко-мемориальное значение (растения причудливых форм, вулканы, холмы, ледники, валуны, родники, истоки рек, скалы, утесы, проявления карста, пещеры, гроты и т.п.) [26]. Заметим также, что Федеральный закон от 14 марта 1995 г. № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» в число основных задач национальных парков, в том числе, включает сохранение историко-культурных объектов и восстановление нарушенных историко-культурных комплексов [33].

Единство культурного и природного наследия отмечается многими специалистами, в частности, отражается в предлагаемых ими вариантах классификации культурно-исторических ресурсов. Так, например, О. А. Пыжова, на основе изучения памятников Псковской области, выделила 17 видов культурно-исторических ресурсов, среди которых указала природно-историко-градостроительные, природно-историко-архитектурные, природно-исторические (историко-природные) и природно-архитектурные [28, с. 78].

В Лукояновском районе наивысшая концентрация памятников природы фиксируется в юго-западной самой лесистой его части. Около рабочего поселка имени Степана Разина находятся несколько уникальных природных объектов, расположенных неподалеку друг от друга: Разинский камень (крупный гранитный валун размером 3,5 на 2,5 метра), Панзелский и Орловский пруды. Кроме того, поблизости через живописные лесные районы протекает река Алатырь — одна

из крупнейших в Лукояновском крае. Ее берега причудливы и разнообразны. Река пригодна для организации туристических сплавов.

Панзелский пруд, отличающийся чистой питьевой водой, – настоящая жемчужина природы, прекрасное место для любителей отдыха с палаткой, где можно отвлечься от повседневной суеты. Здесь много рыбы, а в сосновом лесу по берегам пруда можно собирать ягоды, грибы и целебные травы. На территории памятника природы обитает бабочка лента орденская голубая, занесенная в Красную книгу Нижегородской области.

Разинский камень широко известен в Нижегородской области, имея экологическое, эстетическое, научно-просветительное (историческое), культурное значение. С камнем связаны многочисленные мифы и легенды о крестьянской войне Разина, о спрятанных под валуном кладах, он почитается как памятное место у эрзянского и русского населения.

В целом в России мифы, сказания и легенды все активнее включаются в туристскую (туристско-рекреационную) деятельность, превращаясь в реальный ресурс отрасли. В Нижегородской области немало мест, проникнутых исторической мифологией [9, с. 102]. Такие объекты способны привлечь любителей всего загадочного, таинственного и необычного, поэтому Разинский камень, которому народная молва приписывает магические свойства, может стать главной точкой притяжения при формировании локального туристского кластера в юго-западной части Лукояновского района.

Отмеченное выше единство природного и культурно-исторического наследия может проявляться в том, что в составе ресурсов природно-рекреационного (экологического) туризма нередко учитываются объекты материальной и духовной культуры, неразрывно связанные с окружающей природной средой. Более того, включение в программы экологических туров посещения историко-культурных памятников является мировой тенденцией [12, с. 119]. Наличие такого объекта как Разинский камень, привлекающего путешественников своей красотой и размерами, кроме того, имеющего несомненную историко-культурную ценность, позволяет развивать окружающую

территорию как зону комплексного туризма, сочетающего культурно-познавательный и экологический компоненты. Экомаршруты по лесам юго-западной части Лукояновского района могут включать посещение живописных водоемов (р. Алатырь, Панзельский и Орловский пруды), показ типичных и редких представителей местной флоры и фауны, путешествие к загадочному Разинскому камню и другие туристские аттракции (рыбалка, сбор грибов, поездки на квадроциклах, катание на лодках и байдарках, фототуры, участие в экологических инициативах и т.п.). Такие маршруты продолжительностью от одного до трех дней, составленные из автомобильных и пешеходных участков, в случае оборудования местами для ночлега и привалов, смотровыми площадками, информационными стендами, указателями и табличками должны пользоваться успехом у туристов и путешественников, предпочитающих познавательные природные экскурсии с элементами активного отдыха.

Согласно «Методическим рекомендациям по формированию туристских маршрутов», утвержденным приказом Министерства экономического развития РФ от 29 августа 2025 г., востребованность туристского маршрута при его планировании необходимо определять путем интегральной оценки следующих компонентов: а) уровень разнообразия природно-рекреационных ресурсов на пути следования туристского маршрута; б) уровень разнообразия культурно-исторических ресурсов; в) экологическая обстановка; г) социально-экономические условия (количество предприятий розничной торговли, бытового обслуживания, банковских организаций, доступность медицинских услуг и услуг экстренной связи и т.п.); д) туристская и транспортная инфраструктура (состояние дорог, площадки отдыха с санитарными модулями, парковочные пространства, пункты остановки или стоянки, вокзалы, наличие элементов навигации и т.п.) [23].

Учитывая указанную информацию, а также другие рекомендации Минэкономразвития, изложенные в Приказе от 29 августа 2025 г., считаем целесообразным оценивать возможную туристскую привлекательность любых объектов культурно-исторического наследия

и природных памятников, претендующих на включение в экскурсионные туры и маршруты, по следующим параметрам:

1. Уникальность:

- объект не похож ни на что другое в сравнительном контексте;
- уникальные взаимосвязи объекта с природной средой и (или)

историческим наследием;

- особая ценность объекта в связи с его красотой;
- новшества функциональной организации объекта;

2. Культурно-историческая и (или) природно-экологическая ценность:

- архитектурная и градостроительная ценность;
- историческая и социальная значимость;
- контрастность пейзажа;
- наличие редких видов растений и животных;
- удаленность от источников загрязнения.

3. Транспортная доступность:

- удобный подъезд к объекту;
- удаленность от районного центра;
- среднее время в пути до районного центра;
- стоянки и парковочные места для автомобилей;
- близость к автосервисам и заправочным станциям;
- количество видов транспорта, доступных для посещения объекта.

4. Информационная обеспеченность:

- наличие запоминающегося названия объекта;
- информация в Википедии и количество языков для прочтения;
- информация в официальных источниках (сайты органов власти, реестры памятников историко-культурного и природного наследия);
- присутствие информации об объекте на картах туристских маршрутов и в онлайн-путеводителях;

- общая популярность объекта среди населения (информация в социальных сетях, количество запросов в поисковых системах и т.п.).

5. Состояние сопутствующей инфраструктуры и прилегающей территории:

- коллективные места размещения;
- магазины и предприятия общественного питания;

- доступность услуг связи;
- доступность медицинских услуг;
- подготовленные места для пикника и площадки для кемпинга;
- возможность организации пеших и велосипедных маршрутов;
- общая благоустроенность прилегающей территории.

Представленная методика интегральной оценки туристской привлекательности объектов, основанная на комплексном подходе, одновременно учитывает как ключевые аспекты историко-культурной или природно-экологической ценности (уникальности) конкретного памятника, так и наличие отдельных компонентов туристской и социально-экономической (территориальной) инфраструктуры в зоне его географического местоположения. Характеристика объектов с учетом указанных критериев позволяет определить степень готовности того или иного объекта к включению в тематические и комплексные экскурсионные маршруты, оценить масштаб инвестиций в развитие сопутствующей туристской инфраструктуры.

Город Лукоянов как районный центр с населением около 12 тыс. человек обладает достаточно развитой социально-экономической инфраструктурой, чтобы обеспечить группам туристов и путешественников относительно комфортные условия пребывания. Однако не все упомянутые выше памятники истории и культуры находятся в пригодном для использования состоянии. Дом купца Агеева признан аварийным и в настоящее время числится в каталоге исторической недвижимости Нижегородской области, выставленной на продажу [13]. Масштабные инвестиции необходимы и в развитие перспективного туристского кластера в юго-западной части Лукояновского района. Географическим центром притяжения этой территории является поселок имени Степана Разина, расположенный в лесной местности на реке Пандус примерно в 20 км от Лукоянова. Мероприятия по благоустройству поселка и ремонту дорожной сети могли бы стать первым шагом к формированию туристской зоны вокруг населенного пункта.

Заключение

Подводя итог, отметим, что город Лукоянов, несмотря на отсутствие особо ценных памятников федерального значения и в

целом ограниченное количество популярных в пределах области достопримечательностей, все же имеет некоторые предпосылки развития ряда направлений (видов) культурно-познавательного (культурно-исторического) туризма и может стать заметной точкой на туристической карте Нижегородской области. Анализ культурно-исторических ресурсов города и района показывает, что к числу таких перспективных направлений прежде всего следует отнести религиозный, литературный и железнодорожный туризм.

Обзорные экскурсии на религиозные темы, предполагающие знакомство с православными местами города и района, в качестве главного пункта программы могут включать посещение уникального музея священника Василия Степановича Гундяева – деда Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла (дом-музей «Исповедник веры Христовой иерей Василий Гундяев»). Литературный туризм имеет хорошие перспективы развития благодаря наличию в городе зданий, связанных с биографией А. С. Пушкина. Географическая близость и историческая связь между Лукояновым и селом Большое Болдино позволяет формировать общие экскурсионные туры по пушкинским местам, охватывающие территорию двух соседних районов. Наконец, железнодорожный туризм, может развиваться в такой его форме как посещение объектов и достопримечательностей, связанных с историей железной дороги (вокзал, музей «Железнодорожник», паровоз-памятник, водонапорная башня и др.).

Кроме того, богатый природно-рекреационный потенциал Лукояновского района создает предпосылки для формирования зон комплексного туризма, сочетающего культурно-познавательный и экологический компоненты. В Лукоянове, как и большинстве малых городов и территорий России, важной задачей муниципальных властей является интеграция культурно-исторического и природного наследия в единый туристский комплекс.

Список литературы

1. Афанасьев, О. Е., & Афанасьева, А. В. (2019). Религиозный туризм как тренд мировой и российской туристической индустрии: концептуальная сущность и модели

- развития. *Современные проблемы сервиса и туризма*, 13(3), 7–26. <https://doi.org/10.24411/1995-0411-2019-10301>. EDN: <https://elibrary.ru/QMQODI>
2. Афанасьев, О. Е., Чурилина, И. Н., Логвина, Е. В., & Прохорова, О. В. (2023). Сегмент «литературных туристов» в России: анализ и классификация. *Современные проблемы сервиса и туризма*, 17(3), 29–40. <https://doi.org/10.5281/zenodo.10401684>. EDN: <https://elibrary.ru/OLVOYR>
 3. Афанасьева, А. В., Гончарова, О. В., Лагусев, Ю. М., Семенова, Л. В., & Юдина, Е. В. (2020). Железнодорожные перевозки как составляющая туристского ресурсного потенциала: мировой и российский контекст. *Сервис в России и за рубежом*, 14(1), 43–61. <https://doi.org/10.24411/1995-042X-2020-10105>. EDN: <https://elibrary.ru/UKJISA>
 4. Бакка, С. В., & Киселева, Н. Ю. (2008). *Особо охраняемые природные территории Нижегородской области: аннотированный перечень*. Министерство экологии и природных ресурсов Нижегород. обл. EDN: <https://elibrary.ru/QKISSJ>
 5. Бутусов, М. Н. (1981). А. С. Пушкин в Лукоянове. В *Записки краеведов* (Вып. 5, с. 128–131). Волго-Вятское книжное издательство.
 6. *Волжская магистраль*. (2009, 21 июля, № 26). Получено с <https://gudok.ru/zdr/168/?ID=562496&ysclid=mpa331x29w534759954>
 7. Гельфонд, А. Л., Лисицына, А. В., Иванов, Д. И., Жданов, Е. С., & Сазанова, Р. С. (2023). *Критерии историко-культурной ценности объектов, обладающих признаками объекта культурно-исторического наследия, расположенных на территории Нижегородской области*. ННГАСУ.
 8. Гировка, Н. Н. (2014). Методические аспекты оценки историко-культурного потенциала как ресурса туристского комплекса территории (на примере территории Нижегородской области). *Сервис plus*, 8(4), 3–8. <https://doi.org/10.12737/6460>. EDN: <https://elibrary.ru/SZSLYD>
 9. Гировка, Н. Н. (2012). *Рекреационные ресурсы*. ФГБОУ ВПО «Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет».
 10. Гречковская, Н. С., & Страхова, П. А. (2015). История и достопримечательности села Кудеярово. *Гуманитарные научные исследования*, (11). Получено с <https://human.snauka.ru/2015/11/13085>
 11. *Единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации*. Получено с <https://opendata.mkrf.ru/opendata/7705851331-egrkn>
 12. Ермнина, И. В. (2015). Комплексная оценка объектов природного и историко-культурного наследия на территории лесного фонда. *Труды БГТУ. Серия 5: Экономика и управление*, (7), 116–119. EDN: <https://elibrary.ru/VVFTUD>

13. *Каталог исторической недвижимости Нижегородской области и города Нижний Новгород*. (2026). Получено с <https://anoasiris.ru/objects>
14. Кашина, Г. И., Комиссаров, В. В., & Табашин, Н. В. (Сост.). (2009). *Край наш Лукояновский. Выпуск 2. Исторический справочник*. Арзамасская типография.
15. Кедяркина, Ф. И. (Сост. и отв. за вып.). (2000). *Край наш Лукояновский: краеведческий альманах*. Нижегородский гуманитарный центр.
16. Департамент культурного наследия города Москвы. (2015). *Критерии историко-культурной ценности объектов, обладающих признаками объекта культурного наследия, расположенных на территории города Москвы* (Приказ № 478 от 30 декабря 2015 г.). Получено с <https://www.mos.ru/dkn/documents/normativnye-pravovye-akty/view/50171220>
17. Курашов, Ю. Ю. (2017). Критерии оценки объектов культурного наследия: культурно-исторический аспект и правовые решения. *Академический вестник УралНИИПроект РААСН*, (4), 40–44. EDN: <https://elibrary.ru/YTRIOS>
18. Лаппо, Г. М. (2012). *Города России. Взгляд географа*. Новый Хронограф. EDN: <https://elibrary.ru/QKLEZX>
19. Лебедева, С. А. (2023). Развитие литературного туризма в России и в мире: обзор научных источников. *Креативная экономика*, 17(8), 2009–2936. <https://doi.org/10.18334/ce.17.8.118579>. EDN: <https://elibrary.ru/GQGKPX>
20. *Лукояновская правда*. (2021, 4 июня). Получено с <http://lukgazeta.ru?p=14401>
21. *Лукояновская правда*. (2022, 28 октября). Получено с <http://lukgazeta.ru?p=23455>
22. *Лукояновская правда*. (2025, 11 июля). Получено с <http://lukgazeta.ru?p=38225>
23. Министерство экономического развития РФ. (2025). *Методические рекомендации по формированию туристских маршрутов* (Приказ № 568 от 29 августа 2025 г.). Получено с <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/412608381/?ysclid=mon836pm5q570304417>
24. *Новое Золотое кольцо: в турмаршрут вошли еще 49 городов*. (2026, 10 января). Получено с https://www.economy.gov.ru/material/news/novoe_zolotoe_kolco_v_turmarshrut_voshli_eshche_49_gorodov.html?ysclid=mon2yr0n7r118910887
25. Першина, Н. В., & Угрюмова, С. В. (2016). К вопросу о туристской привлекательности территории. *Молодой ученый*, 16(120), 187–189. EDN: <https://elibrary.ru/WINMMH>
26. Минприроды РФ. (1993). *Положение о памятниках природы федерального значения в Российской Федерации* (Приказ № 15 от 25 января 1993 г.). Получено с <https://base.garant.ru/2107074/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33>
27. Мартянова, И. (Сост.). (2004). *Природа Лукояновского района*. Лукоянов.

28. Пыжова, О. А. (2009). Оценка культурно-исторических ресурсов как важнейшей составляющей туристско-рекреационного потенциала Псковской области. *Псковский регионологический журнал*, (8), 75–83. EDN: <https://elibrary.ru/NUAOLV>
29. Романова, Н. В., & Силкина, Н. Ю. (2024). Литературный туризм как социальное явление: исследование культурных практик и туристической индустрии в России. *Общество: социология, психология, педагогика*, (4), 16–20. <https://doi.org/10.24158/spp.2024.4.1>. EDN: <https://elibrary.ru/CYTUEM>
30. Слабуха, А. В. (2016). Установление историко-культурной ценности объектов архитектурного наследия (часть 2): критерии и метод в современной экспертной практике. *Человек и культура*, (6), 9–22. EDN: <https://elibrary.ru/XKOZHF>
31. Правительство РФ. (2019). *Стратегия развития туризма в РФ на период до 2035 года* (Распоряжение № 2129-р от 20 сентября 2019 г.). Получено с <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72661648/?ysclid=mon4fea588603638962#1000>
32. Суворова, А. В. (2016). Роль музея в сохранении культурного наследия. *Культура и цивилизация*, 6(5A), 390–396. EDN: <https://elibrary.ru/YNAZJN>
33. Российская Федерация. (1995). *Федеральный закон от 14 марта 1995 г. № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» (с изменениями и дополнениями)*. Получено с <https://base.garant.ru/10107990>
34. Российская Федерация. (2002). *Федеральный закон от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями)*. Получено с <https://base.garant.ru/12127232>

References

1. Afanasyev, O. E., & Afanasyeva, A. V. (2019). Religious tourism as a trend in the global and Russian tourism industry: Conceptual essence and development models. *Modern Problems of Service and Tourism*, 13(3), 7–26. <https://doi.org/10.24411/1995-0411-2019-10301>. EDN: <https://elibrary.ru/QMQODI>
2. Afanasyev, O. E., Churilina, I. N., Logvina, E. V., & Prokhorova, O. V. (2023). The “literary tourists” segment in Russia: Analysis and classification. *Modern Problems of Service and Tourism*, 17(3), 29–40. <https://doi.org/10.5281/zenodo.10401684>. EDN: <https://elibrary.ru/OLVOYR>
3. Afanasyeva, A. V., Goncharova, O. V., Lagusev, Yu. M., Semenova, L. V., & Yudina, E. V. (2020). Railway transportation as a component of tourism resource potential: Global and Russian context. *Service in Russia and Abroad*, 14(1), 43–61. <https://doi.org/10.24411/1995-042X-2020-10105>. EDN: <https://elibrary.ru/UKJISA>

4. Bakka, S. V., & Kiseleva, N. Yu. (2008). *Specially protected natural areas of the Nizhny Novgorod region: Annotated list*. Ministry of Ecology and Natural Resources of the Nizhny Novgorod Region. EDN: <https://elibrary.ru/QKISSJ>
5. Butusov, M. N. (1981). A. S. Pushkin in Lukoyanov. In *Notes of Local Historians* (Issue 5, pp. 128–131). Volga-Vyatka Book Publishing House.
6. *Volzhskaya Magistrat*. (2009, July 21, No. 26). Retrieved from <https://gudok.ru/zdr/168/?ID=562496&ysclid=mpa331x29w534759954>
7. Gelfond, A. L., Lisitsyna, A. V., Ivanov, D. I., Zhdanov, E. S., & Sazanova, R. S. (2023). *Criteria for the historical and cultural value of objects with signs of cultural and historical heritage located in the Nizhny Novgorod region*. NNGASU.
8. Girovka, N. N. (2014). Methodological aspects of assessing the historical and cultural potential as a resource of the territory's tourism complex (using the Nizhny Novgorod region as an example). *Service plus*, 8(4), 3–8. <https://doi.org/10.12737/6460>. EDN: <https://elibrary.ru/SZSLYD>
9. Girovka, N. N. (2012). *Recreational resources*. FSBEI HPE “Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering”.
10. Grechkovskaya, N. S., & Strakhova, P. A. (2015). History and sights of the village of Kudayarovo. *Humanitarian Scientific Research*, (11). Retrieved from <https://human.snauka.ru/2015/11/13085>
11. *Unified State Register of Cultural Heritage Objects (Historical and Cultural Monuments) of the Peoples of the Russian Federation*. Retrieved from <https://opendata.mkrf.ru/opendata/7705851331-egrkn>
12. Ermonina, I. V. (2015). Comprehensive assessment of natural and historical-cultural heritage objects on forest fund territory. *Proceedings of BSTU. Series 5: Economics and Management*, (7), 116–119. EDN: <https://elibrary.ru/VVFTUD>
13. *Catalog of historical real estate of the Nizhny Novgorod region and the city of Nizhny Novgorod*. (2026). Retrieved from <https://anoasiris.ru/objects>
14. Kashina, G. I., Komissarov, V. V., & Tabashin, N. V. (Eds.). (2009). *Our Land Lukoyanovsky. Issue 2. Historical reference book*. Arzamas Printing House.
15. Kedyarkina, F. I. (Ed. & responsible for the issue). (2000). *Our Land Lukoyanovsky: Local history almanac*. Nizhny Novgorod Humanitarian Center.
16. Department of Cultural Heritage of the City of Moscow. (2015). *Criteria for the historical and cultural value of objects with signs of cultural heritage located in the territory of the city of Moscow* (Order No. 478 dated December 30, 2015). Retrieved from <https://www.mos.ru/dkn/documents/normativnye-pravovye-akty/view/50171220>
17. Kurashov, Yu. Yu. (2017). Criteria for assessing cultural heritage objects: Cultural-historical aspect and legal solutions. *Academic Bulletin of UralNIIProekt RAASN*, (4), 40–44. EDN: <https://elibrary.ru/YTRIOS>

18. Lappo, G. M. (2012). *Cities of Russia. A geographer's view*. Novy Khronograf. EDN: <https://elibrary.ru/QKLEZX>
19. Lebedeva, S. A. (2023). Development of literary tourism in Russia and world-wide: Review of scientific sources. *Creative Economy*, 17(8), 2009–2936. <https://doi.org/10.18334/ce.17.8.118579>. EDN: <https://elibrary.ru/GQGKPX>
20. *Lukoyanovskaya Pravda*. (2021, June 4). Retrieved from <http://lukgazeta.ru?p=14401>
21. *Lukoyanovskaya Pravda*. (2022, October 28). Retrieved from <http://lukgazeta.ru?p=23455>
22. *Lukoyanovskaya Pravda*. (2025, July 11). Retrieved from <http://lukgazeta.ru?p=38225>
23. Ministry of Economic Development of the Russian Federation. (2025). *Methodological recommendations for the formation of tourist routes* (Order No. 568 dated August 29, 2025). Retrieved from <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/412608381/?ysclid=mon836pm5q570304417>
24. *New Golden Ring: 49 more cities included in the tourist route*. (2026, January 10). Retrieved from https://www.economy.gov.ru/material/news/novoe_zolotoe_kolco_v_turmarshrut_voshli_eshche_49_gorodov.html?ysclid=mon2yr0n7r118910887
25. Pershina, N. V., & Ugryumova, S. V. (2016). On the issue of the tourist attractiveness of the territory. *Young Scientist*, 16(120), 187–189. EDN: <https://elibrary.ru/WINMMH>
26. Ministry of Natural Resources of the Russian Federation. (1993). *Regulations on natural monuments of federal significance in the Russian Federation* (Order No. 15 dated January 25, 1993). Retrieved from <https://base.garant.ru/2107074/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33>
27. Martyanova, I. (Ed.). (2004). *Nature of the Lukoyanovsky district*. Lukoyanov.
28. Pyzhova, O. A. (2009). Assessment of cultural and historical resources as a key component of the tourist and recreational potential of the Pskov region. *Pskov Regional Studies Journal*, (8), 75–83. EDN: <https://elibrary.ru/NUAOLV>
29. Romanova, N. V., & Silkina, N. Yu. (2024). Literary tourism as a social phenomenon: Study of cultural practices and the tourism industry in Russia. *Society: Sociology, Psychology, Pedagogy*, (4), 16–20. <https://doi.org/10.24158/spp.2024.4.1>. EDN: <https://elibrary.ru/CYTUEM>
30. Slabuha, A. V. (2016). Establishing the historical and cultural value of architectural heritage objects (Part 2): Criteria and method in modern expert practice. *Human and Culture*, (6), 9–22. EDN: <https://elibrary.ru/XKOZHF>
31. Government of the Russian Federation. (2019). *Strategy for the development of tourism in the Russian Federation for the period up to 2035* (Order No. 2129-r dated September 20, 2019). Retrieved from <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72661648/?ysclid=mon4fea588603638962#1000>

32. Suvorova, A. V. (2016). The role of the museum in the preservation of cultural heritage. *Culture and Civilization*, 6(5A), 390–396. EDN: <https://elibrary.ru/YNAZJN>
33. Russian Federation. (1995). *Federal Law No. 33-FZ dated March 14, 1995 “On specially protected natural areas”* (with amendments and additions). Retrieved from <https://base.garant.ru/10107990>
34. Russian Federation. (2002). *Federal Law No. 73-FZ dated June 25, 2002 “On objects of cultural heritage (monuments of history and culture) of the peoples of the Russian Federation”* (with amendments and additions). Retrieved from <https://base.garant.ru/12127232>

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Белохвостов Андрей Николаевич, доцент кафедры «Общеобразовательных и профессиональных дисциплин», кандидат исторических наук
Нижегородский институт путей сообщения – филиал Приволжского государственного университета путей сообщения
 пл. Комсомольская, 3, г. Нижний Новгород, Нижегородская область,
 603011, Российская Федерация
andry1979b@mail.ru

Матвеева Юлия Олеговна, доцент кафедры «Общеобразовательных и профессиональных дисциплин», кандидат культурологии
Нижегородский институт путей сообщения – филиал Приволжского государственного университета путей сообщения
 пл. Комсомольская, 3, г. Нижний Новгород, Нижегородская область,
 603011, Российская Федерация
mylia2008@yandex.ru

Чистяков Вячеслав Айдарович, доцент кафедры «Общеобразовательных и профессиональных дисциплин», кандидат социологических наук
Нижегородский институт путей сообщения – филиал Приволжского государственного университета путей сообщения
 пл. Комсомольская, 3, г. Нижний Новгород, Нижегородская область,
 603011, Российская Федерация
fpk_kfu@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Andrey N. Belokhvostov, Associate Professor of the Department of General and Professional Disciplines, Candidate of Historical Sciences
Nizhny Novgorod Institute of Railway Engineering, branch Volga State Transport University

3, Komsomolskaya Sq., Nizhny Novgorod, 603011, Russian Federation
andry1979b@mail.ru
SPIN-code: 8100-6520
ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-1493-2683>

Yuliya O. Matveicheva, Associate Professor of the Department of General and Professional Disciplines, Candidate of Cultural Studies
Nizhny Novgorod Institute of Railway Engineering, branch Volga State Transport University
3, Komsomolskaya Sq., Nizhny Novgorod, 603011, Russian Federation
myulia2008@yandex.ru
SPIN-code: 3175-6750

Vyacheslav A. Chistyakov, Associate Professor of the Department of General and Professional Disciplines, Candidate of Sociology
Nizhny Novgorod Institute of Railway Engineering, branch Volga State Transport University
3, Komsomolskaya Sq., Nizhny Novgorod, 603011, Russian Federation
fpk_kfu@mail.ru
SPIN-code: 6251-9410
ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-3344-7389>

Поступила 17.05.2026
После рецензирования 15.06.2026
Принята 18.06.2026

Received 17.05.2026
Revised 15.06.2026
Accepted 18.06.2026

Теория и история культуры, искусства / Theory and History of Culture, Art

Научная статья

DOI: [10.12731/2576-9782-2026-10-2-341](https://doi.org/10.12731/2576-9782-2026-10-2-341)

EDN: [ADQNR](https://www.edn.by/ADQNR)

УДК [351.853.1:75]:316.7(476)

Original article

От объекта к образу: практики репрезентации памятников в работах художников

О.М. Соколова

*Белорусский государственный университет культуры и искусств,
Минск, Республика Беларусь*

Аннотация

Обоснование. Статья посвящена репрезентации памятников в работах художников как составляющей части художественного образа и свидетельства исторического, культурного и духовного развития современного социума. Предметом анализа выступают работы художников, на которых запечатлены памятники в пространстве белорусских городов и местечек.

Цель. Автор ставит целью раскрыть сущность и содержание художественной репрезентации памятников как актуальной практики сохранения историко-культурного наследия.

Методология проведения работы. В исследовании использованы структурно-семиотический подход, в ракурсе которого применены методы описания, обобщения и семиотического анализа, а также феноменологический подход и метод морфологического анализа.

Результаты. Результаты работы заключаются в том, что автор эксплицирует концепт «памятник» в ракурсе художественной интерпретации, выявляя трансформацию смысловых оттенков и художественных форм репрезентации памятника в разные исторические периоды. Автор приходит к заключению, что реминисценция служит для объединения личного культурного опыта с настоящим, воспроизведения и осмысления прошлого как связующей формы современного диалога.

Область применения результатов. Результаты исследования могут использоваться в качестве теоретико-методологической базы в последующих научных разработках, посвященных изучению культуры памяти. Полученные выводы вносят вклад в понимание философии культуры и искусствоведения, раскрывая, как художественный образ памятника взаимодействует с исторической памятью.

Ключевые слова: памятник; образ времени; память культуры; историко-культурное наследие; работы художников; городское пространство; Беларусь

Для цитирования. Соколова, О. М. (2026). От объекта к образу: практики репрезентации памятников в работах художников. *Russian Studies in Culture and Society / Российские исследования. Культура и общество*, 10(2), 188-209. <https://doi.org/10.12731/2576-9782-2026-10-2-341>

From object to image: practices of representing monuments in artists' works

O.M. Sokolova

*Belarusian State University of Culture and Arts,
Minsk, Republic of Belarus*

Abstract

Background. The article is devoted to the representation of monuments in artists' works as an integral part of the artistic image and evidence of the historical, cultural, and spiritual development of contemporary society. The subject of the analysis is the works of artists that depict monuments in the space of Belarusian cities and towns.

Purpose. The author aims to reveal the essence and content of artistic representation of monuments as a relevant practice for preserving historical and cultural heritage.

Methodology. The study uses a structural-semiotic approach, which applies methods of description, generalization and semiotic analysis, as well as a phenomenological approach and the method of morphological analysis.

Results. The results of the study are that the author explicates the concept of "monument" in terms of artistic interpretation, revealing the transformation of semantic nuances and artistic forms of monument representation across different historical periods. The author concludes that reminiscence serves to connect personal cultural experience with the present, reproducing and interpreting the past as a connecting form of contemporary dialogue.

Practical implications. The results of the study can be used as a theoretical and methodological basis for future research on the culture of memory. The findings contribute to the understanding of the philosophy of culture and art history, revealing how the artistic image of a monument interacts with historical memory.

Keywords: monument; image of time; cultural memory; historical and cultural heritage; works of artists; urban space; Belarus

For citation. Sokolova, O. M. (2026). From object to image: practices of representing monuments in artists' works. *Russian Studies in Culture and Society*, 10(2), 188-209. <https://doi.org/10.12731/2576-9782-2026-10-2-341>

Введение

Концепт «памятник» в культуре полисемичен. Его значения закреплялись исторически, развиваясь от узкого понимания (архитектурное или скульптурное сооружение, созданное с целью постоянно сохранять и поддерживать у последующих поколений живую память об отдельных человеческих свершениях или судьбах или же сочетаниях того и другого [12]) к широкому смыслу (историко-культурный источник формирования образов времени и представлений о прошлом). В статье памятник рассматривается в его изначальном прямом значении как объект, транслирующий ценности, созданные в прошлом, но определяющие суть настоящего, через призму взгляда художника, моделирующего пространственно-временной объект, выраженный в художественной форме.

Современный американский феноменолог Э. Кейси, специализирующийся на изучении памяти, места и ландшафта, опираясь на концепции Э. Гуссерля [20] и М. Хайдеггера [19], предлагает подход к памяти не как к ментальному хранилищу, а в неразрывной связи с местом и телом, таким образом уходя от ментализма к телесному и пространственному опыту [17, p. 146–215]. Э. Кейси детально исследует феноменологию места, его важность для человеческого существования во взаимодействии с ландшафтом и приходит к заключению, что память — это многообразие способов существования во времени и пространстве.

Согласно феноменологической редукции Э. Гуссерля [21], «выносятся за скобки» то, что не сохраняет многообразие жизненного мира. Философ выделил две формы осуществления воспоминания: «подхватывание» (смутное и не повторяющее) и воспроизводящее (временной предмет «полностью выстраивается в континууме воспроизведений» и воспринимается снова), и вот это воспроизводящее относится к материальной культуре, к взаимодействию архитектуры с ландшафтом местности, где она проявляется, и к соотносению человеческого существования как конечного, но стремящегося к преодолению смертности и конечности через художественную репрезентацию памятников архитектуры как актуальной практики сохранения историко-культурного наследия.

Историк культуры М. С. Каган, выделяя материальный, духовный и художественный слои культуры, формой предметности художественной культуры определяет воплощенный художественный образ [6, с. 216–228]. При этом художественное освоение мира предполагает не столько изображение материального или исторического ядра места памяти, сколько его отражение в сознании и формы его восприятия [9, с. 21].

В современном гуманитарном научном поле растет интерес к проблеме выражения и поиска образного языка в контексте меняющихся культурных конвенций. Исследователи поднимают вопросы художественного освоения городского пространства [1; 8; 11; 13], особенностей отражения архитектурного наследия в живописи [3–5], типологии образов наследия и исторической памяти, репрезентируемых в городской культурной среде [2; 7]. Проблематика культуры памяти в ракурсе визуализации мемориальной скульптуры и архитектуры в работах художников остается неизученной областью знания, что определяет актуальность и новизну исследования.

Цель исследования – раскрыть сущность и содержание художественной репрезентации памятников как актуальной практики сохранения историко-культурного наследия. Поставленная цель определяет задачу рассмотреть памятники в работах художников, созданных в разные временные периоды, в качестве исторических объектов и художественных образов в контексте их смысловой и эстетической интерпретации.

Материалы и методы

Эмпирическим материалом исследования послужили работы художников, на которых запечатлены памятники в пространстве белорусских городов и местечек. Для раскрытия сущности понятия «памятник», объективированного в произведении живописи, использован структурно-семиотический подход, в ракурсе которого применены методы описания, обобщения и семиотического анализа. Феноменологический подход позволил проследить проявление

пространственного опыта художественной рефлексии над памятью. С помощью морфологического метода проанализированы формы художественного воплощения времени.

Результаты и обсуждение

Память культуры функционирует в виде образов [14, с. 15], посредством которых формируется представление о социокультурном пространстве в ретроспективе. Дискурсивно-семиотическая модель освоения общественного пространства, складывающаяся из образов прошлого, находит выражение в монументальном искусстве – архитектурных или скульптурных памятниках, которые используются в качестве распространенного сюжета на живописных полотнах. Монументы, скульптурные композиции выполняют функцию носителя памяти. Эта функция рассматривается как их социальное должествование и в таком качестве представлена в истории европейского монументального искусства.

Рис. 1. Бернардо Беллотто. Колонна Сигизмунда III со стороны спуска к Висле. 1767–1770

Fig. 1. Bernardo Bellotto. Sigismund III's Column as seen from the Vistula River embankment. 1767–1770

Связь памятника с историей является основополагающей для европейского мышления. Эта связь ярко воплощена в образах города на полотнах художников XVIII в., работавших в жанре ведута (ведуты Карлевариса, Каналетто, Беллотто). Художественные полотна, на которых памятники придают архитектурному ансамблю композиционную завершенность, создают визуальные образы истории, играют роль исторического документа. Например, точная детализация работ Беллотто («Колонна Сигизмунда III со стороны спуска к Висле» (рис. 1), «Краковское предместье со стороны Краковских ворот» (рис. 2), «Площадь Мнишков» (рис. 3) и др.) использовалась при восстановлении во второй половине 1940-х гг. исторического центра Варшавы, разрушенного во время Второй мировой войны.

Рис. 2. Бернардо Беллотто. Краковское предместье со стороны Краковских ворот. 1767–1768

Fig. 2. Bernardo Bellotto. A View of the Krakow Suburbs from the Krakow Gate. 1767–1768

На примерах работ художников, отражающих историко-культурное наследие Беларуси, рассмотрим практики, формы и смысловые интерпретации репрезентации памятников в пространстве белорусских городов и местечек.

Рис. 3. Бернардо Беллотто. Площадь Мнишков. 1779

Fig. 3. Bernardo Bellotto. Mniszek Square. 1779

Гравюра с изображением костела Святого Станислава в Молятичах (с 1772 г. – Мстиславский уезд Могилевской губернии Российской империи, ныне агрогородок в Кричевском районе Могилевской области), построенного по указанию владельца местечка архиепископа Станислава Богуш-Сестренцевича в виде уменьшенной копии собора Святого Петра в Ватикане (архитектор Л. Гуцевич [10]) и освященного 29 июня 1794 г. в честь его небесного покровителя – святого Станислава, выполнена художником Уильямом Александром Ле Пети (William Alexander Le Petit) и опубликована Леонардом Ходько в альманахе «*La Pologne historigue, litt raire, monumentalle et illustrie*», изданном в Париже в 1839 г. в качестве иллюстрации к статье о молятичском костеле [18]. В публикации, сопровождаемой изображением¹, содержалась биография С. Богуш-Сестренцевича, и в первую очередь подчеркивались не художественные характеристики костела как памятника архитектуры, а аспекты исторической памяти. Впоследствии гравюра неоднократно переиздавалась (рис. 4).

¹ *La Pologne historigue, litt raire, monumentalle et illustrie*. Paris, 1839. P. 484.

Рис. 4. William Alexander Le Petit. Костел Святого Станислава. 1839

Fig. 4. William Alexander Le Petit. St. Stanislaus Church. 1839

Следует отметить, что во второй половине XVIII в. подобные виды площади Святого Петра были широко распространены в Европе (ведуты Джованни Баттисты Пиранези, Джузеппе Вази и др.) [22, р. 229–231]. При создании композиции молятичского собора художник вдохновлялся архитектурными пейзажами итальянских художников и поместил перед костелом в центре площади, окруженной колоннадой, изображение обелиска, таким образом подчеркнув мемориальную архитектурную преемственность с древним наследием. В действительности, ни колоннады, ни обелиска перед костелом в Моялтичах не было.

Одним из главных методов реминисценции является аллюзия и ретроспекция рефлекслирующего сознания. Художник с помощью памятного образа передал смысловую наполненность места – обелиск символизирует пространственную центрированность, средоточие веры, связь времен, могущество и сакральность власти.

Обелиски служат смысловой доминантой мнемонической ценности, их устанавливали как памятники историческим событиям, героям и жертвам войны, в том числе жертвам эпидемий.

Согласно М. Элиаде, сакральное – иное по сравнению с профанным и «никогда не открывается человеку непосредственно целиком и во всей полноте» [15, с. 407]. Элиаде раскрывает категорию сакрального, вводя понятие «иерофаня», в контексте которого объект (памятник) воспринимается как проявление священного.

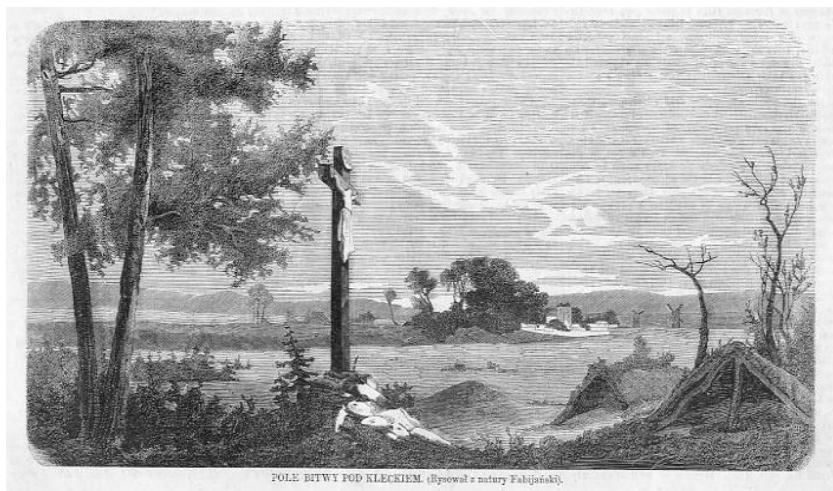

Рис. 5. Эразм Рудольф Фабиянский. Поле битвы под Клецком. 1862

Fig. 5. Erazm Rudolf Fabiański. The Battlefield at Kletsk. 1862

К. Г. Юнг рассматривал нуминозное как нечто, не зависящее от индивидуального человеческого сознания, что-то, что переполняет страхом, трепетом и восхищением. При этом Юнг полагал, что религия – особая установка сознания, измененного опытом нуминозного, а вероучение – кодифицированные и догматизированные формы первоначального религиозного опыта [16]. В этом ракурсе объекты городских пейзажей, интегрированных с природой, городской архитектуры, ведут могут также рассматриваться как религиозные объекты или догматизированный религиозный опыт (например, обелиск, Монумент Победы, на площади Победы в Минске).

Польский художник Эразм Рудольф Фабиянский к статье, посвященной Клецкой битве 1506 г., опубликованной в журнале «Tygodnik Ilustrowany» за 1862 г.¹, выполнил зарисовку поля битвы под Клецком (рис. 5). На первый план он вынес изображение памятника-креста, символа веры и вечной жизни, тем самым воплотив художественный образ места памяти о жертвах татарских набегов и в то же время символизирующий победу войск Великого княжества Литовского под командованием князя Михаила Глинского.

Рис. 6. Наполеон Орда. Янов, Костел Св. Креста, часовня Св. Андрея Боболи. 1861
Fig. 6. Napoleon Orda. Janów, Church of the Holy Cross, Chapel of St. Andrew Boboli. 1861

Большой вклад в сохранение историко-культурного наследия Беларуси внес Наполеон Орда, запечатлевший памятники архитектуры на многочисленных рисунках, созданных им в XIX в. Благодаря детально проработанным работам художника, выполненным с документальной точностью в жанре городского и пейзажного этюда, в наше время удалось воссоздать архитектурные детали при восстановлении и реставрации некоторых сохранившихся памятных объектов и консер-

¹ Tygodnik Ilustrowany, 1862. № 150. S. 57.

вации утраченных. Наиболее широко в работах Орды представлена архитектура Гродно, Витебска, Минска, Могилева, Полоцка, Пинска, Новогрудка, Несвижа, Турова, других городов и местечек.

На одном из рисунков художника в изображении его родного Янова (ныне г. Иваново Брестской области) на первом плане можно увидеть памятник-часовню святого Андрея Боболи (рис. 6), установленный после 1853 г. на месте его гибели в 1657 г. Памятник в виде похожей на колонну двухъярусной часовни под четырехскатной крышей с ордерным декором выполнен в стиле классицизма, позволяющим выразить драматизм, эмоциональную вовлеченность, страдания и праведность священника-миссионера.

Часовня не сохранилась, однако памятный образ воссоздан в современной копии рисунка Наполеона Орды на одном из зданий г. Иванова. Также ее облик повторяют башенки-часовни, установленные (1995–2000) по углам ограды Крестовоздвиженского костела – санктуария святого Андрея Боболи в Иваново.

Выявлением архитектурных памятников активно занимался русский художник Г. К. Лукомский, выполняя зарисовки городских пейзажей Минска, Витебска, Полоцка, Могилева, Гомеля. Сотрудничая с издательством при Общине св. Евгении, которое специализировалось в том числе на выпуске художественных, видовых и репродукционных открыток, Г. К. Лукомский писал акварели для художественных оригинальных открыток с видами наиболее замечательных памятников зодчества [4]. На почтовой открытке «Полоцк. Николаевский собор и памятник Отечественной войны» (1910-е гг.) (рис. 7) представлена часть памятника-часовни героям Отечественной войны 1812 г., установленного в 1850 г. (архитектор Антонио Адамини). В панораме Полоцка художник запечатлел образ монументального и, как представляется при взгляде на рисунок, незыблемого места историко-культурной памяти. Восьмигранная усеченная пирамида, увенчанная куполом в виде луковицы с позолоченным крестом символизирует воинскую доблесть и имперскую государственную мощь, сочетая византийские традиции с элементами русского зодчества.

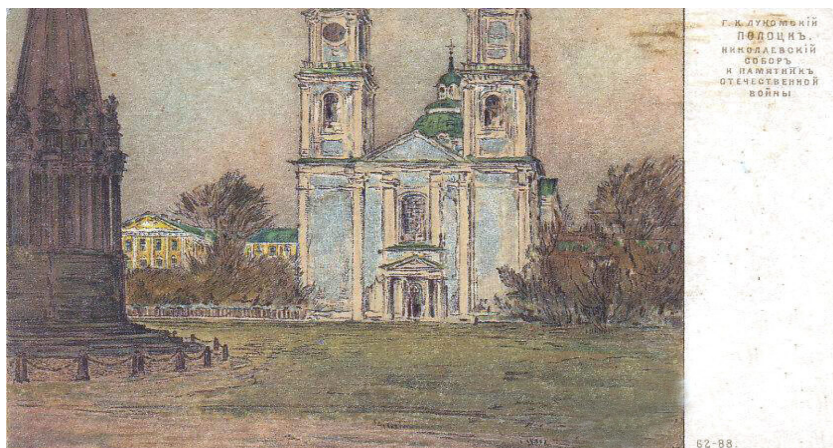

Рис. 7. Полоцк. Николаевский собор и памятник Отечественной войны: открытка / худож. Г. К. Лукомский. Петербург: Община св. Евгении, между 1904 и 1914

Fig. 7. Polotsk. St. Nicholas Cathedral and the Monument to the Patriotic War: postcard / art by G. K. Lukomsky. St. Petersburg: St. Eugenia Society, between 1904 and 1914

Памятник был снесен в 1932 г. и восстановлен по архивным источникам и фотографическим изображениям в 2010 г. На стене одного из зданий современного Полоцка размещено граффити с изображением памятника-часовни (художник С. Тимохов).

Популяризатором историко-культурного наследия г. Могилева являлся живописец К. Н. Гедда. В цикле его художественно-документальных работ, посвященных Могилеву (1920–1930-е гг.), один из городских пейзажей выполнен по фотографии с открытого письма (рис. 8), изданного писчебумажным магазином Л. Шик между 1890 и 1904 гг. Облик собора Иосифа Обручника (архитектор Н. А. Львов), взорванного в 1938 г., сохранен в акварели художника (рис. 9), хранящейся в коллекции Художественного музея им. П. В. Масленикова. На рисунке памятник-храм, являясь композиционным центром города, выступает воплощением исторической памяти.

Иосифовский собор был сооружен в память о встрече в Могилеве в 1788 г. Екатерины II (во время путешествия императрицы по белорусским губерниям) и австрийского императора Иосифа II, в присутствии которых был заложен первый камень будущего кафе-

дрального собора, и символизировал установление русско-австрийских дипломатических связей.

Рис. 8. Могилев губ. Кафедральный собор: открытка.

Могилев: издание Писч.-бум. магаз. Л. Шик, между 1890 и 1904

Fig. 8. Mogilev Province. Cathedral: postcard.

Mogilev: Published by L. Shik's Stationery and Paper Store, between 1890 and 1904

Рис. 9. К. Н. Гедда. Собор Франца Иосифа, г. Могилев. 1930-е гг.

Fig. 9. K. N. Gedda. St. Franz Joseph's Cathedral, Mogilev. 1930s.

Архитектор Н. А. Львов во время работы над проектом собора выполнил несколько акварельных рисунков Могилева (в том числе с видом на храм (рис. 10), чтобы вписать его в городскую среду), которые ныне хранятся в Русском музее (г. Санкт-Петербург). Эти рисунки неоднократно печатались в научных и популярных изданиях. Торжественный мемориальный характер собора, выполненного в стиле классицизма, отсылает к греческим формам, римскому Пантеону, вызывая ассоциации с античной и ренессансной иконографией.

Рис. 10. Н. А. Львов. Видъ Церкви С. Иосифа смотря въ Городъ. 1780
Fig. 10. N. A. Lvov. View of St. Joseph's Church Looking Toward the City. 1780

Художники советского периода в качестве акцентного символа в городском пейзаже изображали обелиск на площади Победы в Минске (архитекторы Г. Заборский, В. Король, 1954). Монумент Победы является самым распространенным объектом в работах как художников 1960–1980-х гг., так и современных. Он присутствует на литографиях и линогравюрах С. Геруса «Круглая площадь» (1956) (рис. 11), «Площадь Победы в Минске» (1980-е), А. Н. Тычины

«Площадь Победы» (1956) (рис. 12), Л. Асецкого «Площадь Победы» (1985), рисунках В. Версоцкого «Минск. Площадь Победы» (1955), Ю. А. Булычева «Минск. Площадь Победы» (1960), И. Гембицкого «Площадь Победы» (1965), О. Марикса «Площа Перамогі» (1963) (рис.13), И. Рея «Площадь Победы» (1981), монументальных полотнах М. Данцига «Минск. Площадь Победы» (1972), в графике Б. Малкина «Обелиск Победы» (1967), В. Басалыги «Праздничный Минск» (1985) и др.

Рис. 11. С. П. Герус. Круглая площадь. 1956

Fig. 11. S. P. Gerus. Round Square. 1956

Рис. 12. А. Н. Тычина Минск. Площадь Победы. 1956

Fig. 12. A. N. Tychina, Minsk. Victory Square, 1956

Символика Победы отражена на полотнах, изображающих городские композиционные доминанты столицы, где памятник зачастую выступает главной вертикалью, фиксирующей взгляд (например, Ю. В. Мацура «Площадь Победы» (2025), «Залитый солнцем город» (2026)). Особенно активно монумент Победы представлен в современных пленэрных работах, транслируя ценности памяти о Подвиге, неразрывно связанном с общенациональной идентичностью.

В работах современных художников образ города, частью которого является памятник, представлен как реалистически, так и фантазийно. Например, сопоставив суровый стиль М. Данцига («Минск. Площадь Победы», 1972) (рис. 14) и сказочный реализм И. В. Римашевского («Круглая площадь», 2007) (рис. 15), в общей сюжетной линии – традиции возложения молодоженами в день свадьбы цветов к Вечному огню, можно проследить отличия не только в стилистике художественного исполнения, но и личностном переживании и игре воображения.

Рис. 13. О. П. Марикс. Плошча Перамогі. 1963

Fig. 13. O. P. Mariks. Victory Square. 1963

Рис. 14. М. В. Данциг. Минск. Плошча Пабеды. 1972

Fig. 14. M. V. Danzig. Minsk. Victory Square. 1972

Рис. 15. И. В. Римашевский. Круглая площадь. 2007

Fig. 15. I. V. Rimashevsky. Round Square. 2007

Некоторые из этих работ используются на открытках и календарях, решая задачи эстетизации и популяризаторства историко-культурного наследия.

Заключение

Художественная интерпретация памятника отражает многообразие способов и форм освоения пространства. Особенно активно памятники изображаются в советской городской живописи 1960–1980-х гг., современных пленэрных работах, картинах художников. Изображение памятников на картинах художников позволяет не только запечатлеть внешний вид объекта, но и передать его значение, историю и связь с окружающим миром, а также вызвать у зрителя определенные эмоции и размышления. Объединяя художественный образ и документальность, художники передают уникальные особенности города определенной исторической эпохи, индивидуально трактуя

городское пространство. В их работах памятники выполняют несколько функций, чаще всего выступая композиционным центром (площади, мемориальных ансамблей, центральных городских пространств) либо элементом городского пейзажа, маркером исторической памяти, символом городской идентичности.

Информация о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о спонсорстве. Исследование не имело спонсорской поддержки.

Список литературы

1. Горанская, Т. Г. (2017). *Города Беларуси в изобразительном искусстве XX — начала XXI века*. Минск: Беларуская навука. 256 с.
2. Горелова, Ю. Р., & Хилько, Н. Ф. (2021). Художественная и мультимедийная репрезентация в отражении образов наследия и исторической памяти в городской культурной среде. *Культурологический журнал*, 3(45), 58–67. <https://doi.org/10.34685/HI.2021.93.63.023>. EDN: <https://elibrary.ru/OOMTUF>
3. Грищенко, А. Б. (2023). Истоки жанра «архитектурный пейзаж» в белорусском изобразительном искусстве. *Искусство и культура*, 1(49), 12–16. EDN: <https://elibrary.ru/AAVSND>
4. Грищенко, А. Б. (2023). Образ белорусских городов в акварелях Г. Лукомского на материале почтовых открыток из фондов Национальной библиотеки Беларуси. В *Культура: открытый формат: сборник научных статей Международной заочной научной конференции* (с. 59–63). Минск: БГУКИ. EDN: <https://elibrary.ru/XICXTY>
5. Грищенко, А. Б. (2021). Особенности художественного отражения архитектурного наследия Беларуси в живописи. В *Барышевские чтения: материалы Международной заочной научной конференции* (с. 58–62). Минск: БГУКИ. EDN: <https://elibrary.ru/KFQDEN>
6. Каган, М. С. (2018). *Философия культуры*. Москва: Юрайт. 353 с. ISBN: 978-5-534-06178-9. EDN: <https://elibrary.ru/ZTFTKV>
7. Кузьмин, А. А. (2025). Мемориальные пространства: от древности до современных форм. *Современное строительство и архитектура*, 9(64), 1–11. <https://doi.org/10.60797/mca.2025.64.1>. EDN: <https://elibrary.ru/NLNXNF>
8. Лекус, Е. Ю. (2024). Современный художественный образ города: монументальная скульптура в контексте постистории. *Вестник Московского государственного университета культуры и искусств*, 1(117), 87–99. <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-1117-87-99>. EDN: <https://elibrary.ru/CKVBHT>

9. Мальцева, Е. А. (2020). Художественный образ как результат отражения и конструирования реальности. *Обсерватория культуры*, 17(1), 16–25. <https://doi.org/10.25281/2072-3156-2020-17-1-16-25>. EDN: <https://elibrary.ru/RVFDAP>
10. Морозов, В. Ф. (2021). Творчество архитектора Л. Гуцевича в Беларуси. *Архитектура и строительство*, 2, 34–38.
11. Осминская, Н. А. (2017). Городские образы в европейском изобразительном искусстве XVII–XVIII вв. и их функция в коммуникативной среде. *Артикульт*, 4(28), 16–35. <https://doi.org/10.28995/2227-6165-2017-4-16-35>. EDN: <https://elibrary.ru/YOHRQG>
12. Ригль, Алоиз. (2018). *Современный культ памятников: его сущность и возникновение*. Москва: ЦЭМ. 96 с.
13. Соколова, О. М. (2016). Культуроним Минска в произведениях художественной культуры Новейшего времени. *Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта культуры і мастацтваў*, 1(25), 42–59. EDN: <https://elibrary.ru/WILULH>
14. Шуб, М. Л. (2018). *Культурная память: сущностные особенности и социокультурные практики бытования*. Челябинск: ЧГИК. 303 с. ISBN: 978-5-94839-651-4. EDN: <https://elibrary.ru/VLTYLG>
15. Элиаде, М. (1999). *Трактат по истории религий: в 2 т. Т. 1*. Санкт-Петербург: Алетейя. 816 с.
16. Юнг, К. Г. (1991). *Архетип и символ*. Москва: Ренессанс. 304 с.
17. Casey, E. S. (2000). *Remembering: a phenomenological study* (2nd ed.). Bloomington, IN: Indiana University Press. 362 p.
18. Chodzko, L. (1839). Eglise de Saint-Stanislas a Malatycze. В *La Pologne historique, littéraire, monumentale et illustrée* (pp. 401–402). Paris.
19. Heidegger, M. (1990). *Gesamtausgabe. II. Abteilung: Vorlesungen 1923–1944. Band 26: Metaphysische Anfangsgründe der Logik im Ausgang von Leibniz*. Frankfurt a/M.: Vittorio Klostermann. 291 S.
20. Husserl, E. (2005). *Phantasy, image consciousness and memory (1898–1925)* (J. B. Brough, Trans.). Dordrecht: Springer. 723 p.
21. Husserl, E. (2009). *Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie*. Meiner Verlag. XXXVIII, 424 S.
22. Janonienė, R. (2023). Maliatyčių bažnyčia kaip katalikų vienybės simbolis. В R. Šmigelskytė-Stukienė (Ed.), *Lietuvos Didžioji Kunigaikštystė. Parlamentarizmas. Konstitucija. Visuomenė: Vol. 9: XVIII amžiaus studijos* (pp. 226–246). Vilnius: Lietuvos istorijos institutas. <https://doi.org/10.33918/23516968-009012>. EDN: <https://elibrary.ru/JNNYFB>

References

1. Goranskaya, T. G. (2017). *Cities of Belarus in the visual arts of the 20th – early 21st century*. Minsk: Belaruskaya Navuka. 256 p.

2. Gorelova, Y. R., & Khilko, N. F. (2021). Artistic and multimedia representation in reflecting the images of heritage and historical memory in the urban cultural environment. *Culturological Journal*, 3(45), 58–67. <https://doi.org/10.34685/HI.2021.93.63.023>. EDN: <https://elibrary.ru/OOMTUF>
3. Grishchenko, A. B. (2023). The origins of the “architectural landscape” genre in Belarusian visual art. *Art and Culture*, 1(49), 12–16. EDN: <https://elibrary.ru/AAVSND>
4. Grishchenko, A. B. (2023). The image of Belarusian cities in watercolors by G. Lukomsky based on postcards from the collections of the National Library of Belarus. In *Culture: Open Format: Collection of Scientific Articles of the International Correspondence Scientific Conference* (pp. 59–63). Minsk: BGUKI. EDN: <https://elibrary.ru/XICXTY>
5. Grishchenko, A. B. (2021). Features of the artistic reflection of Belarus’ architectural heritage in painting. In *Baryshev Readings: Materials of the International Correspondence Scientific Conference* (pp. 58–62). Minsk: BGUKI. EDN: <https://elibrary.ru/KFQDEN>
6. Kagan, M. S. (2018). *Philosophy of culture*. Moscow: Yurayt. 353 p. ISBN: 978-5-534-06178-9. EDN: <https://elibrary.ru/ZTFTKV>
7. Kuzmin, A. A. (2025). Memorial spaces: From antiquity to modern forms. *Modern Construction and Architecture*, 9(64), 1–11. <https://doi.org/10.60797/mca.2025.64.1>. EDN: <https://elibrary.ru/NLNXNF>
8. Lekus, E. Y. (2024). The modern artistic image of the city: Monumental sculpture in the context of post-history. *Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts*, 1(117), 87–99. <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-1117-87-99>. EDN: <https://elibrary.ru/CKVBHT>
9. Maltseva, E. A. (2020). The artistic image as a result of reflecting and constructing reality. *Observatory of Culture*, 17(1), 16–25. <https://doi.org/10.25281/2072-3156-2020-17-1-16-25>. EDN: <https://elibrary.ru/RVFDAP>
10. Morozov, V. F. (2021). The work of architect L. Gutsevich in Belarus. *Architecture and Construction*, 2, 34–38.
11. Osminskaya, N. A. (2017). Urban images in European visual art of the 17th–18th centuries and their function in the communicative environment. *Artcult*, 4(28), 16–35. <https://doi.org/10.28995/2227-6165-2017-4-16-35>. EDN: <https://elibrary.ru/YOHRQG>
12. Riegl, Alois. (2018). *The modern cult of monuments: Its essence and origin*. Moscow: TsEM. 96 p.
13. Sokolova, O. M. (2016). The cultronym of Minsk in works of artistic culture of the modern era. *Vestnik of the Belarusian State University of Culture and Arts*, 1(25), 42–59. EDN: <https://elibrary.ru/WILULH>
14. Shub, M. L. (2018). *Cultural memory: Essential features and sociocultural practices of existence*. Chelyabinsk: CHGIK. 303 p. ISBN: 978-5-94839-651-4. EDN: <https://elibrary.ru/VLTYLG>

15. Eliade, M. (1999). *Treatise on the history of religions* (Vol. 1 of 2 vols.). Saint Petersburg: Aleteya. 816 p.
16. Jung, C. G. (1991). *Archetype and symbol*. Moscow: Renaissance. 304 p.
17. Casey, E. S. (2000). *Remembering: A phenomenological study* (2nd ed.). Bloomington, IN: Indiana University Press. 362 p.
18. Chodzko, L. (1839). Eglise de Saint Stanislas a Malatycze. In *La Pologne historique, littéraire, monumentale et illustrée* (pp. 401–402). Paris.
19. Heidegger, M. (1990). *Gesamtausgabe. II. Abteilung: Vorlesungen 1923–1944. Band 26: Metaphysische Anfangsgründe der Logik im Ausgang von Leibniz*. Frankfurt a/M.: Vittorio Klostermann. 291 S.
20. Husserl, E. (2005). *Phantasy, image consciousness and memory (1898–1925)* (J. B. Brough, Trans.). Dordrecht: Springer. 723 p.
21. Husserl, E. (2009). *Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie*. Meiner Verlag. XXXVIII, 424 S.
22. Janonienė, R. (2023). Maliatyčių bažnyčia kaip katalikų vienybės simbolis. In R. Šmigelskytė Stukienė (Ed.), *Lietuvos Didžioji Kunigaikštystė. Parlamenta-rizmas. Konstitucija. Visuomenė: Vol. 9: XVIII amžiaus studijos* (pp. 226–246). Vilnius: Lietuvos istorijos institutas. <https://doi.org/10.33918/23516968-009012>. EDN: <https://elibrary.ru/JNNYFB>

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Соколова Ольга Михайловна, начальник редакционного отдела, кандидат культурологии, доцент
Белорусский государственный университет культуры и искусств
ул. Рабкоровская, 17, г. Минск, 220007, Республика Беларусь
beatles12@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Olga M. Sokolova, Head of the Editorial Department, PhD in Culturology, Associate Professor
Belarusian State University of Culture and Arts
17, Rabkorovskaya Str., Minsk, 220007, Republic of Belarus
beatles12@mail.ru
SPIN-code: 8654-1452
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5213-8410>

Поступила 26.03.2026

После рецензирования 15.04.2026

Принята 11.05.2026

Received 26.03.2026

Revised 15.04.2026

Accepted 11.05.2026

Теория и история культуры, искусства / Theory and History of Culture, Art

Научная статья

DOI: [10.12731/2576-9782-2026-10-2-340](https://doi.org/10.12731/2576-9782-2026-10-2-340)EDN: [CDRQBP](https://www.edn.ru/CDRQBP)

Original article

УДК 1 (091)

Тайваньское искусство XX века в условиях социокультурной трансформации

Ситун Се

*Забайкальский государственный университет, Чита,
Российская Федерация*

Аннотация

Обоснование. Тайваньское искусство XX века представляет собой уникальный случай многослойного культурного трансфера, где последовательно наслаивались японское колониальное влияние, волны западного модернизма, движение в защиту локальности и, наконец, коммерциализация. Однако распространенные линейные модели описания постколониальных художественных процессов не позволяют уловить сосуществование, интерференцию и реактивацию различных влияний, а также активную роль локальных субъектов в их переработке. В связи с этим требуется пересмотр механизмов адаптации и формирования гибридной художественной идентичности на материале Тайваня.

Цель. Выявить и концептуализировать модели культурного трансфера и логику формирования гибридной художественной идентичности Тайваня в XX веке, построив аналитическую рамку, применимую для мультикультурных и постколониальных контекстов.

Материалы и методы. Исследовательская парадигма, опирающаяся на теорию культурного трансфера и концепцию гибридности, с применением метода кейс-анализа и многоуровневого анализа произведений искусства, архивов и академической литературы.

Результаты. Установлено, что эволюция тайваньского искусства проходила через этапы японской колониальной политики (1895–1945), послевоенной китаизации (с 1945 г.), модернистских веяний 1950–1960-х гг., движения за локальную идентичность в 1970-е гг., коммерциализации 1980–1990-х гг. и экспериментов нового поколения в 1990-е гг. Ключевыми механизмами адаптации выступили: заимствование академических техник через Японию, переосмысление традиционной живописи тушью, синтез западного абстрактного экспрессионизма с восточной эстетикой, обращение

к местным сюжетам. На примерах Го Сюэчу, Лю Госона, Си Дэцзина и Юань Цзинта показано, как внешние влияния превращались в ресурс для формирования плюралистической художественной идентичности. Определяющую роль в этом процессе играла агентность локальных субъектов (художников, педагогов, выставочных институций), обеспечивавшая избирательное усвоение и переработку внешних элементов.

Ключевые слова: искусство Тайваня; культурный перенос; культурная гибридность; локализация искусства; колониальное искусство; национально-культурная реконструкция; локальный реализм; современные эксперименты в живописи тушью; коммерциализация искусства

Для цитирования. Се, С. (2026). Тайваньское искусство XX века в условиях социокультурной трансформации. *Russian Studies in Culture and Society / Российские исследования. Культура и общество*, 10(2), 210-236. <https://doi.org/10.12731/2576-9782-2026-10-2-340>

20th-century Taiwanese art in the context of sociocultural transformation

Xitong Xie

Transbaikal State University, Chita, Russian Federation

Abstract

Background. Twentieth-century Taiwanese art represents a unique case of multilayered cultural transfer, sequentially encompassing Japanese colonial influence, waves of Western modernism, the movement to defend locality, and, finally, commercialization. However, common linear models for describing postcolonial artistic processes fail to capture the coexistence, interference, and reactivation of various influences, as well as the active role of local actors in their reworking. Therefore, a reconsideration of the mechanisms of adaptation and the formation of a hybrid artistic identity is required, using Taiwan as a case study.

Purpose – to identify and conceptualize the models of cultural transfer and the logic of the formation of a hybrid artistic identity in Taiwan in the 20th century, constructing an analytical framework applicable to multicultural and postcolonial contexts.

Materials and methods. A research paradigm based on cultural transfer theory and the concept of hybridity, using case study analysis and a multi-layered analysis of artworks, archives, and academic literature.

Results. It was established that the evolution of Taiwanese art has undergone stages: Japanese colonial policy (1895–1945), postwar Sinicization (since 1945), modernist trends of the 1950s–1960s, the local identity movement of the 1970s, commercialization of the 1980s–1990s, and new-generation experiments in the 1990s. Key mechanisms of adaptation included: the borrowing of academic techniques from Japan, a rethinking

of traditional ink painting, a synthesis of Western abstract expressionism with Eastern aesthetics, and an appeal to local themes. Using the examples of Guo Xuehu, Liu Guosong, Xi Dejing, and Yuan Jing, this article demonstrates how external influences were transformed into a resource for the formation of a pluralistic artistic identity. The agency of local actors (artists, educators, and exhibition institutions) played a decisive role in this process, ensuring the selective assimilation and reworking of external elements.

Keywords: Taiwan's art; cultural transference; cultural hybridity; localization of art; colonial art; national cultural reconstruction; local realism; modern experiments in ink painting; commercialization of art

For citation. Xie, X. (2026). 20th-century Taiwanese art in the context of sociocultural transformation. *Russian Studies in Culture and Society*, 10(2), 210-236. <https://doi.org/10.12731/2576-9782-2026-10-2-340>

Введение

Актуальность исследования обусловлена необходимостью пересмотра линейных моделей описания постколониальных художественных процессов. Тайваньское искусство XX века представляет собой уникальный случай многослойного культурного трансфера, где последовательно наслаивались японское колониальное влияние (1895–1945), волны западного модернизма (1950–1960-е гг.), движение в защиту локальности (1970-е гг.), коммерциализация (1980–1990-е гг.) и эксперименты нового поколения (1990-е гг.). В отличие от распространенного подхода, трактующего эти этапы как смену доминант, в статье обосновывается, что они сосуществовали и взаимодействовали, а их переработка локальными субъектами вела к формированию гибридной художественной системы.

Проблема заключается в том, что до сих пор отсутствует целостная аналитическая рамка, которая позволила бы объяснить не только смену внешних влияний, но и их наложение, интерференцию и реактивацию, а также активную преобразующую роль местных художников и институций.

Цель исследования – выявить и концептуализировать модели культурного трансфера и логику формирования гибридной художественной идентичности Тайваня в XX веке, построив аналитическую рамку, применимую для мультикультурных и постколониальных контекстов.

Задачи исследования:

- реконструировать основные этапы эволюции тайваньского искусства в XX веке, выделив ключевые внешние влияния и ответные стратегии локальных акторов;
- описать механизмы трансфера художественных элементов через институции образования, выставочную систему и посредничество художников-эмигрантов;
- проанализировать трансформацию агентности местных художников на каждом историческом этапе — от адаптации к колониальным нормам до критического переосмысления и локальной реинтеграции;
- на конкретных кейсах (Го Сюэху, Лю Госун, Си Дэцзин, Юань Цзинта) показать, как внешние заимствования превращались в ресурс для построения уникальной художественной идентичности.

Методология и теоретическая база

Теоретической основой служит теория культурного переноса (М. Эспань), акцентирующая не просто распространение элементов, а их семантическую реконструкцию в новом контексте, а также концепция гибридности Х. Бхабхи, позволяющая анализировать «третье пространство» культурного взаимодействия. Основным методом — кейс-анализ, позволяющий на примерах творчества ключевых фигур (Го Сюэху, Лю Госун, Си Дэцзин, Юань Цзинта) проследить конкретные механизмы адаптации, трансформации и новации. Деконструкция институциональных механизмов (выставочная система, образовательные учреждения) и анализ роли посредников (художников, педагогов, критиков) позволяют выявить не только формальные, но и социальные аспекты эволюции художественного поля.

Научная новизна состоит в применении теории культурного трансфера к тайваньскому материалу как целостной исторической панораме; в выделении не только смены влияний, но и их наложения, интерференции и реактивации; в концептуализации «местного субъекта» как активного преобразователя внешних импульсов.

Результаты и обсуждение

Период японской оккупации Тайваня (1895-1945)

С 1895 по 1945 годы Тайвань находился под управлением Японии. Этот период оказал глубокое влияние на тайваньское искусство. После китайско-японской войны Китай был вынужден уступить остров Тайвань Японии в 1895 году. После того вторжения Япония осуществила ряд политических, экономических и культурных мер контроля, которые основательно повлияли на традиционную культуру Тайваня [15, с. 34].

Что касается культуры, то японские колонисты ввели систему японского образования, отменили китайские газеты и журналы и попытались путем смягчения разрушить национальное самосознание тайваньцев путем организации поэтических клубов, кружков рисования и т.д. Эти меры оказали ограничительное и удушающее воздействие на развитие искусства Тайваня. В рамках этой политики местное искусство, принадлежащее Тайваню, постепенно уничтожалось, но в то же время оно породило новые художественные стили и художественные школы.

Тайваньское академическое сообщество в целом считает, что реальное влияние японской живописи на тайваньскую художественную сферу проявилось после 1910 года [2, с. 15]. До этого Тайвань все еще находился под влиянием школы живописи Вумен¹ во времена династии Мин и школы живописи Янчжоу² во времена династии Цин, и традиционная китайская живопись занимала господствующее положение. Линь Юйшань в работе «Дискуссии об художественном движении» писал, что «искусство Тайваня в прошлом не только

¹ Школа живописи Вумен: Это школа живописи в Китае середины династии Мин, также известная как «Школа Ву». Его главными представителями являются такие художники, как Шэнь Чжоу, Вэнь Чжэнмин, Тан Инь, Цю Ин, Чжан Хун и другие известные художники. https://baike.baidu.com/item/%E5%90%B4%E9%97%A8%E7%94%BB%E6%B4%BE/345564?fr=ge_al

² Школа живописи Янчжоу: «Восемь монстров Янчжоу» относится к некоторым профессиональным художникам, которые активно работали в Янчжоу с середины периода Канси династии Цин до конца периода Цяньлуна. Из-за большого количества людей он известен как «Школа живописи Янчжоу». https://baike.baidu.com/item/%E6%89%AC%E5%B7%9E%E7%94%BB%E6%B4%BE/10858970?fr=ge_al

находилось под влиянием из материкового Китая, но большинство художников приехали с материка [9, с. 15].

Влияние японского периода на развитие тайваньского искусства

Современное тайваньское искусство формировалось как академическое. В период японской оккупации многие тайваньские художники, такие как Ян Сабуро¹ и Чэнь Чэнбо², учились в японских художественных колледжах, таких как Токийская школа изящных искусств, и проходили обучение академическим навыкам. Это привело к тому, что их основные представления о живописи оказались под глубоким влиянием японской живописной школы, колеблющейся между импрессионизмом и фовизмом [13, с. 78].

При обработке картин эти художники предъявляли строгие требования к пониманию структуры, формы, цвета и уровня, особенно подчеркивая взаимосвязь между текстурой объектов, пространственным расстоянием и цветом. Этот вид творческой техники сильно контрастировал с традиционными китайскими живописными техниками. Западные художественные стили и творческие концепции были представлены Тайваню, в основном, иностранными студентами. В то время основными направлениями развития японского искусства были перенос, трансляция французских академических реалистических техник и западных школ современного искусства, таких как импрессионизм и постимпрессионизм. Этот вид западного

¹ Ян Сабуро: Уроженец Тайбэя, Тайвань, он отправился учиться в Японию в 1923 году и впервые поступил в Киотскую школу изящных искусств и ремесел. Он вернулся на Тайвань в 1927 году и основал «Чидо Ду» вместе с Ни Цзянхуаем, Ляо Цичунем и другими. В 1929 году он занял первое место в специальном отборе на Тайваньской выставке изобразительного искусства. Он провел множество персональных выставок и получил награды на Тайваньской выставке изобразительных искусств. Он добился значительных успехов на тайваньской живописной сцене. В 1986 году он получил Национальную премию за особый вклад в литературу и искусство. https://baike.baidu.com/item/%E6%9D%A8%E4%B8%89%E9%83%8E/1290727?fr=ge_al

² Чэнь Чэнбо: В 1913 году он был принят на обычное отделение мандаринской школы при резиденции генерал-губернатора Тайваня (ныне Тайбэйская обычная школа). Во время учебы в школе он учился под руководством Исиавы Коитиро и получил предварительное представление о западном искусстве. <https://baike.baidu.com/item/%E9%99%88%E6%BE%84%E6%B3%A2/2823558>

художественного стиля, включающий живопись маслом, акварель, скульптуру и т.д., а также внедрение его творческих концепций, сделали тайваньское искусство очень реалистичным в моделировании и живописи. Они стремились к созданию реалистичных сюжетов в живописи и придавали большое значение скетчингу, который стал характерным стилем тайваньской живописи в период японской оккупации. В 1927 году в лице этих японских учителей была организована “Художественная выставка Тайваня” (сокращенно Тайваньская выставка). Это был первый официальный художественный конкурс, проведенный при поддержке японского генерал-губернатора в период японского правления на Тайване.

Спустя три года после этой выставки Го Сюэху создал работу «Прцветание Южной улицы» (рис. 1). Ее суть и художественное выражение глубоко вдохновлены японской культурой и художественной системой периода японской оккупации. В работе использовалась официально признанная японская техника гуаши, реалистичная перспектива и композиция, напоминающие современную японскую живопись, создавалось ощущение глубины в уличной сцене. Яркие и насыщенные цвета наследовали японскую эстетику запечатления современной жизни, а плотная композиция отразила его сосредоточенность на сценах повседневной жизни, резко контрастируя со спокойными пустыми пространствами традиционной живописи литераторов.

Такие детали, как японский стиль оформления вывесок магазинов и колониальный уличный пейзаж, отражали требования «местных особенностей» и «реалистичного изображения» в японском колониальном искусстве. Под руководством Национальной выставки Тайваня и Городской выставки Тайбэя Го Сюэху, вдохновленный акцентом японского художественного движения на «современную жизнь», использовал в качестве сюжета местную городскую жизнь и применял японские художественные парадигмы для завершения своего выражения. Эта работа явилась одновременно микрокосмом колониальной модернизации Тайбэя и важным визуальным свидетельством исследования тайваньскими художниками культурной идентичности в период японской оккупации.

Рис. 1. Го Сюэху, «Процветание Южной улицы», 1930, 188 × 94,5 см.
Fig. 1. Ge Xuehu, “The Prosperity of South Street,” 1930, 188 × 94.5 cm.

Техника «скетчинга» в японском художественном образовании оказало влияние и на традиционное искусство живописи Тайваня в конце правления династии Цин [17, с. 68]. Традиционная китайская живопись – это другой способ техники использования пера для письма. Следуя объективным законам, художник извлекает и обобщает внешний образ вещей, подчеркивает дух живописи и ослабляет фактическую форму, а также использует выразительную природу пера и чернил для получения результата, который удовлетворяет его вкусам собственные духовные эмоции.

Так называемый «скетчинг» относится к созданию картины с использованием физических объектов в качестве эталонного объекта.

Художник реализует этот процесс, наблюдая за ядром реального объекта. Концепция этого вида скетчинга фокусируется на наблюдении и изображении природы. По сути, понимание традиционно китайского живописного мышления существенно отличается от тайваньского вестернизированного живописного мышления, тем не менее, именно первое сыграло свою роль в продвижении процесса модернизации тайваньской живописи.

Тайваньский ученый Цзян Сюнь считает: «С одной стороны, историю тайваньского искусства периода японской оккупации можно рассматривать как материал, направленный против японской колонизации... Но, с другой стороны, история тайваньского искусства может также учитывать социальные и экономические изменения, произошедшие в Западной Европе во второй половине XIX века [12, с. 34].

Тайваньское искусство японского периода, будь то критерии оценки выставки живописи или сюжеты, представленные на выставке, находились под влиянием концепции рисования эскизами. После первой Тайваньской выставки традиционная китайская живопись тушью подверглась ограничениям, была «отменена», поскольку ее методы рисования противоречили концепции создания эскизов, у художников уменьшились шансы участия в выставках. Таким образом, в определенной степени развитие традиционной китайской живописи было затруднено, и необходимо было изменить методы рисования и эстетическую концепцию, чтобы продолжать развиваться.

С приходом японского колониального правления на Тайване система художественного образования в японском стиле также получила самое широкое распространение [5, с. 108]. До японской оккупации на Тайване не было специализированной художественной школы. Тайбэйская обычная школа была местом, где формировались художники, например, Чэнь Чэнбо и другие. Официальная учебная программа по искусству, методы преподавания и система оценки оказали глубокое воздействие на художественное образование Тайваня. Например, курсы рисования включали в себя рисование эскизов, мысленное рисование и рисование узоров. Художественное образование Тай-

вания было основано на собственной системе образования Японии и официально утвержденном японском содержании обучения. Хотя это и препятствовало развитию традиционного китайского искусства, оно также имело полезные идеи и способствовало развитию основы для будущего развития искусства [6, с. 122].

В этот период происходил процесс профессиональной институализации художников. Примерно в 1930-х годах большая группа художников получили образование в Киото, в том числе Ян Санланг, Чэнь Чэнбо и Ляо Цзичунь, они вернулись с учебы за границей. Они привезли на Тайвань новые формы художественного самовыражения и перенесли академические стилистические приемы, изученные в Японии и западных школах современного искусства, таких как импрессионизм и постимпрессионизм, в современную художественную среду.

В колониальный период валентность художников существовала преимущественно в форме ограниченного посредничества и адаптивной ассимиляции. Художественное поле структурировалось институтами метрополии, ключевым из которых была официальная «Тайваньская художественная выставка» (Тайтен). Она задавала эстетические критерии, поощряя технику академического скетчинга и стилистику японизированного западного модернизма (импрессионизм, фовизм). Агентность тайваньских художников проявлялась в стратегическом освоении этих языков для получения признания в системе, зачастую через образование в японских художественных школах. Однако эта деятельность протекала в жестких рамках, где традиционная китайская живопись тушью маргинализировалась, а локальная культурная повестка не могла быть выражена открыто. Таким образом, субъектность была опосредована и сформирована колониальным аппаратом [11, с. 66].

Период восстановления Тайваня (после 1945 года)

25 октября 1945 года Тайвань был освобожден от японского колониального господства, 50-летний период японской оккупации был полностью завершен. С восстановлением китайской администрации в 1945 году и особенно после переноса правительства Гоминьдана

на Тайвань в 1949 году начался режим национально-культурной консолидации. Его целью было построение общенациональной (китайской) идентичности, что требовало идеологического «очищения» от японского наследия и интеграции в новый канон. В этой фазе валентность художников и зарождающихся локальных институций столкнулась с парадоксом. Формально освободившись от колониального господина, они попали под давление нового идеологического проекта, часто более тотального в своих культурных требованиях. Официальная политика поощряла «национальный стиль», основанный на традициях материкового Китая, что было воплощено в деятельности художников «трех семей, переплывших море» (Пу Синьюй, Хуан Цзюньби, Чжан Дациянь). Агентность местных художников, сформировавшихся в колониальную эпоху, оказалась под вопросом: их художественный язык, усвоенный через японскую систему живописи, теперь мог клеймиться как «коллорабационистский» или чуждый «национальному духу» [8, с. 136].

Следовательно, трансформация валентности в этот переходный период выражалась в нескольких ключевых сдвигах. Во-первых, произошло переключение культурных референций и источников легитимности: с японско-западного канона на канон традиционной и современной китайской живописи с материка. Во-вторых, изменился характер стратегий: от адаптации к навязанным колониальным стандартам — к необходимости позиционирования себя внутри нового национального нарратива, что часто вело к маргинализации или вынужденной стилистической переориентации. В-третьих, диссонансный опыт художников, чья творческая биография охватывала оба периода, стал источником внутреннего конфликта и потенциальной основой для будущего критического переосмысления истории. Их субъектность оказалась расколотой между усвоенными техниками модернизма, связанными с японской эпохой, и требованием выражать «исконно китайское» содержание.

Описанный процесс детально раскрывалось в следующих процессах. В области литературы и искусства правительство поощряло и поддерживало создание и распространение литературных и

художественных произведений, отражающих национальный дух и сущность китайской культуры, с тем чтобы укрепить у тайваньцев чувство принадлежности к китайской культуре и возродить культуру, укоренившуюся на материке.

***Расцвет модернистского искусства
и международная интеграция (1950-1960-е годы)***

В послевоенной истории тайваньского искусства 1950-е и 1960-е годы были особым периодом. Художники создали много выдающихся произведений в духе новаторства и авангарда. Среди них особенно значителен подъем современного искусства под влиянием американского «абстрактного экспрессионизма» и европейской «бесформенной живописи», подчеркивающих «освобождение образов» [10, с. 93]. В конце 1950-х годов западная мысль и культурные веяния в большом количестве проникли в тайваньское общество, а западная культура, представленная Соединенными Штатами, проникла и на Тайвань. Группа тайваньских художников, поддерживавших развитие современного искусства, подверглась идеологическому воздействию западного модернизма в сочетании с их сопротивлением. Этим новым поколениям художников присуща консервативная и монотонная художественная атмосфера, и они хотят быть в курсе тенденций европейского и американского искусства.

Из некоторых выставок, проведенных в период расцвета японской драматургии, было видно, что главная сила тайваньского искусства находится в руках властей. Большинство из этих художников - художники, вернувшиеся после учебы в Японии, такие как Лю Ши и другие. Они отвергали новую западную художественную мысль и придерживались традиционного стиля, традиционной модели рисования. В то же время была создана еще одна группа художников во главе с Ли Чжуншенгом, которая занималась тайваньским современным искусством. Ли Чжуншенг публиковал статьи о западных тенденциях в мышлении и художественной мысли, продвигал, знакомил с модернистскими художественными школами и распространял западное модернистское мышление.

В 1963 году многие художники современного искусства Тайваня были приглашены на Международную биеннале в Сан Паулу, Бра-

зилия, Парижскую международную биеннале и Международный салон живописи в Гонконге. Средства массовой информации бурно сообщали о развитии тайваньской живописи [7, с. 8]. Эти выставки строго требуют, чтобы представленные работы были выдержаны в стиле современной живописи, что не только в значительной степени способствует развитию модернизма в тайваньском искусстве, но и повышает интерес общества к модернистской живописи и ее понимание.

Например, в 1963 году Тайвань был приглашен на 7-ю Биеннале в Сан Паулу, Бразилия. Лю Госун был одним из ключевых художников, представлявших Тайвань на выставке. В своей работе «Неподвижность в движении» (рис. 2) он изобрел «бумагу Лю Госун» (особый вид хлопковой бумаги с грубыми волокнами) и впервые применил технику «отслаивания и удаления краски». Эта техника заключается в отрывании грубых волокон от бумаги, оставляя белые линии (негативные белые мазки) на фоне темных чернил. Эта текстура значительно усиливает ощущение пространства и материальности картины. Национальный музей истории Тайваня отвечал за отбор экспонатов, стремясь создать культурный образ «Свободного Китая» на международной арене посредством этого современного художественного языка. Таким образом, тайваньское искусство 1970-х годов стало периодом авангардных художников, практикующих современную трансформацию традиционной живописи тушью. Они отказались от традиционных техник, интегрировали восточную эстетику с западным абстрактным экспрессионизмом, усилили стремление к конструированию художественной субъективности и ускорили трансформацию тайваньской художественной сцены из консерватизма в плюралистические инновации.

Когда в 1960-х годах тайваньское модернистское художественное творчество достигло своего пика, художники этого периода начали избавляться от оков традиционной живописи и исследовать новые формы искусства и самовыражения [20, с. 32]. Они опирались на концепции и техники западного современного искусства, сочетали местные культурные и социальные традиции Тайваня и создавали

произведения в уникальном стиле. Развитие современного искусства на Тайване вышло на новый уровень.

Рис. 2. Лю Госон, «Неподвижность в движении», 1963, 56,5 x 119,4 см.
Fig. 2. Lü Gao-song, "Stillness in Motion," 1963, 56.5 x 119.4 cm.

Распространение авангардных художественных идей привело к тихому подъему движения современного искусства, и народная живопись создавалась одна за другой. Поначалу современная мысль была экстремальной, подчеркивающей полную абстракцию как в практическом творчестве, так и в философии, потому что современные тайваньские художники в то время по-настоящему не понимали значения абстракции в глубине, и изображение внешнего вида творения было важнее, чем внутренняя правда. Большинство из них не заботились о внешнем мире, существовании собственного «я», и считали, что абстрактная живопись – это современное искусство, которое является представителем авангарда и зарождающегося направления, но на самом деле западный абстрактный экспрессионизм также имеет свой собственный процесс развития, такой как понимание структуры Сезанном, использование цветов фовизма, исследование объективного моделирования кубизмом [19, с. 56], бессознательный дадаизм, подсознание сюрреализма и, наконец, внутреннее выражение абстракции. В то время тайваньские художники стремились догнать Запад, поэтому эти радикально настроенные современные

художники начали постепенно создавать живописные группы и проводить собственные художественные выставки.

Среди них «Клуб живописи мая»¹ и «Клуб восточной живописи»² – типичные клубы живописи этого периода. Эти две группы состояли из молодых творческих людей. Они пропагандировали передовые идеи современного искусства и выступали против консервативных и старомодных концепций. Эти две группы стали движущей силой развития современного искусства на Тайване. Они использовали форму кружков живописи, чтобы познакомить тайваньское общество с авангардными концепциями современного искусства и тенденциями мысли, а также вносили существенный вклад в развитие современного искусства.

***Пробуждение местного самосознания
и местного художественного движения (1970-е)***

В это время местная социальная проблема и народное самосознание основывались на Тайваньское искусство, которое пережило много этапов расцвета восточной живописи в период японской оккупации, упадка традиционной китайской живописи и расцвета современного

¹ Клуб живописи мая был основан в мае 1957 года. Название клуба намеренно взято по образцу Майского салона в Париже. Эти художники-авангардисты, представленные Лю Госуном и Чжуан Чжэ, распространяют концепцию современной живописи тушью посредством большого количества статей, лекций и публикаций в газетах, поощряя развитие искусства живописи тушью. Все больше молодых художников призывают переосмыслить живопись тушью, выступая за то, чтобы не отказываться полностью от традиционной китайской живописи, а делать упор на новые исследования в области художественного творчества. Это модернизационное изменение и выдвинутые взгляды непосредственно заложили основу современной живописи тушью на Тайване. В то же время предложение Лю Госуна о современной живописи тушью также повлияло на материк, Гонконг и другие регионы того времени.

² Клуб восточной живописи были Сяо Цинь, Хо Ган и другие. Они придавали большое значение смыслу и духу творчества, а также подчеркивали современные художественные концепции. Эти художественные концепции возникли у Ли Чжуншэна, художника из Тайваня с материка. Этот художник обучал группу студентов Университета. Общество восточной живописи намерено обучать студентов современной живописи из европейских, американских и японских живописных кружков, и он считал, что современные, прогрессивные и авангардные стили живописи должны быть поняты массами и создавать новые формы искусства. Это необходимая задача времени.

искусства после войны [16, с. 22]. С переездом национального правительства на Тайвань традиционная китайская живопись тушью постепенно стала мейнстримом. Школа живописи Линнань с материка проникла на Тайвань, привнеся на художественную арену другую форму китайской живописи и живопись прошлого. Художники данной школы отстаивали художественную концепцию “компромисса между китайским и иностранным”, сочетая в себе идеи и приемы традиционной китайской культуры соединившиеся с западным искусством и принесли его на Тайвань. Благодаря росту народного самосознания описание местных сюжетов стало основной формой живописи, поэтому школа живописи Линнань, которая делала упор на создание полноценных пейзажных зарисовок, также получила признание тайваньской публики. Художники распространяли и пропагандировали дух линнаньской школы живописи на Тайване и способствовали устойчивому развитию тайваньского искусства. Среди них Оу Хаоньян, непревзойденный художник из Линнани на Тайване.

Примерно в 1970 году Оу Хаоньян, придерживавшийся ортодоксальных взглядов Линнань¹, отправился на юг Тайваня, где он представил художественный стиль Линнаньской школы живописи на Тайване и официально положил начало распространению Линнаньской школы живописи на Тайване [3, с. 15]. Он объединил фактуру китайской живописи и живопись тушью со светотеневыми техниками западной живописи, чтобы сформировать свой собственный уникальный художественный стиль. Его роль в продвижении тайваньского неактивистского художественного движения была решающей. В то время неактивистское художественное движение процветало, и он использовал живопись тушью для воплощения

¹ Линнаньская школа живописи - это региональная школа живописи с далеко идущим влиянием. Ее художественные концепции и техники оказали важное влияние на развитие изобразительного искусства во многих регионах, включая Тайвань, в 20 веке. Школа живописи Линнань делает упор на инновации и сочетает китайские и западные техники живописи, формируя уникальный художественный стиль. Эта школа живописи постепенно формировалась со времен династии Мин. В наше время, с внедрением западных методов живописи, Линнаньская школа живописи также придерживалась реалистического стиля и впитала в себя приемы западной школы живописи.

его основных принципов, занимаясь пейзажами в местных горах, реках и культуре Тайваня. Он использовал фигуративные мазки кисти для изображения природы, освобождая живопись тушью от двойных ограничений абстрактного эксперимента и традиционной имитации, закрепляя ее в местном самовыражении.

С социальной точки зрения, индустриализация и урбанизация, вызванные экономическим бумом Тайваня в 1970-х годах, привели к размыванию местной культуры и социальной рефлексии. Антивестернизация и акцент на местной идентичности вернули художественное творчество к реальным жизненным проблемам [18, с. 10]. С точки зрения развития искусства, современная абстрактная живопись тушью 1960-х годов завершила современную революцию в традиционном искусстве, но стали очевидны недостатки чрезмерной имитации западных форм и отчуждения от местной реальности. Миру искусства срочно потребовалось заполнить пустоту, образовавшуюся из-за отсутствия местных нарративов. Наряду с пробуждением исконной культурной идентичности, художники стремились освободиться от двойственных ограничений китайского и западного искусства, основывая свое выражение на локальных темах. В результате возникло движение местного искусства, ядром которого стали родной ландшафт и жизнь обычных людей. Оно использовало реалистичные творческие приемы для выражения отечественного духа и стало ключевым направлением локализации тайваньского искусства.

Как ключевой представитель движения за локальную культуру на Тайване, художник Си Дэцзин воплотил в своей работе «Горный пейзаж и водная гладь Пули» (Рис. 3) типичные черты искусства этого направления. С точки зрения выражения локальности, произведение следует ключевому принципу движения «укорененность в местной культуре и близость к реальности», где использована техника акварели, сочетающая в себе выразительность и поэтичность традиционной китайской живописи тушью, чтобы точно запечатлеть уникальные природные ландшафты и формы сельской архитектуры субтропического Тайваня. Картина не ограничивается поверхностным эскизом объектов, а глубоко передает чувство ценности и культурной

принадлежности к местному образу жизни, достигая органического слияния личных эмоций с локальным колоритом, становясь конкретным выражением духа тайваньской культуры. Подъем течения движения за локализацию тайваньского искусства был обусловлен, главным образом, растущим стремлением послевоенного тайваньского общества к поиску народной культурной идентичности. Это движение выступало против художественного выражения, оторванного от локального контекста, и призывало художников укореняться в местной жизненной практике. Эта мысль непосредственно стимулировала Си Дэцзин завершить трансформацию творческого фокуса – от западных художественных парадигм к исследованию и выражению тайваньских локальных пейзажей и культурного содержания.

Рис. 3. Си Дэцзин, «Горный пейзаж и водная гладь Пули», 1980, 66 x 111 см.

Fig. 3. Si Dezheng, "Mountain Landscape and the Waters of Puli," 1980, 66 × 111 cm.

Коммерциализация искусства и рыночные изменения (1980-е-1990-е годы)

В первой половине 1980-х годов тайваньское искусство искало новый баланс между местным и современным. Хотя местное самосознание и местные темы все еще были в моде, все же существовала группа художников, которые стремились к расширению в модернизме.

Согласно статистике Тайваньской ассоциации галерей, за пять или шесть лет, с конца 1970-х по начало 1980-х, число тайваньских галерей выросло с более чем 100 до более чем 600. Это явление свидетельствует о наступлении эры коммерциализации искусства [14, с. 122].

В 1970-е годы экономический подъем Тайваня способствовал формированию класса коллекционеров из среднего сословия. Художественные галереи заменили творческие ассоциации в качестве ведущей силы в организации выставок, а ядро художественной коммуникации сместилось с творческого выражения в сторону коммерческих продаж. Привязка художников к галереям для получения прибыли сформировала стабильную профессиональную группу, но одновременно привела к коммерческой зависимости. Возможности для выставок молодых художников и чистота творческого процесса, характерные для эпохи творческих ассоциаций, оказались ограничены, а художественная критика, сдерживаемая рыночными интересами, утратила свою остроту, что повлекло за собой крах независимой системы оценки [1, с. 35]. В конце 1980-х годов спекуляция частных галерей произведениями материковой китайской живописи тушью, скупаемыми по низким ценам и перепродаваемыми с высокой наценкой для получения сверхприбылей, а также волна выставок известных материковых художников на Тайване привели к тому, что материковые работы, благодаря низкой цене и традиционному мастерству, захватили рынок. Это не только резко усилило конкуренцию и сократило жизненное пространство для местных тайваньских художников, но и вызвало скрытую озабоченность по поводу разрыва в творческих кадрах, постепенно ослабляя индивидуальность локального искусства. В 1990-е годы на Тайване возникла путаница в ценностных ориентациях, распространились утилитаризм и гедонизм. Ценность «деньги всемогущи» проникла в сферу искусства. Стандартизация оценки произведений усилила их товарный характер, размывая духовную, культурную и эстетическую ценность искусства. Художники были вынуждены подстраивать свое творчество под рынок, что нанесло ущерб инновациям и глубине,

ослабив критическую и направляющую функцию искусства. Сущностью этой серии проблем является дисбаланс между духовностью и коммерциализацией искусства, что в конечном итоге привело к утрате внутренней ценности самого искусства, сделало локальную художественную экосистему хрупкой и, более того, отразило текущее состояние опустошенности духовных ценностей в обществе, лишив искусство его функции осмысления и ориентации социума.

***Разнообразное изучение современного искусства
и становление нового поколения (1990-е и последующие годы)***

Модернистское движение также придало тайваньскому искусству разнообразный и неоднозначный облик. Современные произведения искусства этого периода не только совершили прорыв в технике, но и глубоко изменили содержание и тематику. Некоторые художники начали пытаться сочетать западные концепции современного искусства с восточным традиционным искусством, создавая произведения в уникальном стиле. В то же время некоторые художники начали обращать внимание на социальную реальность и философию жизни и выражать свои мысли и взгляды на общество и жизнь в своих работах.

В 1990-х годах новое поколение тайваньских художников перестало обращать внимание на жанровые стили, а стало уделять больше внимания формам художественного самовыражения, сосредоточившись на комплексных материалах, включая инсталляции, новую технику рисования тушью и цифровое искусство. В этот период изобразительное искусство привело к полному освобождению художественного самовыражения, и появилось новое поколение тайваньских художников, и их творчество очень похоже на некоторые виды материкового искусства нового поколения художников в 1990-х годах. Например, все они были активны в 1990-х годах, и их творения часто демонстрировали сильную индивидуальность и стремление к самовыражению [4, с. 64].

Взяв за пример работу Юань Цзиньта 1997 года (Рис. 4) «Лица всех существ», можно отметить, что он сочетает в себе глубокую социальную критику и художественную новаторскую ценность. В

центре работы – искаженные и преувеличенные крупные планы человеческих лиц, в которых с помощью символических и фрагментированных тушевых изображений показано тревожное, растерянное, отчужденное и замаскированное коллективное психическое состояние современных людей в эпоху урбанизации и информационных технологий. Работа напрямую раскрывает проблемы межличностного безразличия и отчуждения отдельных духовных островков, предлагая критический взгляд на современное общество.

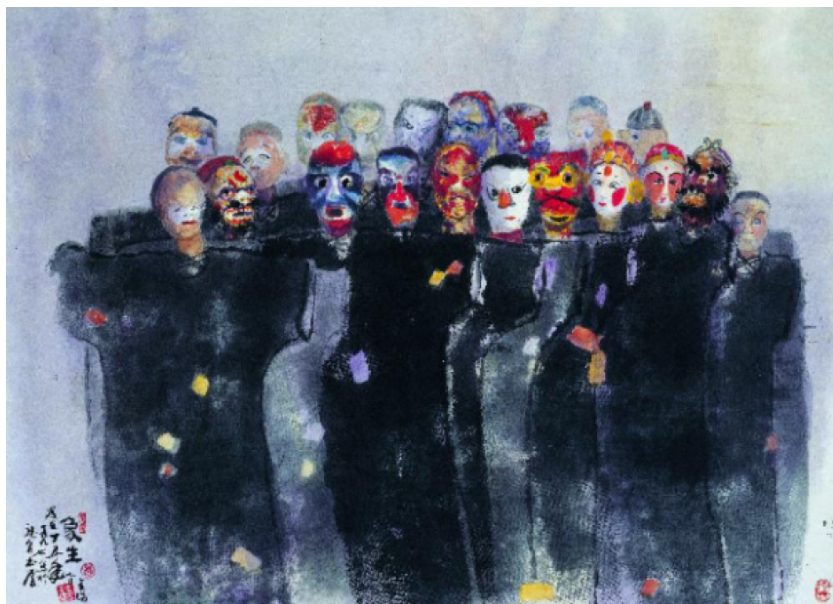

Рис. 4. Юань Цзинта, «Лица всех существ» 1997, 90 x 63 см

Fig. 4. Yuan Jinta, "The Faces of All Beings," 1997, 90 × 63 cm

В художественном плане, будучи укорененной в живописи тушью, он выходит за рамки традиционных парадигм, интегрируя различные техники, такие как эскизирование, печатная графика и композиция. Благодаря новаторской композиции и цветовой гамме, достигается современная трансформация языка живописи тушью, соответствующая основному духу тайваньского движения современной живописи тушью. В его творчестве также отражены смяте-

ние и чувство духовной утраты местной культурной идентичности в процессе глобализации и вестернизации, формируя культурное осмысление истории и современности. Его работы проникнуты состраданием и гуманистическим подходом, в них используется критическая перспектива, соответствующая духу времени, сочетающая художественные эксперименты с реалистическим взглядом.

На самом деле, это также отражает тот феномен, что информацией об искусстве по обе стороны пролива художники начали делиться друг с другом. С культурной точки зрения художественное творчество Тайваня в 1990-х годах, особенно экспериментальные авангардные работы, было основано на художественной природе изменения ценностей. Эта художественная природа больше не является единственным критерием оценки работ.

Заключение

Проведенное исследование, опирающееся на теорию культурного трансфера и концепцию гибридности, позволило переосмыслить эволюцию тайваньского искусства XX века не как последовательную смену внешних влияний, а как динамический процесс их избирательного усвоения, переработки и реактивации локальными субъектами. В соответствии с поставленной целью и задачами, получены следующие выводы:

- выделены четыре основные модели культурного трансфера: колониальная адаптация (японский период, когда художники осваивали академический скетчинг и японизированный модернизм); постколониальная реституция (после 1945 г. – насильственное внедрение канонов материкового Китая); модернистская интернационализация (1950–1960-е – заимствование абстрактного экспрессионизма через США и Европу); локальная реинтеграция (1970-е – обращение к местной тематике и реализму);

- установлено, что ключевым механизмом, обеспечивавшим превращение внешних импульсов в ресурс для построения уникальной художественной идентичности, была агентность локальных субъектов – художников, педагогов, критиков, выставочных институций,

именно их стратегический выбор определял, какие элементы заимствуются, как адаптируются и какие смыслы обретают в новом контексте;

- на примерах Го Сюэху, Лю Госона, Си Дэцзина и Юань Цзинта показано, как одна и та же художественная техника переосмыслилась от колониального маргинала до национального символа, затем – поля для абстрактных экспериментов, потом – инструмента локальной идентичности и, наконец, медиума социальной критики;

- обнаружено, что даже в периоды наиболее жесткого идеологического давления локальные художники сохраняли определенную степень свободы, используя внешние формы для выражения скрытых смыслов. Это подтверждает, что культурная гибридность является не аномалией, а нормой для постколониальных обществ, а тайваньское искусство XX века представляет собой показательный пример того, как «чужое» становится «своим» через творческое переосмысление.

Описание применения генеративной модели. Во время подготовки статьи мы использовали инструмент DeepSeek (версия от 26 марта 2025 г.) для выполнения следующих задач: 1) уточнение переводов и терминологическая унификация – при работе с русскоязычными версиями китайских источников (например, в разделе «Список литературы» и при цитировании работ Го Цзишэна, Лю Бэйи, Се Синъюя и др.) инструмент помог сверить корректность передачи специальных терминов («культурный трансфер», «агентность», «гибридность») и названий художественных групп («Клуб живописи мая», «Общество восточной живописи» и т.д.). Это позволило соблюсти терминологическое единообразие на всем протяжении статьи; 2) редактирование сложных синтаксических конструкций – в параграфах, посвященных коммерциализации искусства 1980-1990-х годов и современным экспериментам в живописи тушью, инструмент использовался для стилистической правки длинных предложений с целью приведения их в соответствие с нормами академического русского языка без изменения авторской логики и аргументации; 3) форматирование библиографических описаний – при оформлении ссылок в разделе «Список литературы / References» инструмент применялся для приведения записей к единому

шаблону журнала (транслитерация, унификация разделителей, проверка соответствия источников). Все перечисленные задачи носили технический и редакционный характер. Генерация исходных выводов, отбор кейсов (Го Сюэху, Лю Госун, Си Дэцзин, Юань Цзиньта), концептуальная структура статьи (теория культурного трансфера, гибридность) и итоговая аргументация выполнены автором самостоятельно. После использования инструмента мы пересмотрели и отредактировали контент по мере необходимости и берем на себя полную ответственность за содержание опубликованной статьи.

Список литературы

1. Го Цишэн. (1990). *Переосмысление местного дискурса тайваньского искусства*. Издательский дом Шулин. 325 с. [郭继生. 艺术史与艺术批评的探讨[M]. 书林出版社, 1990: 325]. <https://www.shukui.net/book/543957.html>
2. Лю Бэйи. (2018). Анализ продолжения и трансформации традиционного стиля рисования тушью на Тайване в японский период. *Журнал Академии изящных искусств Хубэй*, (3), 12–17. [刘北一. 日据时期传统水墨画风格在台湾的延续与嬗变探析[J]. 湖北美术学院学报, 2018(03): 12-17]. <https://bit.ly/47puEvq>
3. Ли Цзюньи. (2015). *Влияние лингнаньской живописи на тайваньское искусство*. Китайская академия. 15 с. [李炯毅. 岭南画派对台湾美术的影响[D]. 中国艺术研究院, 2015: 15]. <https://bit.ly/3O8NmAP>
4. Лю Синь. (2001). Различая следы огромного дыма и волн — этапы и основные характеристики истории искусства Тайваня в 20 веке. *Изучение искусства*, (4), 49–52+61–64. [刘新. 浩淼烟波辨履痕——20世纪台湾美术史的分期和基本特征[J]. 美术研究, 2001(04): 49-52+61-64]. <https://doi.org/10.13318/j.cnki.msyj>
5. Лю Сяолу. (2001). *Китайское и японское искусство в мировом искусстве*. Издательство изящных искусств Гуанси. 344 с. [刘晓路. 世界美术中的中国与日本美术[M]. 广西美术出版社, 2001: 344]. <https://bit.ly/4bTorce>
6. Пьер Б., Лёсер Д. Д. Уолканд. (2015). *Введение в рефлексивную социологию* (Ли Мэн & Ли Кан, пер.). Издательство Коммерческая пресса. 496 с. [М]. 李猛, 李康, 译. 北京: 商务印书馆, 2015: 496]. <https://www.shukui.net/book/532.html>
7. Се Синьюй. (2011). *Модернистская живопись на Тайване*. Нанкинская академия искусств. 8 с. [谢心瑜. 台湾的现代主义绘画[D]. 南京艺术学院, 2009: 8]. <https://bit.ly/4IZ5aL9>
8. Сюй Фугуань. (2010). *Дух китайского искусства*. Торговое издательство. 355 с. [徐复观. 中国艺术精神. 北京商务印书馆, 2010: 355]. <https://www.shukui.net/book/667279.html>

9. Хуан Деши. (1955). *Записи симпозиума художественного движения*. Ежеквартальный журнал «Культурные реликвии Тайбэя», издаваемый Тайбэйским комитетом по культурным реликвиям. 15 с. [黄得时. 美术运动座谈会纪录[M]. 台北文物季刊, 台北巧文献委员会发, 1955: 15].
10. Хуан Цзинь. (2012). Обзор Ли Чжуншэна и изучения современного искусства на Тайване в 1960-х годах. *Современное убранство (теория)*, (5), 93. [黄瑾. 李仲生与20世纪60年代台湾现代艺术研究综述[J]. 现代装饰(理论), 2012(05): 93].
11. Bhabha, H. K. (1994). *The location of culture*. Routledge. 285 p. <https://bit.ly/4dinmNO>
12. Цзян Сюнь. (1993). *Стихи тружеников. Художник-шахтер Хун Жуй-линь*. Издательство «Художник». 96 с. [蒋勋. 劳动者的诗歌——矿工画家洪瑞麟[M]. 台北艺术家出版社, 1993: 96].
13. Ци Иньпин. (2002). *История японской живописи*. Издательство Китайской академии изящных искусств. 310 с. [戚印平. 日本绘画史[M]. 中国美术学院出版社, 2002: 310]. <https://www.shukui.net/book/1331830.html>
14. Ченг Дейлер. (2011). *Рассмотрим процесс развития живописи тушью на Тайване в 20 веке с точки зрения культурных изменений*. Центральная академия изящных искусств. 122 с. [程代勒. 从文化变迁看二十世纪台湾水墨画发展进程[D]. 中央美术学院, 2011: 122].
15. Чжан Хайпэн, Ли Сичжу. (2013). *Исследование по истории Тайваня*. Издательство литературы по общественным наукам. 399 с. [张海鹏, 李细珠. 台湾历史研究[M]. 社会科学文献出版社, 2013: 399]. <https://www.shukui.net/book/3804156.html>
16. Чэнь Мин. (2014). *История развития тайваньского искусства в 20 веке*. Издательство изящных искусств Аньхоя. 317 с. [陈明. 二十世纪台湾美术发展史[M]. 安徽美术出版社, 2014: 317].
17. Чэнь Чжэньлянь. (2000). *Сравнительное исследование истории современного китайско-японского обмена живописью*. Издательство изящных искусств Аньхоя. 418 с. [陈振濂. 近代中日绘画交流史比较研究[M]. 安徽美术出版社, 2000: 418]. <https://www.shukui.net/book/1392393.html>
18. Эспарг, Мишель, Ци Чжаоюань. (2025). *Культурная эволюция Франции и Германии*. Шанхайское народное издательство. 297 с. [米歇尔·埃斯巴涅, 齐赵园, 译. 法德文化变迁[M]. 上海人民出版社, 2025: 297].
19. Ю Шаньшань. (2000). *Европейская и американская теория современного искусства – Небо трех человек*. Издательство изящных искусств Цзилиня. 265 с. [俞珊珊. 欧美现代艺术理论——三个人的天空[M]. 吉林美术出版社, 2000: 265].
20. Янь Цзюаньин, Хуан Цихуэй, Ляо Синьтянь. (2006). *Искусство на Тайване*. Совещание по групповой политике. 280 с. [颜娟英, 黄琪惠, 廖新田. 台湾的美术[M]. 群策会, 2006: 280].

References

1. Guo Jisheng. (1990). *Reconsidering the Local Discourse of Taiwanese Art*. Shulin Publishing House. 325 pp. <https://www.shukui.net/book/543957.html>
2. Liu Beiyi. (2018). Analysis of the Continuation and Transformation of Traditional Ink Painting Style in Taiwan during the Japanese Period. *Journal of Hubei Academy of Fine Arts*, (3), 12–17. <https://bit.ly/47puEvq>
3. Li Junyi. (2015). *The Influence of Lingnan Painting on Taiwanese Art*. Chinese Academy. 15 pp. <https://bit.ly/3O8NmAP>
4. Liu Xin. (2001). Distinguishing the Traces of Vast Smoke and Waves — Stages and Main Characteristics of the History of Taiwanese Art in the 20th Century. *Art Studies*, (4), 49–52+61–64. <https://doi.org/10.13318/j.cnki.msyj>
5. Liu Xiaolu. (2001). *Chinese and Japanese Art in World Art*. Guangxi Fine Arts Publishing House. 344 pp. <https://bit.ly/4bTorce>
6. Pierre B., Leser D. D. Walkand. (2015). *An Introduction to Reflexive Sociology* (Translated by Li Meng & Li Kang). Commercial Press. 496 pp. <https://www.shukui.net/book/532.html>
7. Xie Xinyu. (2011). *Modernist Painting in Taiwan*. Nanjing Academy of Arts. 8 pp. <https://bit.ly/4lZ5aL9>
8. Xu Fuguan. (2010). *The Spirit of Chinese Art*. Commercial Publishing House. 355 pp. <https://www.shukui.net/book/667279.html>
9. Huang Deshi. (1955). *Records of the Art Movement Symposium. Taipei Cultural Relics Quarterly*, published by the Taipei Cultural Relics Committee. 15 pp.
10. Huang Jin. (2012). A Review of Li Zhongsheng and the Study of Modern Art in Taiwan in the 1960s. *Modern Decoration (Theory)*, (5), 93.
11. Bhabha, H. K. (1994). *The Location of Culture*. Routledge. 285 pp. <https://bit.ly/4dinmNO>
12. Jiang Xun. (1993). *Poems of Laborers: The Miner-Artist Hong Ruilin*. Artist Publishing House. 96 pp.
13. Qi Yinping. (2002). *A History of Japanese Painting*. China Academy of Fine Arts Publishing House. 310 pp. <https://www.shukui.net/book/1331830.html>
14. Cheng Dailer. (2011). *Examining the Development Process of Ink Painting in Taiwan in the 20th Century from the Perspective of Cultural Changes*. Central Academy of Fine Arts. 122 pp.
15. Zhang Haipeng, Li Xizhu. (2013). *A Study on the History of Taiwan*. Social Sciences Literature Press. 399 pp. <https://www.shukui.net/book/3804156.html>
16. Chen Ming. (2014). *A History of the Development of Taiwanese Art in the 20th Century*. Anhui Fine Arts Publishing House. 317 pp.
17. Chen Zhenlian. (2000). *A Comparative Study of the History of Modern Sino-Japanese Painting Exchange*. Anhui Fine Arts Publishing House. 418 pp. <https://www.shukui.net/book/1392393.html>

18. Espargue, Michel, Qi Zhaoyuan. (2025). *Cultural Evolution of France and Germany*. Shanghai People's Publishing House. 297 pp.
19. Yu Shanshan. (2000). *European and American Theory of Modern Art – The Sky of Three People*. Jilin Fine Arts Publishing House. 265 pp.
20. Yan Juanying, Huang Qihui, Liao Xintian. (2006). *Art in Taiwan*. Group Policy Conference. 280 pp.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Се Ситун, аспирант кафедры теории истории культуры и искусств

Забайкальский государственный университет

ул. Александрo-Заводская, 30, г. Чита, 672039, Российская Федерация

xxt19940303@163.com

DATA ABOUT THE AUTHOR

Xie Xitong, Postgraduate Student, Department of Theory of Cultural History and Arts

Transbaikal State University

30, Aleksandro-Zavodskaya Str., Chita, 672039, Russian Federation

xxt19940303@163.com

ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-7752-5354>

Поступила 15.01.2026

После рецензирования 01.04.2026

Принята 20.04.2026

Received 15.01.2026

Revised 01.04.2026

Accepted 20.04.2026

Теория и история культуры, искусства / Theory and History of Culture, Art

Научная статья

DOI: [10.12731/2576-9782-2026-10-2-337](https://doi.org/10.12731/2576-9782-2026-10-2-337)

УДК 299-792.03

Original article

EDN: [IERPPD](#)

Шаманский ритуал как источник театральности: к вопросу о генезисе сценического действия

Ван Чао

*Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург,
Российская Федерация*

Аннотация

Обоснование. Статья посвящена проблеме генезиса сценического действия и рассматривает шаманский ритуал как одну из ранних культурных форм, в которой складываются базовые механизмы театральности. Актуальность исследования обусловлена тем, что в современной культурологии и театроведении вопрос о связи ритуала и театра сохраняет методологическую значимость, однако шаманский ритуал чаще описывается как религиозный, этнографический или мифологический феномен и значительно реже анализируется как прототеатральная форма действия.

Цель. Цель исследования состоит в том, чтобы показать шаманский ритуал как синкретическую форму сакрального действия, содержащую структурные признаки ранней театральности и позволяющую по-новому поставить вопрос о происхождении сценического поведения.

Методология проведения работы. Методологическую основу исследования составляют историко-культурный, сравнительный и театроведческий методы, а также элементы перформативного анализа. В работе использованы труды по антропологии ритуала, исследования шаманизма, перформативной теории и культурологии театра.

Результаты. Установлено, что шаманский ритуал представляет собой не набор отдельных обрядовых действий, а целостную систему, в которой миф, звук, телесная практика, предметная символика, измененное состояние сознания и коллективное участие образуют единую структуру. Показано, что в шаманском действии уже присутствуют ключевые признаки театральности: особый исполнительский статус, ритуальное перевоплощение, выделенное пространство, организующая роль звука, функциональность костюма и маски, структурированная пластика и драматургия перехода. Обосновано, что фигура шамана может интерпретироваться

как протомодель сценического исполнителя, а сам ритуал – как один из культурных источников сценической организации действия.

Практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы в культурологии, театроведении, антропологии перформанса, а также при разработке курсов по истории театра, теории ритуала и традиционным формам художественной культуры.

Ключевые слова: шаманизм; ритуал; театральность; сценическое действие; перформативность; маска; костюм; звук; культурная антропология; лиминальное состояние

Для цитирования. Ван, Ч. (2026). Шаманский ритуал как источник театральности: к вопросу о генезисе сценического действия. *Russian Studies in Culture and Society / Российские исследования. Культура и общество*, 10(2), 237-249. <https://doi.org/10.12731/2576-9782-2026-10-2-337>

Shamanic ritual as a source of theatricality: on the genesis of stage action

Wang Chao

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation

Abstract

Background. The article addresses the problem of the genesis of stage action and considers shamanic ritual as one of the early cultural forms in which the basic mechanisms of theatricality emerge. The relevance of the study is determined by the fact that, in contemporary cultural studies and theatre studies, the relationship between ritual and theatre remains methodologically significant, while shamanic ritual is more often described as a religious, ethnographic or mythological phenomenon and far less frequently analysed as a proto-theatrical form of action.

Purpose. The purpose of the article is to interpret shamanic ritual as a syncretic form of sacred action that contains structural features of early theatricality and allows for a new approach to the problem of the origins of stage behaviour.

Methodology. The methodological basis of the study includes historical-cultural, comparative and theatre-studies methods, as well as elements of performance analysis. The article draws on works in ritual anthropology, shamanism studies, performance theory and cultural theory of theatre.

Results. It is established that shamanic ritual is not a set of isolated ceremonial actions but an integral system in which myth, sound, bodily practice, symbolic objects, altered states of consciousness and collective participation form a unified structure. The study shows that shamanic action already contains key features of theatricality: a special

performer's status, ritual transformation, marked space, the structuring role of sound, the functionality of costume and mask, organised plasticity and a dramaturgy of transition. It is argued that the shaman may be interpreted as a proto-model of the stage performer, while the ritual itself may be regarded as one of the cultural sources of stage organisation.

Practical implications. The results of the study may be applied in cultural studies, theatre studies, anthropology of performance, and in courses on theatre history, ritual theory and traditional artistic culture.

Keywords: shamanism; ritual; theatricality; stage action; performativity; mask; costume; sound; cultural anthropology; liminal condition

For citation. Wang, C. (2026). Shamanic ritual as a source of theatricality: on the genesis of stage action. *Russian Studies in Culture and Society*, 10(2), 237-249. <https://doi.org/10.12731/2576-9782-2026-10-2-337>

Введение

Вопрос о происхождении театра традиционно связывается в гуманитарном знании с ритуалом, однако современная наука все менее склонна рассматривать ритуал как простую «предварительную стадию» искусства. В исследованиях последних десятилетий он понимается как сложная форма культурного действия, в которой соединяются телесная практика, символическая организация пространства, повторяемость, коллективное участие и особый режим эффективности. В этой перспективе ритуал выступает не пассивным предшественником театра, а самостоятельным типом действия, содержащим механизмы, позднее получившие художественное развитие.

При этом шаманский ритуал остается сравнительно слабо разработанным именно в театроведческом и культурологическом аспекте. В большинстве работ он анализируется как религиозный, этнографический или мифологический феномен. Центральное внимание обычно уделяется вопросам космологии, инициации, техники транса, отношениям шамана с духами и социальным функциям шаманизма. Между тем шаманская практика особенно важна для исследования генезиса театральности, поскольку в ней соединяются жест, ритм, звук, костюм, маска, предметная символика, движение по структурированному пространству и воздействие на коллектив.

Научная новизна настоящего исследования заключается в том, что шаманский ритуал интерпретируется не только как сакральная

практика, но и как одна из ранних культурных форм сценического мышления. В статье ставится задача показать, что шаманское действие содержит не только отдельные элементы, сходные с театральными, но и внутреннюю логику сценической организации: особый статус исполнителя, зримое и слышимое оформление перехода, драматургию кризиса и восстановления, а также коллективно переживаемый характер события.

Цель исследования состоит в том, чтобы выявить структурные признаки театральности в шаманском ритуале и определить его значение для осмысления генезиса сценического действия. Для достижения поставленной цели решаются следующие *задачи*: охарактеризовать шаманизм как целостную культурно-религиозную систему; проанализировать структуру камлания как синкретического действия; рассмотреть фигуру шамана как носителя особого исполнительского статуса; выявить роль пространства, звука, костюма, маски и пластики в формировании ранней театральности; определить значение драматургии перехода и коллективного переживания для формирования сценической логики действия.

Объектом исследования выступает шаманский ритуал в его культурно-перформативном измерении. Предмет исследования – шаманский ритуал как форма синтетического действия, содержащая структурные признаки ранней театральности. Теоретическую базу статьи составляют работы по антропологии ритуала, теории перформанса, исследования шаманизма и культурологии театра. Особую значимость для настоящей работы имеют труды отечественных и зарубежных авторов, посвященные перформативной природе ритуала, телесной организации сакрального действия и механизмам коллективного переживания.

Материалы и методы

Материалом исследования выступает корпус научных работ по антропологии ритуала, исследованиям шаманизма, теории перформанса и культурологии театра, в которых рассматриваются структура шаманского действия, фигура шамана, роль сакрального про-

странства, звука, костюма, маски и телесных практик. В качестве аналитической базы привлечены труды, позволяющие рассматривать шаманский ритуал не только в религиоведческой, но и в театроведческой перспективе.

Методологическую основу составляют несколько взаимосвязанных подходов. Историко-культурный метод используется для рассмотрения шаманизма как устойчивой формы традиционной культуры, связанной с определенной космологической моделью мира и системой коллективных практик. Сравнительный метод позволяет выявить устойчивые структурные признаки шаманского действия и соотнести их с более поздними формами сценической организации. Театроведческий метод применяется для анализа исполнительского статуса шамана, средств выразительности ритуала и его внутренней драматургии. Элементы перформативного анализа дают возможность рассматривать ритуал как событие, возникающее в процессе взаимодействия исполнителя, пространства, предметной среды и сообщества.

Последовательность исследования строится от общего к частному. На первом этапе шаманизм рассматривается как целостная культурно-религиозная система, в которой миф, ритуал, телесность и звук образуют единый комплекс. На втором этапе анализируется структура камлания как организованного действия. На третьем этапе исследуется фигура шамана как носителя особого режима исполнения. На четвертом этапе выявляются конкретные компоненты ранней театральности – пространство, звук, костюм, маска, жест и пластика. На заключительном этапе рассматривается драматургия перехода и коллективное переживание как основания сценической организации действия.

Результаты и обсуждение

Шаманский ритуал как синкретическая форма сакрального действия

В современной гуманитарной науке шаманизм рассматривается не как совокупность разрозненных магических действий, а как сложная культурно-религиозная система, объединяющая космологические представления, ритуальные практики, телесные техники,

звуковые коды и предметную символику [5]. Шаманский ритуал представляет собой не периферийное приложение к мифологии, а способ ее актуального разыгрывания [2]. Миф в шаманской культуре не существует исключительно в форме повествования: он переводится в жест, голос, маршрут движения, ритм и материальный знак. Именно поэтому шаманское действие всегда синкретично.

Центральной формой шаманского действия в североазиатской традиции выступает камлание, структура которого обнаруживает внутреннюю композиционную организованность [1]. В аналитическом виде в нем можно выделить несколько последовательно разворачивающихся фаз: подготовку пространства, призыв духов, вхождение шамана в измененное состояние сознания, символическое путешествие между мирами и возвращение с результатом. Уже на этом уровне ритуал обнаруживает качества организованного действия: фазовую последовательность, внутреннюю динамику и направленность на коллективное восприятие [9].

Подготовка пространства предполагает очищение места, выделение сакральной зоны, обозначение ее центра и границ [3]. Призыв духов активизирует акустическую сторону ритуала: бубен, голосовые формулы, обращение к предкам и духам-помощникам. Измененное состояние сознания шамана возникает не как хаотический экстаз, а как культурно оформленная психофизическая техника. Символическое путешествие между мирами получает внешнее выражение через звук, жест, темпоритм и предметную символику. Возвращение с результатом завершает действие и восстанавливает нарушенное равновесие [12].

Таким образом, шаманский ритуал представляет собой целостную систему сакрального действия, в которой миф, звук, телесная практика, предметная среда и коллективное участие образуют единую структуру. Именно эта структурная целостность делает его принципиально важным для анализа ранних оснований сценического действия.

Исполнитель и перевоплощение:

шаман как протомодель сценического деятеля

Для театроведческого анализа особенно значима фигура самого шамана. Он выступает не только посредником между мирами, но и

носителем особого статуса исполнения. Разумеется, шаман не является актером в прямом смысле слова: его действие направлено не на художественное изображение персонажа, а на реальное, с точки зрения традиционного сообщества, взаимодействие с духовным миром. Однако в его практике уже присутствуют те механизмы, которые позднее станут фундаментальными для сцены [8].

Шаман входит в иной статус, меняет голос, пластику, темпоритм, использует костюм, маску и ритуальную атрибутику. Ритуальное перевоплощение осуществляется не декларативно, а через конкретные исполнительские средства: тембр, дыхание, манеру движения, характер жеста, способ взаимодействия с бубном и другими предметами [4]. В ходе ритуала шаман может последовательно выступать как человек, проводник духа, носитель голоса предков, защитник или противник вредоносной силы. Такая смена статусов создает раннюю форму организованного перехода в образ.

Особое значение имеет тело шамана. Оно становится не телом повседневного субъекта, а телом действия: напряженным, ритмизованным, подчиненным особой логике движений [18]. Голос также выступает как инструмент изменения статуса: крик, шепот, речитатив, гортанные призывы и протяжные закликательные формулы формируют звуковой образ, влияющий на коллективное восприятие. Таким образом, шаман может быть интерпретирован как протомодель сценического исполнителя, а ритуальное перевоплощение – как ранняя форма художественно организованного перехода в образ [14].

*Пространство, звук, костюм и маска как элементы
ранней театральности*

Театральность шаманского ритуала возникает не из одного выразительного средства, а из синтетического взаимодействия пространственной организации, звука, визуального кода и пластической партитуры [20]. Пространство ритуала не является нейтральной средой: оно выделено, очищено, сакрализовано и организовано вокруг центра, огня, круга, мирового древа или иной оси. В этом отношении ритуал уже демонстрирует важнейшее качество будущей сцены – отделенность пространства действия от повседневного окружения [15].

Не менее значим звук. Бубен, заклинательная речь, песнопение, ритм и пауза образуют единую акустическую систему, которая не сопровождает действие, а организует его. Бубен задает темп перехода, поддерживает изменение состояния, маркирует смену фаз ритуала. Голос и речь не просто сообщают смысл, а создают звуковое напряжение, направляют внимание участников и обеспечивают ритуальную эффективность [6].

Костюм и маска также выполняют не декоративную, а функциональную роль. Они оформляют переход исполнителя в другой статус, делают этот переход зримым для сообщества и формируют визуальный код действия [19]. Шаманский костюм выступает как «мистическое тело», а маска – как инструмент радикального изменения режима присутствия [7]. Визуальный облик шамана становится не бытовым внешним видом, а образом, предъявленным коллективу как часть сакрального действия.

Решающим звеном, соединяющим пространство, звук и визуальный код, выступают жест и пластика. Круговые обходы, прыжки, вращения, подражание животным, смены темпа, остановки и ритмизованные удары ногами образуют телесную партитуру действия. Благодаря этому ритуал становится непосредственно видимым. Следовательно, театральность шаманского ритуала формируется как результат синтетического взаимодействия всех его выразительных компонентов [11].

*Драматургия перехода и коллективное переживание
как основа сценического действия*

Шаманский ритуал строится как процесс нарушения равновесия, вхождения в пограничное состояние, прохождения через кризис и восстановления порядка. Именно эта логика делает его близким к будущей драматургии. Исходной точкой почти всегда становится кризисная ситуация: болезнь, утрата души, вторжение вредоносной силы, конфликт с духами местности, угроза благополучию общины [13]. Уже здесь возникает завязка действия – проблема, требующая перехода в иной режим существования.

Следующая фаза связана с нарастанием напряжения и вхождением в лиминальное состояние [17]. Пространство очищается, шаман

проходит через трансформацию статуса, коллектив переключается из повседневного режима в режим ожидания. Кульминация ритуала приходится на момент символического путешествия между мирами: поиск души, схватку с духом болезни, получение откровения или восстановление нарушенных связей [10]. Эта кульминация не остается внутренним переживанием исполнителя, а предъясняется коллективу через звук, жест, паузу, смену темпа и телесную напряженность.

Завершающая фаза связана с восстановлением порядка. Шаман возвращается, сообщает результат, снимает опасность, дает предписание или благословение [16]. Тем самым ритуал получает выраженную внутреннюю драматургию: завязку, нарастание напряжения, кризисный переход и развязку.

Принципиально важно, что шаманский ритуал предполагает не просто действие исполнителя, а вовлечение сообщества. Участники не остаются внешними наблюдателями: они эмоционально включаются в процесс ожидания, страха, напряжения, надежды и облегчения. Коллективное переживание, ожидание результата и общая эмоциональная сонастройка становятся важнейшими признаками ранней театральности [21]. Следовательно, шаманский ритуал может рассматриваться как один из источников сценической организации действия не только на уровне выразительных средств, но и на уровне драматургической динамики.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать несколько основных выводов:

1. Шаманский ритуал является не только религиозно-обрядовой практикой, но и сложной синкретической формой действия, в которой миф, звук, телесная техника, предметная символика и коллективное участие образуют единую структуру.
2. В шаманском ритуале уже присутствуют ключевые признаки ранней театральности: особый исполнительский статус, ритуальное перевоплощение, знаково организованное пространство, структурирующая роль звука, функциональность костюма и маски, а также ритмизованная телесность.

3. Особое значение для понимания шаманского действия имеет драматургия перехода, основанная на последовательности нарушения равновесия, вхождения в лиминальное состояние, прохождения через кризис и восстановления порядка.
4. Шаман может быть интерпретирован как носитель ранней модели сценического поведения, основанной на медитативности, работе с телом и голосом, визуальном оформлении образа и воздействии на коллектив.
5. Следовательно, шаманский ритуал может рассматриваться как один из значимых культурных источников генезиса сценического действия и раннего сценического мышления.

Дальнейшее исследование данной проблемы целесообразно связать с анализом конкретных национальных моделей сценической трансформации шаманизма – прежде всего в Китае, Монголии и российских регионах, где данные механизмы получили различные историко-культурные формы художественного переосмысления.

Информация о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о спонсорстве. Исследование не имело спонсорской поддержки.

Благодарности. Автор выражает благодарность научному руководителю и коллегам, чьи замечания и рекомендации способствовали уточнению концепции статьи.

Список литературы

1. Добжанская, О. Э. (2008). *Шаманская музыка самодийских народов Красноярского края*. Норильск: АПЕКС. 272 с.
2. Торчинов, Е. А. (2005). *Религии мира: опыт запредельного. Психотехника и трансперсональные состояния* (4-е изд.). Санкт-Петербург: Азбука-классика; Петербургское Востоковедение. 544 с. EDN: <https://elibrary.ru/QOEIYN>
3. Харитонов, В. И. (2006). *Феникс из пепла? Сибирский шаманизм на рубеже тысячелетий*. Москва: Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. 372 с.
4. Dowson, T. A. (2007). Debating shamanism in southern African rock art: Time to move on. *South African Archaeological Bulletin*, 62(185), 49–61.

5. Eliade, M. (1964). *Shamanism: Archaic techniques of ecstasy*. Princeton: Princeton University Press. 610 p.
6. Fischer-Lichte, E. (2008). *The transformative power of performance: A new aesthetics*. London; New York: Routledge. 240 p. <https://doi.org/10.4324/9780203894989>
7. Grimes, R. L. (2014). *The craft of ritual studies*. Oxford; New York: Oxford University Press. 414 p.
8. Hamayon, R. (2016). *Why we play: An anthropological study*. Chicago: HAU Books. 370 p.
9. Hoppál, M. (2007). *Shamans and traditions*. Budapest: Akadémiai Kiadó. 188 p.
10. Humphrey, C., & Onon, U. (1996). *Shamans and elders: Experience, knowledge, and power among the Daur Mongols*. Oxford: Clarendon Press. 336 p. <https://doi.org/10.1093/oso/9780198279419.001.0001>
11. Schechner, R. (2013). *Performance studies: An introduction* (3rd ed.). London; New York: Routledge. 376 p.
12. Turner, V. (1969). *The ritual process: Structure and anti-structure*. London: Routledge & Kegan Paul. 213 p.
13. Vitebsky, P. (2001). *Shamanism*. Norman: University of Oklahoma Press. 184 p.
14. Singh, M. (2018). The cultural evolution of shamanism. *Behavioral and Brain Sciences*, 41, e66. <https://doi.org/10.1017/S0140525X17001893>
15. Herrmans, I. (2021). Ritual sociality and the limits of shamanic efficacy among the Luangans of Indonesian Borneo. *Anthropological Forum*, 31(1), 49–63. <https://doi.org/10.1080/00664677.2021.1886903>. EDN: <https://elibrary.ru/EQASRY>
16. Mithen, S. (2022). Shamanism at the transition from foraging to farming in Southwest Asia: Sacra, ritual, and performance at Neolithic WF16 (southern Jordan). *Levant*. <https://doi.org/10.1080/00758914.2022.2104559>. EDN: <https://elibrary.ru/VSDQUP>
17. Sánchez Celaya, M. G. (2023). Gabriela Carneiro da Cunha's Altamira 2042: Fostering multispecies survival through performance, ritual and active listening. *Synthesis: An Anglophone Journal of Comparative Literary Studies*, (15). <https://doi.org/10.12681/syn.35719>
18. Nair, U. (2024). Beyond the secret (gsang ba): The performativity of citation in an exile Tibetan Buddhist ritual. *Signs and Society*, 12(2), 142–163. <https://doi.org/10.1086/729018>. EDN: <https://elibrary.ru/LNCDTX>
19. Dastarlı, E., & Okkalı, İ. C. (2024). Detecting the limitations of performance: Performance art as a neo-shamanistic ritual. *Sanat Tarihi Yıllığı - Journal of Art History*, (33), 21–47. <https://doi.org/10.26650/sty.2024.1419851>
20. Saki, F. (2025). Zâr: Cultural beliefs, symptoms, and healing ritual — anthropological study of a cultural mental disorder. *Culture & Psychology*, 31(2), 588–613. <https://doi.org/10.1177/1354067X251315739>. EDN: <https://elibrary.ru/PAHFBY>

21. Simões, C. F. (2021). Theatre and indigenous peoples: Learning to imagine new worlds in end times. *Theatre Research International*, 46(3), 374–381. <https://doi.org/10.1017/s0307883321000420>. EDN: <https://elibrary.ru/WJUGPI>

References

1. Dobzhanskaya, O. E. (2008). *Shamanic Music of the Samoyedic Peoples of Krasnoyarsk Krai*. Norilsk: APEKS. 272 p.
2. Torchinov, E. A. (2005). *Religions of the World: The Experience of the Transcendental. Psychotechnics and Transpersonal States* (4th ed.). Saint Petersburg: Azbuka-Klassika; Peterburgskoe Vostokovedenie. 544 p. EDN: <https://elibrary.ru/QOEIYN>
3. Kharitonova, V. I. (2006). *Phoenix from the Ashes? Siberian Shamanism at the Turn of the Millennium*. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology named after N. N. Miklukho-Maklai, RAS. 372 p.
4. Dowson, T. A. (2007). Debating shamanism in southern African rock art: Time to move on. *South African Archaeological Bulletin*, 62(185), 49–61.
5. Eliade, M. (1964). *Shamanism: Archaic techniques of ecstasy*. Princeton: Princeton University Press. 610 p.
6. Fischer-Lichte, E. (2008). *The transformative power of performance: A new aesthetics*. London; New York: Routledge. 240 p. <https://doi.org/10.4324/9780203894989>
7. Grimes, R. L. (2014). *The craft of ritual studies*. Oxford; New York: Oxford University Press. 414 p.
8. Hamayon, R. (2016). *Why we play: An anthropological study*. Chicago: HAU Books. 370 p.
9. Hoppál, M. (2007). *Shamans and traditions*. Budapest: Akadémiai Kiadó. 188 p.
10. Humphrey, C., & Onon, U. (1996). *Shamans and elders: Experience, knowledge, and power among the Daur Mongols*. Oxford: Clarendon Press. 336 p. <https://doi.org/10.1093/oso/9780198279419.001.0001>
11. Schechner, R. (2013). *Performance studies: An introduction* (3rd ed.). London; New York: Routledge. 376 p.
12. Turner, V. (1969). *The ritual process: Structure and anti-structure*. London: Routledge & Kegan Paul. 213 p.
13. Vitebsky, P. (2001). *Shamanism*. Norman: University of Oklahoma Press. 184 p.
14. Singh, M. (2018). The cultural evolution of shamanism. *Behavioral and Brain Sciences*, 41, e66. <https://doi.org/10.1017/S0140525X17001893>
15. Herrmans, I. (2021). Ritual sociality and the limits of shamanic efficacy among the Luangans of Indonesian Borneo. *Anthropological Forum*, 31(1), 49–63. <https://doi.org/10.1080/00664677.2021.1886903>. EDN: <https://elibrary.ru/EQASRY>
16. Mithen, S. (2022). Shamanism at the transition from foraging to farming in Southwest Asia: Sacra, ritual, and performance at Neolithic WF16 (southern

- Jordan). *Levant*. <https://doi.org/10.1080/00758914.2022.2104559>. EDN: <https://elibrary.ru/VSDQUP>
17. Sánchez Celaya, M. G. (2023). Gabriela Carneiro da Cunha's Altamira 2042: Fostering multispecies survival through performance, ritual and active listening. *Synthesis: An Anglophone Journal of Comparative Literary Studies*, (15). <https://doi.org/10.12681/syn.35719>
18. Nair, U. (2024). Beyond the secret (gsang ba): The performativity of citation in an exile Tibetan Buddhist ritual. *Signs and Society*, 12(2), 142–163. <https://doi.org/10.1086/729018>. EDN: <https://elibrary.ru/LNCCTX>
19. Dastarlı, E., & Okkalı, İ. C. (2024). Detecting the limitations of performance: Performance art as a neo-shamanistic ritual. *Sanat Tarihi Yıllığı - Journal of Art History*, (33), 21–47. <https://doi.org/10.26650/sty.2024.1419851>
20. Saki, F. (2025). Zâr: Cultural beliefs, symptoms, and healing ritual – anthropological study of a cultural mental disorder. *Culture & Psychology*, 31(2), 588–613. <https://doi.org/10.1177/1354067X251315739>. EDN: <https://elibrary.ru/PAHFBY>
21. Simões, C. F. (2021). Theatre and indigenous peoples: Learning to imagine new worlds in end times. *Theatre Research International*, 46(3), 374–381. <https://doi.org/10.1017/s0307883321000420>. EDN: <https://elibrary.ru/WJUGPI>

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Ван Чао, аспирант кафедры культурологии, философии культуры и эстетики
Института философии
Санкт-Петербургский государственный университет
Университетская наб., 7-9, г. Санкт-Петербург, 199034, Российская
Федерация
st106486@student.spbu.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Wang Chao, postgraduate student at the Department of Cultural Studies, Philosophy
of Culture and Aesthetics at the Institute of Philosophy
St. Petersburg State University
7-9, Universitetskaya Embankment, St. Petersburg, 199034, Russian Fe-
deration
st106486@student.spbu.ru
SPIN-code: 2818-8199
ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-7412-9319>

Поступила 10.05.2026

После рецензирования 15.06.2026

Принята 18.06.2026

Received 10.05.2026

Revised 15.06.2026

Accepted 18.06.2026

Теория и история культуры, искусства / Theory and History of Culture, Art

Научная статья

DOI: [10.12731/2576-9782-2026-10-2-342](https://doi.org/10.12731/2576-9782-2026-10-2-342)EDN: [AHUPUM](#)

Original article

УДК 130.2

Функционально-типологическое осмысление региональных текстов культуры

Т.В. Филатьева

Академия Матусовского, Луганск, Российская Федерация

Аннотация

Обоснование. В условиях современности актуализируется понятие «текст культуры» в культурно-философском контексте, иллюстрируются трактовки понятий «текст», «текст культуры» в исследованиях разных ученых. Представлена типология текстов культуры, основанная на их функциях и видах деятельности человека. Типология текстов культуры обусловлена различиями в ценностно-смысловых нагрузках, кодовых характеристиках, материальной наполненности, типах трансляции культурных ценностей. Проанализировано понятие «региональная культура», установлены факторы, влияющие на формирование культурных ценностей в условиях конкретного региона.

Цель исследования состоит в выявлении типологических особенностей региональных текстов культуры, обусловленных их функциональностью; в установлении понятия и критериев типологии региональных текстов культуры в ценностно-смысловом контексте.

Методология. Исследование основывается на философско-культурологическом анализе концептов «текст культуры», «типология текстов культуры», с использованием деятельностного, аксиологического и функционального подходов при разработке критериев типологии региональных текстов культуры.

Результаты. Установлено, что региональный текст культуры позиционируется как артефакты, явления, объекты и предметы культуры определенного города, округа, региона, свойственные только этой территориальной целостности и транслирующие ценностно-смысловые нагрузки, доступные для понимания исключительно жителями определенной территории. Выделены типы региональных текстов культуры функциональные, художественно-публицистические, фольклорные, энциклопедические. В результате исследования, установлено, что различия культуротворческой элиты влияют на разнообразие региональных текстов культуры; региональные

тексты культуры отличаются оригинальной смыслообразующей константой. Региональные тексты культуры являются продуктом коллективной, репродуктивной, творческой деятельности, которая определяет культурные ценности на основе традиций и обычаев, содержат ценностные смыслы, характерные только для жителей отдельной территориальной целостности.

Область применения результатов. Полученные результаты могут применяться в философско-культурологических исследованиях, в работах по региональной культуре, при организации семинаров, касающихся интерпретации текстов культуры, их типологии и привязки к территориальным ценностям.

Ключевые слова: текст; текст культуры; типология; типология текстов культуры; функции; региональный текст культуры; артефакт

Для цитирования. Филатьева, Т. В. (2026). Функционально-типологическое осмысление региональных текстов культуры. *Russian Studies in Culture and Society / Российские исследования. Культура и общество*, 10(2), 250-263. <https://doi.org/10.12731/2576-9782-2026-10-2-342>

Functional-typological meaning of regional cultural texts

T.V. Filatyeva

Matusovsky Academy of Culture and Arts, Lugansk, Russian Federation

Abstract

Background. In contemporary conditions, the concept of “cultural text” is becoming increasingly relevant within the cultural-philosophical context, illustrating the interpretations of the notions of “text” and “cultural text” in various scholars’ research. A typology of cultural texts is presented, based on their functions and types of human activity. This typology is determined by differences in value-semantic content, coding characteristics, material components, and types of transmission of cultural values. The concept of “regional culture” is analyzed, and factors influencing the formation of cultural values in a specific region are identified.

Purpose. The aim of the research is to identify typological features of regional texts of culture, conditioned by their functionality; to establish the concept and criteria for the typology of regional texts of culture in a value-meaning context.

Methodology. The study is based on a philosophical and cultural analysis of the concepts “cultural text” and “typology of cultural texts,” employing activity-based, axiological, and functional approaches to develop criteria for the typology of regional texts of culture.

Results. It is established that a regional text of culture positions itself as artifacts, phenomena, objects, and items of culture specific to a particular city, district, or re-

gion, inherent only within this territorial integrity and transmitting value-meaning loadings accessible for understanding exclusively by residents of a given area. Types of regional texts of culture are identified as functional, artistic-publicistic, folklore, and encyclopedic. As a result of the study, it is determined that differences among cultural elites influence the diversity of regional texts of culture; regional texts of culture differ by an original meaning-forming constant. Regional texts of culture are products of collective, reproductive, and creative activities that define cultural values on the basis of traditions and customs, containing value meanings unique to the inhabitants of a specific territorial integrity.

Practical implications. The obtained results can be applied in philosophical and cultural studies, in works on regional culture, in organizing seminars concerning the interpretation of cultural texts, their typology, and their linkage to territorial values.

Keywords: text; cultural text; typology; typology of cultural texts; functions; regional text of culture; artifact

For citation. Filatyeva, T. V. (2026). Functional-typological meaning of regional cultural texts. *Russian Studies in Culture and Society*, 10(2), 250-263. <https://doi.org/10.12731/2576-9782-2026-10-2-342>

Введение

В современном социокультурном пространстве продукты культуры трактуются как тексты. Даная тенденция появилась в работах постмодернистов, которые все интерпретировали как текст: природу, музыкальные, литературные, живописные произведения и т.д. Тексты культуры появляются в результате коммуникации, взаимодействия средств и способов общения, эволюция которых ведет к смене видов деятельности человека. Тип коммуникации в культуре определяет особенности трансляции, интерпретации текста культуры в пределах исторической эпохи. Проблемы понимания, типологии текстов культуры в разных культурно-исторических регионах, временных рамках, функционально-типологический подход в изучении региональных текстов культуры, несущих ценностно-смысловую нагрузку в контексте определенной культуры, являются актуальными в современном культурфилософском дискурсе.

Научная новизна исследования состоит в том, что впервые систематизированы основные категории и сформулировано понятие «региональный текст культуры» в контексте аксиоло-

гического, деятельностного и функционального подходов, что позволило выделить основные критерии и типы региональных текстов культуры.

Материалы и методы

Методы исследования:

- 1) метод контент-анализа, направленный на выявление философско-культурологической сущности понятий «текст культуры», «региональный текст культуры»;
- 2) функциональный подход при разработке критериев типологии региональных текстов культуры;
- 3) аксиологический подход для выявления смысловой нагрузки региональных текстов культуры;
- 4) деятельностный подход для выделения и обоснования типов региональных текстов культуры как артефактов определенной территориальной целостности.

Материалами исследования выступили классические исследования философов и культурологов отечественного и мирового значения (И. Кант, Г. Маклюэн, Ю. Лотман, М. Бахтин, В. Воеводин, Н. Симбирцева и др.). Дополнительными источниками послужили современные культурологические, социологические, философские публикации, раскрывающие сущность текстов культуры и особенности их восприятия в условиях региональной культуры.

Результаты и обсуждение

В философско-культурологических исследованиях существует много определений категорий «текст», «текст культуры». Так, текст культуры у Ю. Лотмана – это «сложное устройство, хранящее многообразные коды, способное трансформировать получаемые сообщения и порождать новые, информационный генератор, обладающий чертами интеллектуальной личности» [10].

В исследованиях Н. Симбирцевой текст культуры трактуется как постоянно изменяющаяся динамическая система, которая транслирует социокультурный опыт функционирования ценностно-смысловой

составляющей культуры, актуальной в пространственно-временной матрице поколений [4; 15].

Исходя из определения Ю. Лотмана, можно выделить два типа текстов, основывающихся на собственной функциональности: первый тип текстов транслирует «адекватную передачу значения», и второй тип «порождает новые смыслы». То есть второй тип текстов является сложным, так как отличается вариантами интерпретации, что рознит его с текстами первого типа, которым свойственна максимальная однозначность. Таким образом, первый тип текстов носит номинативный характер, а второй – знаковый (означивающий). То есть второй тип текстов можем обозначить текстом культуры как более сложное, функциональное явление, названное Ю. Лотманом «интеллектуальной личностью», которая продуцирует новые смыслы [3].

Е. Шатова указывает, что категория «текст культуры» в контексте культурфилософского знания складывается из трех направлений действия с определенным текстом культуры. Автор рассматривает «текст культуры» в контексте семиотики, где каждый артефакт трактуется как текст культуры, как следствие культура складывается из пространства текстов/артефактов. Второе направления действий с текстом культуры – анализ артефакта «изнутри», т.е. синтез внутренних структур текстов культуры на основе исключения несущественного. Третье направление презентует текст культуры в семиозисе с позиций системного подхода, где культура (соответственно и текст культуры как ее структурная единица) есть система [10, с. 34]. Исходя из этого, отметим, что каждый артефакт есть «текст культуры», который транслируется и декодируется в пространстве текстов и реципиентов.

И. Кант трактует текст культуры как культурный опыт, единицей которого он и является: «мы не можем придумывать впервые... ни одного предмета с новыми и эмпирически недоступными (наблюдению) свойствами сообразно этим категориям и позволить себе полагать их в основу гипотез, так как это означало бы подтасовывать разуму пустые фикции вместо понятий о вещах» [10]. Так, И. Кант рассматривает текст культуры как форму бытия культуры.

Таким образом, текст культуры – это и форма репрезентации человеческого опыта, и его содержание (смысл), обусловленное интерпретацией, диалогом между текстом, реципиентом и внутренним содержанием текста, то есть смыслом.

Понятие «типология» можно рассматривать как метод научного познания, основанный на обобщении качеств явления или объекта, характерных для их большинства. Характер типологии определяется целями исследования. Философский словарь трактует понятие «типологии» как «метод научного познания, в основе которого лежит расчленение систем объектов и их группировка с помощью обобщенной, идеализированной модели или типа» [8]. А. Воеводин обозначает типологию как «сложную теоретическую процедуру исследования, призванную упорядочивать культурные феномены в соответствии с характерными существующими признаками, которые наглядно не проявляются и феноменологически не фиксируются на уровне обыденного (эмпирического) сознания» [1, с. 248].

Критериями типологии могут быть:

- способ построения: эмпирический, теоретический;
- признаки, лежащие в основе типологии: морфологический, функциональный, генетический, структурный;
- цель исследования: описательная, объяснительная, прогностическая. Кроме того критерии типологии могут быть формальные, содержательные, антропологические.

Типология текстов культуры обусловлена различными факторами, среди которых выделим:

- исторические условия функционирования текстов культуры;
- мировоззренческие позиции общества;
- социокультурный контекст;
- региональные культурные особенности.

Типология текстов культуры основывается на функциональный и описательный критерии типологии. К вопросу типологии текстов культуры обращались Г. Маклюэн, В. Адмони, Э. Верлих, В. Белянина, Н. Симбирцева и др. Типология Г. Маклюэна основана на критерии эволюции видов человеческой деятельности, основанных

на способах и средствах коммуникации. Исходя из этого выделены дописменные (бесписьменные), письменные (книжные), экранные (информационные) тексты культуры [5; 12; 13]. Смена видов деятельности, семиозис текстов культуры, все это способствовало формированию нового типа мировоззрения.

В. Адмони выделил сакральные (магические, мифологические, религиозные), утилитарные (научные, производственные, административно-правовые, рекламные), художественные тексты культуры.

Э. Верлих в основу типологии взял функционально-смысловой критерий и выделил дискриптивные (описательные), нарративные (повествовательные), объяснительные, аргументативные, инструктивные тексты культуры (художественные).

В. Белянин выделяет эмоциональные тексты культуры: светлые, веселые, красивые, усталые, печальные, сложные, смешанные тексты культуры.

Н. Симбирцева главными критериями типологии текстов культуры выбирает следующие принципы: графический, хронологический, национальной репрезентативности. В контексте историко-культурной динамики автор выделяет такие типы текстов культуры: «традиционный, индустриальный, постиндустриальный (современный)» [4; 14]. Данная типология обусловлена различиями в ценностно-смысловых приоритетах, кодовых характеристиках, материальной наполненности, типах трансляции культурных ценностей. Рассмотрим выделенные тексты культуры.

Так, Н. Симбирцева к текстам традиционной культуры относит артефакты и тексты первобытной культуры, Античности и Средневековья, акцентируя на их синкретизме, мифологичности/религиозности, традиционности и стабильности в передаче культурного опыта.

Тексты индустриальной культуры отражают мировоззренческие позиции Нового времени и характеризуются рационализмом, системностью, энциклопедизмом, социокультурной и художественной практикой, представлением окружающей действительности, появлением новых форм и видов искусства, спровоцированных техническим прогрессом [5; 11].

К Новейшему времени и современности Н. Симбирцева относит тексты постиндустриальной культуры, они отражают философские сущности, прежде всего, поиск человеком своего места в мире глобализации и информационно-технического взрыва, возможностей для репрезентации в современной действительности.

Проанализировав исследования авторов в области типологии текстов культуры, считаем важным выделить понятие «региональная культура». В некоторых исследованиях к региональной культуре относят культуру групп стран, традиции и ценности которых сходны, имеют общие доминанты. Мы рассматриваем понятие «региональной культуры» в узком значении, как культуру территориальной единицы одного государства. А. Стризов и В. Храпова утверждают, что региональная культура «...характеризуется объединяющим полем центростремительных интегративных связей, локализованных (ограниченных) в определенном физическом и социальном пространстве и формирующих региональную общность людей как коллективный субъект совместной социокультурной деятельности. Знаково-символическая реальность регионального культурного творчества, уникальность стиля и форм, богатство содержания, отражающего качественную специфику общечеловеческих практик освоения мира...» [6, с. 64].

В. Храпова и И. Карандашов определяют региональный текст культуры как сложную подвижную единицу, эволюционирующую в семантических структурах социокультурных систем [9].

Региональные тексты культуры – это артефакты, явления, объекты и предметы культуры определенного города, округа, региона, свойственные только этой территориальной целостности и транслирующие ценностно-смысловые нагрузки, доступные для понимания исключительно жителями определенной территории. Среди видов региональных текстов можно выделить: функциональные (реклама, объявления, путеводители и т.д), художественно-публицистические (работы местных авторов, несущие ценности региона), фольклорные (диалект, народные песни, сказки, стихи), энциклопедические (литература о культуре, истории, географии, политике и т.д. регио-

на). Региональные тексты культуры отражают колорит, ценностно-смысловые установки жителей определенной территории. Выделим объединяющие факторы, позволяющие вывести понятие «регионального текста культуры» и типы региональных текстов культуры:

- ландшафт, географические особенности, физическое пространство, особенности его организации;

- промышленность;

- язык, речевые особенности, особенности бытового уклада;

- идеологические установки;

- историческое прошлое общества и природы;

- ценностно-смысловая компонента культуры.

Основным критерием для выделения региональных текстов культуры необходимо считать, по мнению А. Воеводина, «региональную общность людей как коллективный субъект совместной социокультурной деятельности» [1].

Основой региональной культуры, ее стержнем является культура центра (столицы), которая, в свою очередь, складывается из многообразия региональных, самобытных культур. Исходя из этого, можем понимать культуру России как текст, складывающийся из многообразия региональных текстов культуры, создающих масштабный конгломерат культурных ценностей разных народов, религий, мировоззренческих позиций, основанных на общности интересов и единстве деятельности.

Региональные тексты культуры отличаются собственной идентичностью, которая формируется на основе ценностей местной культуры. В разных регионах можно выделить специфические внутренние связи и особенности, благодаря которым выделяется тематико-стилистическое своеобразие текстов культуры регионов. Изучая культурные ценности Луганского региона, обозначим, что ключевыми являются: «инерция исторической памяти и связанные с ней героические мифологемы; хозяйственные традиции и связанные с ними профессиональные сообщества, закрепляющие в текстах культуры порядок и образ жизни» [6, с. 65].

Для современных региональных текстов культуры характерен принцип топохрона, то есть преобладание пространства над временем

в определенном продукте культуры. Тексты, отражающие историю региона, память, трансформируются в условия современной социокультурной обстановки, мультиплицируясь языковыми, речевыми константами современности. Пространство играет важную роль в региональных текстах культуры, которые создают пространственные композиции, образы, сочетают традиции прошлого и императивы настоящего. Региональные артефакты такого плана отражают визуальные тексты культуры, которые позволяют фиксировать в памяти образы и символы конкретного региона.

Обозначим константы, рассматриваемые как региональные тексты культуры, которые определяются на основе совместных видов деятельности: язык, герб, флаг, гимн = символика; архитектурно-парковые композиции; памятники художественной культуры (живописи, скульптуры, литературы, декоративно-прикладного искусства, песни, танец и т.д.); традиции быта, праздники, обычаи, ритуалы = ценности культуры.

Все выделенные тексты культуры появляются в результате региональной культуротворческой деятельности, основанной на степени накопления опыта по освоению регионального пространства. Однозначно, история региона способствует формированию локальных ценностей, ментальности, что отличает один регион от другого. В условиях локальной культуры можем говорить о формировании регионального сознания как показателя отличия существования общности в ограниченном пространстве от окружающих общностей [7].

Заключение

Проведенный философско-культурологический анализ концепта «текст культуры» в региональном контексте позволяет сделать следующие выводы:

- текст культуры – это форма репрезентации человеческого опыта, его содержание (смысл), обусловленное интерпретацией, диалогом между текстом, реципиентом и внутренним содержанием текста, то есть смыслом;

- региональные тексты культуры появляются в ходе культурно-исторического развития региона, в результате коллективной, репро-

дуктивной, творческой деятельности, определяющей культурные ценности на основе традиций и обычаев жителей отдельной территориальной целостности;

- на основе функционального подхода выделили функции региональных текстов культуры: идентификационную, коммуникативную, адаптационную, экономическую;

- типологический аспект классифицирует тексты культуры по: происхождению, структуре, тематике, степени влияния.

Разнообразие культуротворческой элиты напрямую влияет на многозначность и разнообразие региональных текстов культуры. Кроме того, тексты культуры регионов, в частности, созданные коренным населением, постоянно дополняются смыслами переселенцев, населяющих регион. Например, Луганщина считается многонациональным регионом, поэтому отличается своеобразными текстами культуры, несущими уникальную смыслообразующую составляющую культуры. Отметим, что региональные тексты культуры, хотя и уникальны по своей смысловой нагрузке, они связаны с культурными ценностями центра. Региональные тексты культуры формируют уникальный код территории. Функционально-типологический анализ позволяет выявить универсальные и специфические черты региональных текстов культуры, а так же механизмы их влияния на идентичность и развитие региона. Перспективными остаются вопросы, связанные с региональными текстами культуры конкретных регионов России, в частности, Луганского.

Список литературы

1. Воеводин, А. П. (2017–2018). Антропологические основания исторической типологии культуры. В *Мир культуры и культурология: Альманах научно-образовательного культурологического общества России* (Вып. VI, с. 247–252). СПб.
2. Лотман, Ю. М. (1981). Семиотика культуры и понятие текста. В *Учёные записки Тартуского государственного университета. Труды по знаковым системам* (Т. 12: Структура и семиотика художественного текста, с. 3–7). Тарту.
3. Лотман, Ю. М. (1981). Текст в тексте. В *Учёные записки Тартуского государственного университета. Труды по знаковым системам* (Т. 14: Текст в тексте, с. 3–18). Тарту.

4. Симбирцева, Н. А. (2013). Культурологический потенциал категории «Текст культуры». *Человек в мире культуры*, (3), 27–32. EDN: <https://elibrary.ru/RTPJBX>
5. Симбирцева, Н. А. (2017). *Специфика культурологической интерпретации (тексты культуры и читатели)* [Электронный ресурс]. Екатеринбург. ISBN 978-5-7186-0889-2. EDN: <https://elibrary.ru/JWRIYF>
6. Стризое, А. Л., & Храпова, В. А. (2022). Текст региональной культуры: инвариантные черты и конкретные особенности. *Logos et Praxis*, 21(2), 60–72. <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.2.7> EDN: <https://elibrary.ru/LNYIDB>
7. Филатьева, Т. В. (2025). Региональное сознание как отражение ценностных ориентиров человека. В *Современные научные проблемы и их решение: анализ, моделирование и практическое применение: сборник статей Международной научно-практической конференции* (с. 98–101). Уфа: Omega science. EDN: <https://elibrary.ru/EEBEZR>
8. Ильичев, Л. Ф., Федосеев, П. Н., Ковалев, С. М., & Панов, В. Г. (Ред.). (1983). *Философский энциклопедический словарь*. М.: Сов. энциклопедия. 840 с.
9. Храпова, В. А., & Карандашов, И. В. (2018). Региональный текст в современной социокультурной динамике. *Logos et Praxis*, 17(4), 60–72. <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2018.4.14> EDN: <https://elibrary.ru/PPLQEN>
10. Шатова, Е. Н. (2023). «Текст культуры» как категория философии культуры: от семиотической теории к исследовательской практике. *Дискурс*, (9), 33–43. <https://doi.org/10.32603/2412-8562-2023-9-5-33-43> EDN: <https://elibrary.ru/BRQNHW>
11. Berger, A. A. (2000). The meanings of culture: Culture: Its many meanings. *M/C Journal*, 3(2). <https://doi.org/10.5204/mcj.1833>
12. D'Andrade, R. G. (1984). Cultural meaning systems. В R. G. D'Andrade, R. A. Shweder, & R. A. LeVine (Ред.), *Cultural theory: Essays on mind, self and emotion* (pp. 88–115). Cambridge.
13. Bachmann-Medick, D. (2012). *Culture as text: Reading and interpreting cultures*. [Электронный ресурс]: файл Bachmann-Medick_2012_Culture_as_Text.pdf.
14. Inglehart, R. (1990). *Culture shift in advanced industrial society*. Princeton, NJ. <https://doi.org/10.1515/9780691186740>
15. Kues, N. von. (2002). *Kompedium: Philosophisch-theologische werke: Lateinisch-deutsch* (Band 4). Hamburg: Meiner. 110 s.

References

1. Воеводин, А. П. (2017–2018). Антропологические основания исторической типологии культуры. В А. П. Воеводин (Ред.), *Мир культуры и культурология. Альманах научно-образовательного культурологического общества России* (Вып. VI, С. 247–252). Санкт-Петербург.

2. Лотман, Ю. М. (1981). Семиотика культуры и понятие текста. В *Учёные записки Тартуского государственного университета. Труды по знаковым системам* (Т. 12: Структура и семиотика художественного текста, С. 3–7). Тарту.
3. Лотман, Ю. М. (1981). Текст в тексте. В *Учёные записки Тартуского государственного университета. Труды по знаковым системам* (Т. 14: Текст в тексте, С. 3–18). Тарту.
4. Симбирцева, Н. А. (2013). Культурологический потенциал категории «Текст культуры». *Человек в мире культуры*, (3), 27–32. EDN: <https://elibrary.ru/RTPJBX>
5. Симбирцева, Н. А. (2017). *Специфика культурологической интерпретации (тексты культуры и читатели)* [Электронный ресурс]. Екатеринбург. ISBN 978-5-7186-0889-2. EDN: <https://elibrary.ru/JWRIYF>
6. Стризое, А. Л., & Храпова, В. А. (2022). Текст региональной культуры: инвариантные черты и конкретные особенности. *Logos et Praxis*, 21(2), 60–72. <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.2.7>. EDN: <https://elibrary.ru/LNYIDB>
7. Филатьева, Т. В. (2025). Региональное сознание как отражение ценностных ориентиров человека. В *Современные научные проблемы и их решение: анализ, моделирование и практическое применение: сборник статей Международной научно-практической конференции* (С. 98–101). Уфа: Omega science. EDN: <https://elibrary.ru/EEBEZR>
8. Ильичев, Л. Ф., Федосеев, П. Н., Ковалев, С. М., & Панов, В. Г. (Ред.). (1983). *Философский энциклопедический словарь*. Москва: Советская энциклопедия. 840 с.
9. Храпова, В. А., & Карандашов, И. В. (2018). Региональный текст в современной социокультурной динамике. *Logos et Praxis*, 17(4), 60–72. <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2018.4.14>. EDN: <https://elibrary.ru/PPLQEN>
10. Шатова, Е. Н. (2023). «Текст культуры» как категория философии культуры: от семиотической теории к исследовательской практике. *Дискурс*, (9(5)), 33–43. <https://doi.org/10.32603/2412-8562-2023-9-5-33-43>. EDN: <https://elibrary.ru/BRQNHW>
11. Berger, A. A. (2000). The meanings of culture: Culture: Its many meanings. *M/C Journal*, 3(2). <https://doi.org/10.5204/mcj.1833>
12. D'Andrade, R. G. (1984). Cultural meaning systems. B R. G. D'Andrade, R. A. Shweder, & R. A. LeVine (Eds.), *Cultural theory. Essays on mind, self and emotion* (pp. 88–115). Cambridge.
13. Bachmann-Medick, D. (2012). *Culture as text: Reading and interpreting cultures*. [Электронный ресурс]: файл Bachmann-Medick_2012_Culture_as_Text.pdf.

14. Inglehart, R. (1990). *Culture shift in advanced industrial society*. Princeton, NJ.
<https://doi.org/10.1515/9780691186740>
15. Kues, N. von. (2002). *Kompendium: Philosophisch-Theologische Werke: Lateinisch-Deutsch* (Band 4). Hamburg: Meiner. 110 s.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Филатьева Татьяна Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры культурологии
Академия Матусовского
площадь Красная, 7, г. Луганск, ЛНР, 291001, Российская Федерация
Filateva81@gmail.com

DATA ABOUT THE AUTHOR

Tatyana V. Filatyeva, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Cultural Studies
Matusovsky Academy of Culture and Arts
7, Krasnaya Sq., Lugansk, 291001, Russian Federation
Filateva81@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-4487-4361>

Поступила 20.03.2026

После рецензирования 15.04.2026

Принята 18.04.2026

Received 20.03.2026

Revised 15.04.2026

Accepted 18.04.2026

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

(https://csjournal.ru/)

Russian Studies in Culture and Society / Российские исследования. Культура и общество – специализированный академический рецензируемый журнал, посвященный актуальным проблемам социокультурной жизни и социокультурным явлениям, представляющий результаты современных научных исследований явлений социальной реальности ученых постсоветского пространства и зарубежных исследователей.

Требования к оформлению статей

Объем рукописи	15–24 страницы формата А4, включая таблицы, иллюстрации, список литературы.
Поля	все поля – по 20 мм
Шрифт основного текста	Times New Roman
Размер шрифта основного текста	14 пт
Межстрочный интервал	полуторный
Отступ первой строки абзаца	1,25 см
Выравнивание текста	по ширине
Автоматическая расстановка переносов	включена
Нумерация страниц	не ведется
Формулы	в редакторе формул MS Equation 3.0
Рисунки	по тексту
Ссылки на формулу	(1)
Ссылки на литературу	[2, с. 5], цитируемая литература приводится общим списком в конце статьи в порядке упоминания
ЗАПРЕЩАЕТСЯ ИСПОЛЬЗОВАТЬ ССЫЛКИ-СНОСКИ ДЛЯ УКАЗАНИЯ ИСТОЧНИКОВ	

Обязательная структура статьи

УДК

ЗАГЛАВИЕ (на русском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на русском языке)

Аннотация (на русском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой
(на русском языке)

ЗАГЛАВИЕ (на английском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на английском языке)

Аннотация (на английском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой
(на английском языке)

Текст статьи (на русском языке)

1. Введение.

2. Материалы и методы.

3. Результаты и обсуждение.

4. Заключение.

5. Информация о конфликте интересов.

6. Информация о спонсорстве.

7. Благодарности.

Список литературы

Библиографический список по формату APA

References

Библиографическое описание согласно требованиям журнала

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: улица, дом, город, индекс, страна (на русском языке)

Электронный адрес

SPIN-код в SCIENCE INDEX:

DATA ABOUT THE AUTHORS

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: дом, улица, город, индекс, страна (на английском языке)

Электронный адрес

RULES FOR AUTHORS

(<https://csjournal.ru/>)

Russian Studies in Culture and Society is a specialized academic peer-reviewed journal devoted to current problems of the life of society and culture and socio-cultural phenomena, presenting the results of modern scientific researches of social reality phenomena of the post-Soviet scientists and foreign researchers.

Requirements for the articles to be published

Volume of the manuscript	15–24 pages A4 format, including tables, figures, references.
Margins	all margins –20 mm each
Main text font	Times New Roman
Main text size	14 pt
Line spacing	1.5 interval
First line indent	1,25 cm
Text align	justify
Automatic hyphenation	turned on
Page numbering	turned off
Formulas	in formula processor MS Equation 3.0
Figures	in the text
References to a formula	(1)
References to the sources	[2, p. 5], references are given in a single list at the end of the manuscript in the order in which they appear in the text

**DO NOT USE FOOTNOTES
AS REFERENCES**

Article structure requirements

TITLE (in English)

Author(s): surname and initials (in English)

Abstract (in English)

Keywords: separated with semicolon (in English)

Text of the article (in English)

1. Introduction.

2. Materials and methods.

3. Results of the research and Discussion.

4. Conclusion.

5. Conflict of interest information.

6. Sponsorship information.

7. Acknowledgments.

References

References text type should be APA Style

DATA ABOUT THE AUTHORS

Surname, first name (and patronymic) in full, job title, academic degree, academic title

Full name of the organization – place of employment (or study) without compound parts of the organizations' names, full registered address of the organization in the following sequence: street, building, city, postcode, country

E-mail

SPIN-code in SCIENCE INDEX:

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

СОЗИДАТЕЛЬНАЯ ЛИЧНОСТЬ В УСЛОВИЯХ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ С.Н. Панкова	4
--	---

ПРОЯВЛЕНИЯ ХИНДУТВЫ КАК ИДЕОЛОГИИ ИНДУИСТСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА В СОВРЕМЕННОМ КИНЕМАТОГРАФЕ ИНДИИ М.В. Кирчанов	28
---	----

ФЕНОМЕН ОТВЕТСТВЕННОГО РОДИТЕЛЬСТВА В КОНТЕКСТЕ СУЩЕСТВУЮЩИХ ПРАКТИК СЕМЕЙНО-БРАЧНОГО ПОВЕДЕНИЯ Т.В. Свадьбина, О.А. Немова	57
---	----

ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

ИДЕЯ ЗДОРОВЬЯ В КУЛЬТУР-ФИЛОСОФСКИХ КОНЦЕПЦИЯХ РУБЕЖА ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ О.В. Доронина	78
--	----

ЭКСПЕРТИЗА МНОГОСТОРОННИХ КУЛЬТУРНЫХ ПРОЕКТОВ ГРУППЫ БРИКС+ А.Э. Курумчина, В.Н. Кардапольцева	100
---	-----

ТЕАТР КАК МОСТ МЕЖДУ КУЛЬТУРАМИ: ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ И ГУМАНИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕАТРА В РОССИИ И БАНГЛАДЕШ Сармин Султана	122
---	-----

ДИХОТОМИЧНОСТЬ ОБРАЗОВ «ВОЗВЫШЕННОЕ – ЗЕМНОЕ» ПОЭЗИИ С. ЕСЕНИНА В РОМАНАХ Д. КОТЫЛЕВА В.Л. Бойко	140
---	-----

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ МАЛЫХ ГОРОДОВ И ТЕРРИТОРИЙ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ВНУТРЕННЕГО ТУРИЗМА (НА ПРИМЕРЕ ЛУКОЯНОВСКОГО РАЙОНА НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ)	
А.Н. Белохвостов, Ю.О. Матвейчева, В.А. Чистяков	158
ОТ ОБЪЕКТА К ОБРАЗУ: ПРАКТИКИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПАМЯТНИКОВ В РАБОТАХ ХУДОЖНИКОВ	
О.М. Соколова	188
ТАЙВАНЬСКОЕ ИСКУССТВО XX ВЕКА В УСЛОВИЯХ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ	
Ситун Се	210
ШАМАНСКИЙ РИТУАЛ КАК ИСТОЧНИК ТЕАТРАЛЬНОСТИ: К ВОПРОСУ О ГЕНЕЗИСЕ СЦЕНИЧЕСКОГО ДЕЙСТВИЯ	
Ван Чао	237
ФУНКЦИОНАЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ТЕКСТОВ КУЛЬТУРЫ	
Т.В. Филатьева	250
ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ	264

CONTENTS

SOCIOLOGY OF CULTURE

CREATIVE PERSONALITY UNDER SOCIOCULTURAL UNCERTAINTY S.N. Pankova	4
HINDUTVA AS AN IDEOLOGY OF HINDU NATIONALISM IN CONTEMPORARY INDIAN CINEMA M.W. Kyrchanoff	28
THE PHENOMENON OF RESPONSIBLE PARENTING IN THE CONTEXT OF EXISTING PRACTICES OF FAMILY AND MARRIAGE BEHAVIOR T.V. Syadbina, O.A. Nemova	57

THEORY, METHODOLOGY AND HISTORY OF SOCIOLOGY

THE IDEA OF HEALTH IN CULTURAL-PHILOSOPHICAL CONCEPTS AT THE TURN OF THE MILLENNIUM O.V. Doronina	78
AN ANALYSIS OF MULTILATERAL CULTURAL PROJECTS BY THE BRICS+ GROUP A.E. Kurumchina, V.N. Kardapoltseva	100
THEATRE AS A BRIDGE BETWEEN CULTURES: THE EDUCATIONAL AND HUMANISTIC POTENTIAL OF THEATRE IN RUSSIA AND BANGLADESH Sarmin Sultana	122
DICHOTOMY OF IMAGES «SUBLIME – EARTHLY» OF S. ESENIN'S POESY IN ROMANCES BY D. KOTYLEV V.L. Boiko	140

HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE OF SMALL CITIES AND TERRITORIES AS A FACTOR IN THE DEVELOPMENT OF INTERNAL TOURISM (ON THE EXAMPLE OF THE LUKOYANOVSKY DISTRICT OF THE NIZHNY NOVGOROD REGION) A.N. Belokhvostov, Y.O. Matveicheva, V.A. Chistyakov	158
FROM OBJECT TO IMAGE: PRACTICES OF REPRESENTING MONUMENTS IN ARTISTS' WORKS O.M. Sokolova	188
20TH-CENTURY TAIWANESE ART IN THE CONTEXT OF SOCIOCULTURAL TRANSFORMATION Xitong Xie	210
SHAMANIC RITUAL AS A SOURCE OF THEATRICALITY: ON THE GENESIS OF STAGE ACTION Wang Chao	237
FUNCTIONAL-TYPOLOGICAL MEANING OF REGIONAL CULTURAL TEXTS T.V. Filatyeva	250
RULES FOR AUTHORS	264